

Костомаров Николай Иванович

Очерк домашней жизни и нравов
великорусского народа в XVI и XVII
столетиях

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Жилые местности
- II. Города
- III. Москва
- IV. Посады
- V. Слободы
- VI. Села и деревни
- VII. Дворы и дома
- VIII. Домашняя мебель и утварь
- IX. Одежда
- X. Пища и питье
- XI. Образ домашней жизни
- XII. Здоровье и болезни
- XIII. Семейные нравы
- XIV. Порядок домоуправления
- XV. Выезд из дома и путешествие
- XVI. Прием гостей, -
Обращение
- XVII. Пиршества. - Пьянство
- XVIII. Увеселения. - Игры. - Забавы
- XIX. Праздники
- XX. Домашние обряды
- XXI. Верования.

Наша историческая литература не бедна сборниками актов и летописей и многими добросовестными исследованиями по разным отраслям русской старины. Но это составляет драгоценность или для специальных ученых, или для лиц, которым положение их и воспитание позволяет следить постоянно за ходом науки и знакомиться со всеми текущими явлениями в ее области. Но за этим немногочисленным классом читателей есть гораздо большая масса публики, погруженная в занятия, которые лишают ее и времени, и средств, чтоб обращаться к чтению ученых исследований, решающих тот или другой вопрос прошедшей русской жизни. Нередко случается слышать укоры в невежестве и отсутствии мысли, обращенные на тех, которые, получая журналы, читают в них одни легкие статьи и оставляют неразрезанными ученые; но часто так поступают люди образованные и развитые и столько же в своей сфере полезные для общества, как и авторы ученых статей, не читаемых ими. Нельзя их обвинять, если после трудов на своем поприще они ищут в чтении отдохновения: невозможно требовать, чтоб их интересовал частный вопрос по науке, когда их деятельность обращена к другим предметам. Еще менее возможно, чтоб они читали сырые материалы, как, например, Акты Археографической комиссии. Но это не значит, чтоб прошедшая жизнь не возбуждала в них никакого интереса: для этой части публики нужны только не частные исследования, а очерки, из которых они могут составить себе целостные представления.

Для этого класса читающей публики я предпринял составить очерк прошедшей русской жизни во всех ее видах. Отрывок моего труда -- "О торговле в нашем государстве" -- был напечатан в

"Современнике" 1857 года*; теперь я предлагаю "Очерк домашней жизни". Таким образом, я надеюсь составить впоследствии очерки церковного устройства, администрации, судопроизводства, военного быта. Я далек от того, чтоб считать предлагаемый очерк оконченным трудом, но смею надеяться, что собрание рассеянных в русских и иностранных источниках сведений о нашей старой домашней жизни не останется без некоторой пользы.

* Примеч. и "Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях" (С.-Пб. Тиблена) напечатан в СПб. в 1862 году.

ГЛАВА I

Жилые местности

Жилые местности в старой Руси были: город, пригород, посад, слобода, погост, село, сельцо, деревня, починок.

Название *город* принималось в различных смыслах. Первоначально это слово значило огороженное место, то есть то, что ныне ограда, огорожа. В старые богатырские времена людским жилищам часто угрожали то нашествия чужих, то свои домашние неприятели при частых неурядицах и междоусобиях, поэтому их старались укреплять -- огораживать. Для такой важной цели достаточно было тогда плетня или частокола, поэтому одно и то же слово *город* (огород, город) в смысле огорожи означало и огорожу, охранявшую домашнее жилье от животных, и твердыню от неприятельского нашествия. Местности, где укрепления представляли больше надежды на безопасность в случае внешних нападений, сделались центрами прилива народонаселения: одни селились в самых городах, другие поблизости к ним, чтоб иметь возможность убежать в охранное место, когда наступит опасность. Все больше или меньше имели нужду в городах; отсюда возникло, что города получили значение преимущества пред неукрепленными поселениями и последние подпадали им в зависимость, которая, по духу того времени, когда владычествовала сила, заменялась часто и легко порабощением. Но не все города имели равное достоинство по своей крепости: крепчайшие делались центром власти и им подчинялись другие. Тогда между городами образовались два рода -- старшие и младшие, сильнейшие и слабейшие, или города и пригороды. В связи с стратегическими условиями подчинению меньших городов большим способствовали исторические обстоятельства народной жизни. Таким образом, собственное слово *город* начало означать господствующее

место -- столицу над краем, заключавшим несколько пригородов, сел, деревень. Так, Киев был городом земли полян, или земли Русской, Чернигов -- городом земли Северской, Новгород -- земли Новгородской, Псков -- земли Псковской, Хлынов -- земли Вятской, а Вышгород, Белгород были пригороды Киева, Ладога -- пригород Новгорода, Изборск -- пригород Пскова, и так далее. Когда раздельные части Восточной Руси сплотились между собою, Москва получила смысл города всей Русской земли, -- но тогда самое слово город изменило прежнее значение. Городом не называлось уже главное правительственное место, где находился центр правления, напротив, это слово начали употреблять в обратном смысле. Москва называлась Москвою: собственное имя ее нередко принималось нарицательным именем русской столицы; говорилось: "на Москве и в городах", как теперь говорится: в столице и провинциях. В XVI и XVII веках название *город* сохраняло два значения: укрепленной местности и административного провинциального пункта. В городах происходило соприкосновение народа с властью; там была складка военной силы, которой поручен край для охранения; туда стекались государственные доходы, вносимые краем наконец, там жители края искали убежища во время военных опасностей. По мере расширения народонаселения возникали города один за другим и, сообразно благоприятным условиям, одни получали пред другими преимущества в отношении важности своей. Таким образом, города были большие и меньшие, и большие начальствовали над последними. Кроме городов постоянно населенных, существовали еще укрепленные места, называемые острогами; они находились преимущественно в отдаленных от средоточия власти пограничных и малонаселенных областях, были вообще меньше городов и часто не имели постоянного населения: из городов посылались туда служилые люди для стражи, на перемену. Мало-помалу, смотря по надобности, эти остроги или острожки обращались в города.

Посадом называлось то, что теперь мы привыкли называть городом, и название *посадский человек* означало то же, что теперь мещанин. Посады были пунктами торговой и промышленной деятельности. Они строились близ городов, так что город находился посреди посада, и в этом смысле назывался кремлем, а посад раскидывался около него. Часто город был на горе, а посад внизу. В

местах, где жителям посада опасно было оставаться в своих жилищах без защиты, посады обводились валами, стенами и рвами. У нас в отношении посада к городу было то же, что на Западе; то, что у нас называлось посад, на Западе было city, cite, stadt, miasto, mesto, и то, что на Западе было Bourg, borgo, bourgh, barg, hrad, grod, у нас называлось город, а в древности град. То же было в древнем классическом мире: так, акрополис был град Афин, а самые Афины около него -- посадом. В нашей старой Руси поселение, подобное тому, что в настоящее время называется городом, состояло нередко из трех частей: град, или город, посад и слободы. Посад разделяется на две части: острог или укрепленная часть околгородного поселения, и поселок вне острога, или собственно посад, а за ним слободы. И теперь в землях турецких славян та же троичность: град, соответствующий нашему городу, варош -- острог и *паланка* -- поселение за укреплением, которое может, смотря по местным обстоятельствам, соответствовать нашему посаду или слободам.

Слободами первоначально назывались поселения, которых жители пользовались какими-нибудь особенными условиями; но так как эти условия давались обществам, которых деятельность посвящена была определительно каким-нибудь особым занятиям, то за такими обществами преимущественно удерживались названия слобод. Они были большею частию около посадов и городов.

Погост, село, сельцо, деревня, поселок, займище были поселения земледельческого класса. В древности погостом называлось поселение с церковью, при которой всегда сосредоточивались сношения окрестных жителей и устанавливался административный центр. Но когда число церквей умножилось и таких поселений стало много, они естественно начали утрачивать прежнее преимущественное значение и назывались вообще только селами. Слово *погост*, бывшее некогда в повсеместном употреблении, в XVI и XVII веках сохранилось только в Новгородской земле, в смысле большого села со средоточием администрации для окрестного края. Различие между селом и сельцом заключалось только в величине их. Деревни были поселения без церквей. Починки были маленькие деревушки, недавно заселенные. Займище было небольшое поселение на дикой земле, занятое обыкновенно одним двором. Когда к этому двору присоединялись другие, то из займища образовался починок; починок по прошествии

времени, которое лишало его значения новизны, и по мере возраставшего населения переименовывался в деревню; а наконец, с постройкою церкви деревня изменялась в сельцо и, с умножением народонаселения, в село. Жилые земледельческие местности без церквей и даже небольшие сельца принадлежали к селам. Такая принадлежность одних местностей другим не была только административным распоряжением, а истекала из образа их основания, ибо новые поселения основывались посредством выселков из старых. Из сел выходило несколько семейств: основывали деревню; когда она значительно возрастала или же находились в ней зажиточные люди, чтоб построить церковь (т.к. в то время это было нетрудно по обилию леса и по невзыскательности церковной архитектуры), деревня превращалась в сельцо, потом в село. В свою очередь из нового села выходили жители и основывали починки и деревни, превращавшиеся в свою очередь в сельца и села и так далее. Первое родоначальное село удерживало старшинство над своими выселками и оставалось между ними центром сношений по крайней мере до тех пор, пока время не изглаживало из памяти этой старинной исторической связи. Таким образом, в Новгородской земле погосты, в смысле первенствующих поселений, были старые поселения с старыми церквами, а села с новопостроенными церквами были их выселками. Смотря по историческим обстоятельствам, изменявшим движение народонаселения, и по относительной быстроте его размножения, эта связь поселений удерживалась долее или ослаблялась скорее.

ГЛАВА II

Города

Потребность возведения городов возрастала у нас вместе с расширением пределов русского мира. Города заводились прежде, чем поселения; в местах незаселенных, чтоб дать возможность жителям существовать на новоселье, надобно было приготовить для них оборону. Таким образом, южные степи Московского государства не иначе заселялись, как под прикрытием множества городов, городков, острогов, засек и всякого рода укреплений; в низовьях Волги долгое время только города, уединенно стоявшие на сотни верст один от другого, указывали на господство Русской державы в безлюдной земле. В Сибири каждый шаг подчинения земель власти государя сопровождался постройкою городов и острогов. Повсюду в XVI и XVII веках постройка городов была одною из первых забот правительства и городское дело -- важнейшею из повинностей всего народа. Когда в старых актах говорится о постройке городов, то разумеется под этим возведение и устройство укреплений, и в этом случае самое слово город означало ограду, а не то, что находилось в ней; говорилось: города каменные (включая в это название и кирпичные), города деревянные и земляные. В XVI веке каменных и кирпичных оград было чрезвычайно мало, исключая монастырских стен, которые чаще, чем городские, делались из кирпича. При Михаиле Федоровиче, после того как смутные времена показали ненадежность деревянных твердынь, ощутительная потребность охранения государства от всех сторон побуждала выписывать из Голландии мастеров для каменных построек. Как медленно шло это дело, можно видеть из того, что в Астрахани, несмотря на ее одинокое и небезопасное положение, прежде 1625 года не было каменных стен. При Алексее Михайловиче, по свидетельству Котошихина, во всем Московском государстве были,

исключая монастырей, в двадцати городах каменные или кирпичные укрепления; но это число, кажется, преувеличено; по крайней мере, собирая рассеянные известия того времени по этому предмету, едва ли можно насчитать их столько (Москва, Новгород, Ладога, Псков, Смоленск, Тула, Нижний, Казань, Астрахань, Яик, Ярославль, Путивль, Вологда, Полоцк). Вообще же бесчисленные города, усевавшие пространство русских владений, были с укреплениями деревянными или земляными, то есть валами и с тыном по валу. Города располагались так, чтоб около них находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стены, а иногда и несколько сторон примыкали к озеру, пруду или болоту; с других сторон, менее обеспокоенных местоположением, под стенами проводился ров. По большей части деревянные укрепления соединялись с земляными разным способом: насыпался вал или осыпь, а на осыпи устраивалась деревянная стена или тын; или же стена стояла на плоской земле, но за нею следовала осыпь; или же деревянные стены были присыпаны хрящом, то есть кучею камней, песка и земли. Простые остроги или острожки делались без осей, и их деревянные стены были ограждены только рвами. Часто город, окруженный деревянною стеною и рвом, был еще раз обведен осыпью или деревянною стеною -- так называемым острогом, а между городом и острогом находилось поселение. Такое городовое расположение было и в самой Москве: Кремль с Китаем-городом составлял сердцевину столицы; на значительном промежутке от них была проведена кругом другая стена так называемого Белого города; далее, также после значительного промежутка, земляной вал, обшитый деревянною стеною. Подобное устройство было и в других городах: в Казани был каменный кремль, а за ним следовал посад, окруженный острожного деревянною стеною; в Астрахани также был каменный кремль, а его окружала другая каменная стена, соединявшаяся с кремлевскою вдоль Волги, и промежуток между кремлевскою стеною и этою последнею назывался, как и в Москве, Белым городом. В Пскове среднее укрепление называлось Детинец: оно стояло в углу, образуемом рекою Великою и впадающею в нее Псковою. От угла, противоположного той стороне, где была Великая, шла стена вдоль реки Псковы и упиралась в башню; от этой башни в обе стороны шли стены, огибавшие город, построенный на двух сторонах реки Псковы;

эти стены сходились к двум углам Детинца на берегу реки Великой. Сверх того, в середине города, на левой стороне Псковы, в сторону от Детинца, существовал еще один внутренний город, называемый Кром, а за пределами большой внешней стены, огибавшей весь город, был ров, за которым расположено было многолюдное поселение, называемое Застенье, обведенное деревянной стеною. В Новгороде на Софийской стороне был каменный город, окруженный земляным валом; между тем и другим находился посад; укрепления земляного города шли неправильными линиями, то приближаясь к каменному, то удаляясь от него; за пределами земляного расположены были поселения, тоже в древности еще раз обведенные стеною, а на Торговой стороне был другой город с башнями и рвом. Некоторые монастыри (они вообще в тот век были твердынями) имели такую же форму укреплений; например, в Кирилловском в начале XVII века была кругом монастырского строения каменная стена, а подальше, на значительном от нее расстоянии, по тому же направлению, эту каменную стену окружала деревянная острожная стена, за которою с внешней стороны проходил вокруг нее ров. Во множестве небольших городов был такой же порядок: за стеною, обыкновенно деревянной, опоясанною рвом по наружной стороне, часть посада, иногда же и весь посад, охранялся другою стеною, острожною.

Как каменные, так и деревянные стены не составляли правильных очертаний; так, например, в одном деревянном городе стена в одном месте суживалась до 31 сажени, а в другом расширялась до 98*. Почти всегда город в одних местах был шире, в других, параллельных первым, уже. Окружность городов соразмерялась с местоположением и важностью города. В Новгороде, например, каменный город был в чetyреста девяносто восемь саженей кругом, земляной -- в семьсот двенадцать, деревянный -- две тысячи чetyреста шесть. Окружность астраханского каменного города заключала тысячу семнадцать саженей**. В других местах мы встречаем окружность второстепенных городов в сто двенадцать***, в сто восемьдесят чetyре**** в триста девяносто пять, в пятьсот пятьдесят***** сажен и так далее.

* Доп., III, 163-164.

** А. И., III, 217.

*** А. А. э., III, 447.

**** Доп., VI, 155.

***** Доп., VI, 130, -- Влад. Сборн., 141 -- А. Ю., 253.

В каменных стенах всегда делались наверху зубцы, такие высокие, что иногда занимали более трети вышины всей стены*.

* А. И., IV, 134.

По протяжению всей стены возвышались башни, в каменных городах каменные, в деревянных и земляных деревянные; но случалось, что при деревянных городских стенах башни были каменные, как, например, в Ярославле (Кн. Болын. Черт.) Кроме башен, в стенах делались различной формы выступы, носившие названия: городни, выводы, костры, кружала (круглые выемки, где обыкновенно помещались кладовые со входами изнутри и амбары); обломы (скатные пристройки, выдававшиеся в наружную сторону) с деревянными котами (катками или колесами без спиц), которые спускались на неприятеля во время осады; печоры (углубления внутрь стены); быки -- расположенные рядами большие выступы, на которых строились укрепления, образуя свеху другую стену*. Стены разделялись по пространствам между башнями, называемым пряслами. Эти пространства имели различное протяжение в одном и том же городе. Так, в новгородском каменном городе пространство между башнями в одной стороне было до 70 сажень, в другой до 50, в третьей до 40 и менее. В новгородском земляном городе между одними башнями было до 150 сажень, между другими 46**. В Тотьме вообще от 17 до 25 саж***. В одном деревянном городе, в южном краю Московии, на одной стороне вся стена имела 35 сажень, на другой 44****. В Воронеже в 1666 г. в одном месте пространство между башнями заключало 155 сажень, в другом 30, в третьем только 18 и т.п.***** По пряслам устраивались окна, при которых припасались камни и колья, чтоб метать на осаждающих, и бои -- узкие отверстия, откуда стреляли из пушек и пищалей. Таких боев в больших городах было три ряда и назывались: подошвенный, средний и верхний. В Астрахани на пространстве четырех сот двадцати пяти сажень, составлявших часть городской стены, было пятьдесят девять боев. В

малых городах их было обыкновенно два ряда: подошвенный и верхний*****. Толщина и высота стен в разных городах была так же различна, как и окружность. В Астрахани в 1649 г. каменная стена в толщину была в полторы сажени, а в вышину с зубцами четыре сажени, без зубцов две сажени с половиною; самые зубцы возвышались над стеною на сажень с половиною и в толщину были в полсажени*****. Стены Московского Кремля в XVI веке, по свидетельству англичан*****, имели в толщину восемнадцать футов. В Кирилловском монастыре вышина внешней стены была до 16 аршин, внутренней десять; толщина первой в девять с половиною, а внутренней в полтора аршина*****. В Суздали вал с приступной, то есть с внешней, стороны имел от восьми до десяти сажен вышиною, а с внутренней от трех до шести. Земляные валы делались книзу шире, кверху уже: таким образом, в этом же суздальском вале толщина его с почвы была от восьми до десяти сажен, а наверху ширина простиралась только до полторы сажени*****.

* Доп., II, 91. III, 6. V, 295.- А. И., III, 284.- Ворон. акты, II, 99.

** Доп., III, 161, 162.

*** Доп., VI, 155.

**** Врем., V. Смесь, 29, 30.

***** Вор. акты, 1, 135.

***** А. И., IV, 312.- Доп., IV. 3., 29.- А. И., III, 217.

***** А. И., IV, 134.

***** Angl. Navig, 7, edit. Starcz.

***** Поездка в Кирилл.- Бел. мон., 25.

***** А. И., III, 382.

Изнутри по стенам проводились лестницы и ходы, обыкновенно из башен от одной к другой; по местам эти ходы имели тайные выходы наружу. На больших выступах, или быках, устраивались мосты, на которых, как сказано прежде, возвышалась другая стена. Вдоль городских стен устраивался мост, по которому можно было иметь движение по всей окружности*.

* Доп., III, 6. VI, 130.

Очень часто стены города были двойные, тройные и четверные. Пространство между стенами насыпалось землею, или было соединяемо поперечными бревнами, или же оставлялся промежуток*. Сверху делались над ними кровли из теса или решетины**. Эти кровли были иногда высоки.

* Поездка в Кир.-Белоз. мон., 26. -- А. И., I, 322. -- Влад. сб., 140.

** Доп., III, 169, 229, 230.- А. И., III, 285.

Башни, возвышавшиеся над стенами городов, были по фигуре круглые, четырехугольные, шестиугольные, восьмистенные. Кровли на них иногда были так велики, что сами по себе превышали вышину остального строения: так, в Олонце вышина башни до кровли была пять сажен, а с кровлею одиннадцать. Вообще вышина, длина и ширина башен была очень различна и неодинакова в одном и том же городе. Напр., в Воронеже в 1666 году одна башня имела в вышину семь сажен, а другие -- пять, четыре, три и даже одну. Вышина вообще не соразмерялась с объемом башен: например, в одном городе из двух башен в полтора сажня в диаметре, одна была вышиною в три сажня с половиною, другая в полтора сажня. Редко длина башни была одинакова с шириною. Чаще всего в одну сторону они были длиннее, в другую, внутреннюю, короче: напр., четыре сажня длины и два с половиною ширины. Но самая обыкновенная мера башен была около трех сажен в длину и двух в ширину. В некоторых городах башни строились в уровень с стеною, в других выступали сажня на два, на три и даже на четыре в наружную сторону. Количество башен в городах было чрезвычайно различно, смотря по объему стены; в новгородском каменном городе их было десять, в земляном девять, в деревянном тридцать семь; в Астрахани десять, в Яике восемь, в Олонце тринадцать, в Тотьме семь, в Смоленске и Муроме четырнадцать, в Воронеже семнадцать, в Архангельске девять, в Кирилло-Белозерском монастыре двадцать три. Те, которые стояли по углам, назывались наугольными, стоявшие посредине стены -- середними, с воротами -- проезжими, без ворот -- глухими. Везде были тайнинские башни, стоявшие обыкновенно поблизости к реке; оттуда делали подземные ходы со трубами, иногда сажень на шесть, десять и более. Башни назывались по урочищам, по местности или же по их

назначению: напр., Розважская, Новинская, Водяная, Набережная, Поваренная, Квасоваренная; также по именам праздников или святых: напр., Пречистенская, Введенская, Никольская. Последнего рода названия давались преимущественно проезжим башням. Башни разделялись на ярусы, которые снаружи обозначались террасами во всю окружность строения, называемыми в те времена мостами. Этих ярусов было обыкновенно три: нижний, или подошевный, средний и верхний, а иногда, особенно в небольших городах, только два. В каждом ярусе устраивались бои; в подошевном стреляли из пушек, и потому он назывался пушечным, а в верхних над ним -- из пищалей и мушкетов, и потому они назывались пищальным и мушкетным боями. Не всегда в одном и том же городе были башни с равным количеством боев. Так, в Смоленске в некоторых башнях были неполные бои, хотя с полным количеством мостов. Например, в одной башне бои устроены были только в среднем мосту, в другой только в верхнем, а в нижнем и среднем не было боев. Ходы по башне были иногда снаружи, иногда изнутри, так что башня в середине по столбу разделялась на отделы, а верхние отделы с нижними соединялись посредством лестниц. Иногда на кровлях башен устраивались чердаки, клетки, или караульни -- небольшие надстройки для обозрения далеких предметов; в них также были наготове пищали. Число проезжих башен соразмерялось с величиною города. В каменном новгородском городе из десяти башен было шесть проезжих, в земляном из девяти три, в Воронеже из семнадцати шесть, в Белозерске из восьми две, в Инсаре из восьми три, в Муроме из четырнадцати две проезжих и третья с воротами водяными, то есть ведущими к воде; в небольших городках из четырех башен строилось по две проезжих; никогда не строились города с одним только выходом. Ворота в башнях были толсты и широки, и потому проезжие башни всегда значительно были и выше, и массивнее глухих; напр., в семь сажен с половиною длиною и столько же шириною. В воротах вделывались боевые окна, как в глухих башнях и в пряслах. Над ними находился образ святого или какого-нибудь большого праздника, и по имени образа называлась башня; а в некоторых городах в башнях над воротами устраивались маленькие церкви. Ворота запирались огромными замками. В мирное время, однако, створы ворот не запирались, а только на ночь опускалась решетка, а для удобства в самых воротах проделывались калитки,

которые также запирались особыми замками. Обыкновенно на проезжих башнях устраивались боевые часы и вестовой колокол, который всегда был массивнее и громче обыкновенных церковных или благовестных колоколов. Его называли также полошным колоколом, потому что звонили в него на тревогу и призывали народ к сбору. Вместе с вестовым колоколом стояла вестовая пушка, из которой стреляли только тогда, когда подавали сигнал. На прочих башнях привешивались также колокола; в них звонили во время отбоя неприятеля или вылазки, для возбуждения охоты к битве и храбрости. В темные ночи на башнях зажигались свечи в слюдяных фонарях. Случалось, что перед самыми проезжими башнями делали острожки или города в малом виде. Так, в Муроме перед двумя проезжими воротами сделаны были острожки: один длиною в восемь сажень, а поперек в три сажня, другой длиною четыре, а шириною три сажня*.

* А. Ю., 253, 366. -- А. А. э., III, 447.- А. И., IV, 339, 502. V, 81-82.- Дон., II, 55, 229, 266. III, 169, 225. V, 294-302. VI, 130, 225.- Времени., V. Смесь, 30. XIV, 11-14.- Русск. Вестн. 1843 г., 341, 353.- Владим. сборн. 140, 141. -- Воронежск. акты, 1, 133 -- 138.

Городовые стены или валы окаймлялись всегда рвами разной глубины и ширины, проведенными по направлению твердынь с их внешней стороны. В небольших городах встречались рвы глубиною в сажень и шириною в две сажени, или глубиною в две сажени, шириною в две с тремя четвертями сажени*; но в больших городах рвы были и глубже и шире, и достоинство их вообще полагалось в том, чтоб они были глубоки и круты**.

* А. А. э., III, 447,- Доп., IV, 29. -- Времени., V. См., 30.

** Доп., IV, 29.

В иных местах в эти рвы проводили воду, а в других забивали сваи, называемые частиком, или чесноком; а иногда самый чеснок утыкали сверху железными спицами; иногда, кроме того, рвы ослоняли особою оградой из дубовых бревен. Случалось, что таких рвов за главною стеною или городским валом было несколько рядов, один возле другого по одному направлению*.

* Доп., IV, 29, 231. -- А. И., I, 322. -- А. А. э., III, 447, 475.

От рвов в наружную сторону проводили отводные стены и делали длинный ряд укреплений, называемых надолбами. То были столбы из толстых бревен (обыкновенно дубовых), поставленных тесно один возле другого и составлявших сплошную стену. Надолбы были двойные и тройные, то есть в два и три ряда; ряды эти соединялись между поперечными связями из бревен наверху и, таким образом, представляли вид коридоров, всегда в извилистом направлении. Около Воронежа такие коридоры шли от города на протяжении пяти с половиною верст до караульного городка, устроенного для наблюдения и для подачи вестей в город; иногда же ряды надолб шли от города верст на двадцать и даже более и были окаймлены рвами, а по местам между ними устраивались башенки. Там, где нужно было сделать выход, устраивались ворота с опускаемыми колодами. От таких мест пускались в стороны ряды новых надолб, называемых отметными, а от этих в надлежащих местах расходились в боковые стороны другие отметные. В некоторых местах в надолбах делались тайные выходы, известные одним служилым людям. Надолбы на своих поворотах упирались в лесные завалы, то есть кучи срубленного и сваленного леса, шириною сажень в двадцать или тридцать. Неприятель, подступая к городу, должен был сначала пройти через эти завалы, потом путаться около лабиринта надолб, уничтожать их и тогда уже достигнуть городских укреплений, которые, как выше сказано, были нередко двойные и тройные и сопровождались двойным и тройным рядом рвов. Дороги, служившие сообщением для городов, пролагались вдоль надолб и проходили через устроенные в них ворота, которые, в случае нужды, запирались, как выше сказано. Кроме надолб существовали еще укрепления, называемые тарасами. Они состояли из бревен продольных и положенных на них поперечных, и если были в два ряда, то покрывались сверху дранью. Для укрепления берегов от полой воды близ города ставили такие тарасы и насыпали внутрь рядов их землю. Тарасы приставлялись также к пряслам городских стен в разных местах*.

* Вор. акты, I, 137.- А. А. э., II, 447.- Врем., XIV. См., 14.- Доп., IV, 236.

В украинских странах от городов до городов проводились земляные насыпи, и по их протяжению устраивались в разных местах жилые и стоялые острожки. Первые были те, где постоянно жили служилые: они впоследствии обращались в города; в другие же посылались служилые на временную службу: последние нередко возникали и скоро потом исчезали. По сторонам устраивались лесные засеки, состоявшие из куч наваленного лесу, обведенные рвом, но иногда делались в них башни, и они принимали вид построенных наскоро городов. Эти засеки возводились преимущественно в лесных местах; туда отряжался засечный приказчик с отрядом служилых: они должны были, заслышав о неприятеле, тотчас подавать весть в город. Таким образом, южная часть Московии представляла ту особую физиогномию, что, при своей малонаселенности, усеяна была городами и острогами с надолбами по окрестностям и была изрезана земляными валами в разных направлениях, со множеством лесных засек и завалов. Все эти укрепления делались наскоро, а потому скоро и разрушались; теперь, кроме остатков валов, нет и следов их, да и в то время, когда они строились, край был больше защищаем твердостью служилых людей, чем этими бревнами. "Наши городки не корыстны, -- говорили в XVI веке донские козаки крымскому хану: -- оплетены плетнями, увешены тернами, да доставать их надобно твердо головами"*.

* С. Г. Гр., IV, 471.- Врем., II, Разр. кн., 124, 17. -- А. А. э., III, 272, 411. -- Доп., III, 167. Доп., VI, 182.

Во внутренности этих каменных, земляных и деревянных оград, называемых общим именем городов, стояли казенные здания. Там была приказная изба, где сосредоточивалось управление города, посада и всего уезда, если город был уездный; пред сенями приказной избы ставили пушку. Вблизи приказной избы находился воеводский двор, огороженный забором или забором с разными постройками внутри, необходимыми по тогдашнему образу жизни, как-то: горницами, избами, погребом, ледником, мыльнею, поварнею. Затем

следовали дворы священников и церковнослужителей, церковь, которая обыкновенно числилась соборною или главною над церквями всего посада, прилегавшего к городу. Далее были казенный погреб для хранения зелейной казны (то есть пороху), пушечный амбар, где хранились свинец в свиньях, пули, ядра и оружия. Для этих хранилищ делались здания земляные или каменные, а иногда вместо особых построек они помещались в стенах и башнях или же во внутренних пристройках к стенам. В городе находилась государева житница, откуда раздавались служилым хлебные запасы или хлебное царское жалованье. В городе была тюрьма, иногда помещаемая в деревянной избе, врытой в землю и огороженной тыном, иногда же в трубе, засыпанном совершенно землею. В городе находились избы служилых стрельцов, пушкарей, затинщиков; но в каменных городах эти помещения устраивались и в стенах. Наконец, в городе были дворы разных частных лиц, особенно дворян и детей боярских, имевших свои поместья в уезде. Эти дворы строились ими на случай опасности, когда придется прятаться в осаду от неприятеля. В обыкновенное мирное время хозяева таких дворов там не жили, а оставляли дворников из бобылей, которые занимались каким-нибудь ремеслом или промыслом и тем содержались и вместе с тем управляли дворами за право жить в них. Сверх этих частных осадных дворов были еще казенные осадные дворы или избы, построенные для простонародья на случай военного времени, когда воеводы посылали через бирючей, скликать народ в осаду. Избы эти были столь просторны, что в них по нужде помещалось до двухсот человек, и жители подвергались там всевозможнейшим неудобствам, какие могут происходить от тесноты; от этого нередко жители предпочитали скитаться по лесам, подвергаясь опасности попасться под татарский аркан, чем идти в осаду.

Количество строений в городах было различно, смотря по величине города. В больших городах помещались даже и гостиные дворы; города в таком случае делались средоточием торговли, и оттого-то впоследствии название города стало вообще означать место торговой и промышленной деятельности. Прежде других такой характер получили те города, где сосредоточивалось управление несколькими уездами.

ГЛАВА III

Москва

Переходя от городов к посадам, следует остановиться на Москве, которая в большей части своего протяжения была и городом и посадом вместе.

Средоточием Москвы был Кремль. Неизвестен год построения его. Вероятно, он существовал с основания самой Москвы и был, как вообще русские города, деревянный. В 1367 году впервые заложен был каменный город, но потом разрушился, и уже в конце XV века великий князь Иоанн построил опять каменную стену с башнями. Постройкою занимались итальянцы. От двух углов кремлевской ограды на восток тянулось продолжение каменной стены и образовало другой город, называемый Китай-город, построенный в 1538 году правительницею Еленою. За Кремлем и Китай-городом, примыкавшими с одной стороны к реке, с других сторон простирался посад, который также был обведен стеною с воротами и башнями и назывался Белым городом -- от белого цвета окружавшей его стены. За этою стеною следовал другой посад, который также был при Борисе обведен двойною деревянною стеною с толстым слоем земли в промежутке между двумя стенными рядами. Он назывался Земляным городом. Сверх того на другой стороне Москвы-реки, как продолжение Земляного города, стоял городок, и наконец, многие монастыри, укрепленные по тогдашним обычаям стенами и башнями, представляли вид отдельных городов. Так, при Михаиле Федоровиче, во время нашествия королевича Владислава, монастыри Симонов и Новодевичий обращены были в отдельные форты.

Москва своею огромностью изумляла иностранцев; впрочем, от них не укрылось, что величина эта была только кажущаяся, потому что дворы были очень велики. В XVI веке она была больше, чем в XVII.

По свидетельству Герберштейна, в его время Москва заключала в себе 41500 домов. Посетивший ее при Феодоре Иоанновиче Флетчер полагает, что в прежнее время было в ней то же количество домов, но присовокупляет, что она очень потерпела и уменьшилась в объеме после опустошения, нанесенного крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 году*.

* Fletch., 13.

Олеарий, посещавший Москву при Михаиле Федоровиче, также говорит, что она была огромнее до этого бедствия и что внешняя ограда имела тогда двадцать пять верст в окружности. По его известию, разорение крымцами было для нее гибельнее, чем разорение во время поляков, хотя последнее в то время свежее напечатлевалось в народном воспоминании. Тогда она занимала три немецких мили кругом*. Мейерберг, посещавший Москву в 1661 году, полагает окружность ее с одной стороны в 12 000 сажень, а с другой в 7000 -- это составляет девятнадцать верст, но как тогда версты были тысячесаженные, то это значит, что Москва имела в окружности нынешних тридцать восемь верст**. Мейерберг полагает ее с слободами, а Олеарий, кажется, не считает слобод, ибо они в его время были истреблены пожаром, уничтожившим до пяти тысяч домов. Из этих известий можно только приблизительно и не вполне ясно представить себе величину древней столицы; да и сами описатели ее не могли соблюсти точности, потому что сама Москва беспрестанно изменяла свой вид от частых пожаров***.

* Olear., 140, 144.

** Mejerb., 200.

*** Carlisle, 71.

Кремль занимал средину столицы и был средоточием власти, управления, церковного устройства и убеждений всего русского народа. Там жил царь, и Кремль был священным местом русского народа. С трех сторон Кремль окружен был водою; с юга окаймляла его Москва-река, с запада и с севера Неглинная. Эта болотистая река, теперь уже не существующая, в верхней части Кремля образовала

пруд, из которого была проведена вода в каналы, прорытые около кремлевских стен. В XVI веке каналы эти так многоводны и глубоки, что на них были построены мельницы. При Михаиле Федоровиче они сделались только рвами, однако значительной глубины*. По направлению канав или рвов Кремль окружала кирпичная стена с башнями. Каждая из башен носила собственное название, одни по образам, которые на них висели, другие по местности. В XVI веке было шестнадцать или семнадцать башен**. Башни проезжие были громаднее, чем глухие. Ворота Кремля были следующие: Фроловские, в 1658 г. переименованные в Спасские и теперь удержавшие это название, Никольские, Константиновские (теперь несуществующие) на юг от Спасских, Боровицкие, переименованные Алексеем Михайловичем в 1658 году в Предтечевские***, Неглинные, Тайнинские к Москве-реке и Портомоины на юго-западном углу, у водовзводной башни, куда прачки выходили мыть белье на плот, устроенный для этого. Только пять первых ворот были проезжие****. Фроловская, или Спасская, башня над главными воротами была выше и красивее других. На рисунках, оставшихся от XVII века, она одна походит на нынешние кремлевские проезжие башни. Сверх всех башен, проезжих и глухих, на каждой стороне кремлевских стен были устроены маленькие башенки, где висели колокола, в которые звонили во время пожара и тревоги*****. Кремлевские стены были уставлены пушками*****.

* Olear., 146.

** Jenkins. Hals., -- Math. Miech., 4.

*** П.С.З., I., 450.

**** Das Gr. Reich von Mosc, 21.

***** Mejerb., 61.

***** Carlisle, 71.

В Кремле был двор государев. У старых великих князей хоромы были деревянные. Но по мере того, как держава Московская принимала более крепости и государственной силы, возникала при дворе потребность созидать каменные здания. При Иоанне III построен был каменный казенный дворец между Архангельским и Благовещенским соборами, а потом и дворец для жилья, оконченный в

1508 году. Ужасный пожар в 1547 г. повредил этот дворец. Иоанн возобновил его и украсил золоченою кровлею*, но в 1571 году он был разорен Девлет-Гиреем. При Федоре он был, однако, уже отделан и находился в нарядном виде. При Борисе, Самозванце, Шуйском и в первую половину царствования Михаила строили только деревянные дворцы. Но после пожара 1626 г., в другой раз при Михаиле истребившего царское жилье, принялись за постройку каменных зданий. Михаил Федорович отстроил себе каменный дворец, но не жил в нем, а предоставил его царевичу и предпочел для себя жить в деревянном здании, находя, что деревянные здоровее каменных**. При Алексее Михайловиче была построена новая дворцовая палата и потешный дворец. В конце его царствования было два царских каменных дворца***. При Федоре Алексеевиче были перестроены и обновлены каменные здания дворца. Но тем не менее в XVII в. цари продолжали предпочитать деревянные здания для жилья, а для каждого члена царского семейства строили особые домики. Таким образом, царские усадьбы в Кремле состояли из немногих каменных и множества деревянных строений, отдельно построенных, нагроможденных в различных направлениях и по вкусу времени испещренных золотом, разноцветными и вычурными украшениями. Царский двор огорожен был решеткою**** с воротами, на которых висели образа. Эти ворота были: Курятные, Колымажные, украшенные высокою башнею и часами, Воскресенские и Золотые, или Гербовые, с башнею, на вершине которой находился золоченый двуглавый орел, а на стенах были изображены гербы областей Московского государства. Курятные ворота в 1658 г. переименованы в Троицкие***** и находились на севере, без башни наверху, под палатами царских мастериц; за ними вне двора было множество зданий, занимаемых разными отраслями царского хозяйства; дворцы: сытный, кормовой, хлебный, приспешные палаты, пивоварня, медоварня, воскобойня, свечная, аптека, денежный двор, конюшенный двор и проч. На взгорье к Москве-реке был запасный дворец -- каменное здание с разведенным на нем садом, а внизу житный двор (где хранились хлебные запасы) и церковь Благовещения. Кроме царского двора в Кремле были дворы приближенных к царю бояр и вельмож. Так, при Алексее Михайловиче там находились дворы Морозова, Куденевича-Черкасского, Бориса Лыкова и других. Оригинальная неправильность постройки,

вычурность, пестрота и затейливость украшений останавливали на себе глаза путешественников, но более всего поражали их кремлевские церкви: купола и главы некоторых из них были покрыты золоченою медью и ослепительно блистали против солнца*****. В начале XVI века только немногие из них были каменные, но в XVII число их несравненно увеличилось. Всех вообще церквей насчитал Олеарий в Кремле пятьдесят две*****, а другой путешественник, при Алексее Михайловиче, только тридцать*****. Верно только то, что их было больше, чем теперь, потому что, кроме существующих, упоминаются такие, которых более нет: Сретенский собор, Троицкий монастырь, церковь Сергия Чудотворца*****. Башня Ивана Великого, построенная Борисом, величаво возвышалась над кремлевскими зданиями; близ нее находилась башенка с огромным колоколом в 365 центнеров весом*****. К огромному языку его были привешены две веревки, а к каждой из них по двенадцати веревочек, так что нужно было двадцать четыре человека, чтоб раскачать эту массу. В него звонили по большим праздникам и при встрече посольств.

* Гербер., 9.

** Olear., 146, -- Carlisle, 71.

*** Das Gr. Reich von Mosc, 121.

**** Jenkins. Had., 350.

***** П. С 3, 1., 450.

***** Olear., 146, -- Jenkins. Had., 350, -- Mejerb., 160. -- Домаш. б. русск. цар. Забел.О. 3.1851.

***** Olear., 146.

***** Das Gr. R. von Mosc, 121.

***** Mejerb., 160.

***** Olear., 147.

За пределами Кремля на восток протягивался Китай-город. Китай-город начинался от Кремля Красною площадью. Он обведен был кирпичною стеною красного цвета (побеленною при царевне Софье), которая на севере соединялась с углом кремлевской, а на юге вдоль Москвы-реки с белгородскою и образовала с нею одну стену. Тут было Лобное место, откуда читались народу царские грамоты; здесь стояла Покровская церковь, которую называли Иерусалимскою,

построенная царем Иваном Васильевичем после взятия Казани и теперь поражающая своею оригинальностью и причудливую смесь восточной архитектуры с европейскою. Недалеко от нее был амфитеатр из тесаного камня, поднимавшийся вверх уступами, место значительное в старой обрядности нашей в праздник Вербного воскресения. Близ амфитеатра стояла церковь Св. Меркурия Смоленского; с другой стороны амфитеатра находился Земский приказ -- покрытое землею здание с двумя огромными орудиями наверху и с другими двумя внизу на земле*. На Красной площади пред лицом Кремля был большой рынок, где постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и празднующие, а вблизи амфитеатра сидели женщины, продававшие свои изделия**. На восток от рынка простирались торговые ряды; их было множество, потому что для каждого товара был свой торговый ряд. В Китай-городе была типография, множество церквей, многие приказы, дома знатных бояр, дворян и гостей, английский двор, по упразднении привилегии англичан обращенный в тюрьму, три гостиных двора; от последнего из них, персидского, на юг шла Овощная улица, состоявшая из лавок с овощными товарами. Она упиралась в рыбный рынок, по рассказам иностранцев, сделавшийся известным своей нестерпимой вонью. От него через реку построен был мост на судах, а за мостом следовало козье болото -- урочище, на котором казнили преступников.

* Mejerb., 161. -- Das Gr. Reich, von Mosc, 119.

** Olear., 147.

За пределами Китай-города следовал Белый город, обведенный белою стеною, называемой так особенно в отличие от красной стены Китай-города. До Федора Иоанновича стена, построенная на этом месте, была деревянная; при этом государе вместо нее сооружена каменная. Она была высока и толста, шла в виде полумесяца от одного пункта близ Москвы-реки до другого близ той же реки, в обоих пунктах загибалась и примыкала с запада к Кремлю, а с востока к Китай-городу, так что у подножия царского двора все три города соединялись в одну кремлевскую стену, которая шла вдоль Москвы-реки. По стенам Белого города шли башни; из них двенадцать было проезжих с воротами: на юго-западе Троицкая, в повороте,

посредством которого Белый город соединялся с Кремлем; отсюда по круговой линии на запад, с запада на север, а с севера на восток следовали одни за другими ворота в проезжих башнях: Чертольские, переименованные в 1658 году в Пречистенские*, Арбатские, в том же году нареченные Смоленскими, Никитские, Тверские, Петровские, Дмитровские, Сретенские, Мясницкие, переименованные в 1658 году в Фроловские, Покровские, Яузские и Васильевские. Между Сретенскими и Дмитровскими воротами стояла башня, через которую проходила река Неглинная, протекавшая через Белый город по направлению от северо-востока к северо-западу. Эта башня называлась Неглинною Трубой. Между проезжими башнями стояли глухие: между Чертольскими и Арбатскими, также между Никитскими и Тверскими по две; между остальными по одной; глухая башня между Яузскими и Васильевскими воротами носила исключительное название Наугольной**. В начале XVIII века только между двумя воротами было по одной башне, между другими везде по две, а между некоторыми и по три***. Стены Белого города шли по линии нынешних бульваров, и, как известно, старинные названия ворот сохранились до сих пор, хотя стены уже давно исчезли по повелению Екатерины II. Белый город, или Царьгород, как его называли, был самою населенною частью Москвы. У многих князей и бояр были здесь большие дворы, здесь жили многие из богатого купечества, большая часть ремесленников с своими мастерскими и лавками при них для продажи своих изделий; здесь был гостиный шведский двор; здесь сосредоточивалась торговля хлебом и мясом: последнее продавалось на мясном рынке с мясных скамей; на этом рынке были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близ урочища, называемого Поганый Пруд, стоял пушечный, или литейный, завод, где готовились пушки и колокола; в другом месте был царский конюшенный двор с конюшнями****. Еще в конце XVII века на правой стороне Неглинной возвышался построенный Иоанном Грозным в 1565 году в итальянском вкусе дворец*****.

* П. С. З., 1,451.

** С. Г. Гр., III, 173-176.

*** De Bruyns, 41.

**** Olear., 149.

***** Das Gr. Reich v. Mosc, 117.

За пределами Белого города был расположен Земляной город. Стену его построили в 1591 году по поводу опасения от набега крымцев, которых посещение двадцать лет перед тем с лишком много наделало горя московским жителям. Эта стена была построена очень скоро, и, вероятно, от этой скорости весь Земляной город назывался Скородумом, то есть скорозадуманным городом. Англичанин при Алексее Михайловиче замечал, что в этой стене было так много дерева, что из него можно было построить ряд тонкостенных английских домиков на тринадцать миль длины*. Стена эта шла по теперешнему направлению Новинского и Садовой округленным очертанием, и как на западе, так и на востоке, упиралась в Москву-реку, пересекая на пути свою реку Яузу. В Земляном городе за Яузою был древесный рынок, где продавались лесные изделия и, между прочим, готовые дома, нужные для московских жителей по причине частых пожаров**. Много торговых и ремесленных заведений находилось в дворах домохозяев***. Жители здесь были большею частью посадские люди, и мало жило знатных особ. Дома были почти все деревянные, а самые дворы отличались огромностью пространства.

* Коллинс, 20.

** Olear., 149.

*** А., отн. до юр. быта, I, 16.

Замоскворечье в древности называлось Заречье. Великий князь Василий Иванович поселил здесь пленных немцев и литовцев: им позволяли пить вино, потому-то их и вывели отдельно от русских, которым вино разрешалось только по праздникам*. От этого Заречье прозвано *Налевки* -- от слова *наливай*. Впоследствии там заведена была стрелецкая слобода. Она была обнесена стеною, которая казалась продолжением стены Земляного города, потому что подходила к Москве-реке в тех пунктах, где на противоположной стороне упиралась в нее земляногородская стена. Двое ворот -- Серпуховские и Калужские -- в проезжих башнях служили выходом и входом для этого города**.

* Herbert 113.

** С. Г. Гр., III, 173.

За городом были разные слободы, которых насчитывают чрезвычайно много; одни из них вошли в разное время в город; местность других даже определить теперь трудно. В XVI и XVII веках упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотен), ордынцев, седельников, гончаров, котельников, серебрянников, басманников, огородников, мясников, воротников, гранатников, кречетников, трубников, барашей, пушкарей, сокольников, хлебников; Бронная, Конюшенная, Казенная; другие носили названия по собственным именам: Семеновская, Воронцовская, Алексеевская, Никитская, Куприна, Садовая; было сверх того несколько ямских слобод: Тверская, Дорогомиловская, Рогожская, Напрудная*. За Яузой, где помещались многие из исчисленных здесь слобод, была, между прочими, Иноземная слобода, или Немецкая, построенная Иваном Васильевичем Грозным. После Смутного времени немцы расселились по городу и построили себе церковь в Белом городе; но по настоянию духовенства при Алексее Михайловиче их снова выселили в слободу. Там у них было три церкви.

* А. И., III, 104.- Доп., VI, 183.- Врем., XI. О поз.влад., 39.

Сверх всех слобод, по окрестностям столицы было рассеяно множество загородных домов вельмож и богатых московских жителей, так что, приближаясь к столице, можно было издали ее чувствовать*. Там и сям мелькали монастыри, огороженные стенами и башнями во вкусе тогдашних городов. Между ними беспрестанно появлялись новые дворы. Монастыри и слободы произвольно захватывали земли и отдавали их, как свою собственность, под загородные дворы. Но в 1649 году правительство со всех таких дворов постановило собирать в казну оброк и запретило вперед селиться на выгонной земле. Таким образом, было остановлено естественное расширение столицы**.

* С. Г. Гр., IV, 215.

** П. С. З., I, 222-223.

ГЛАВА IV

Посады

Посады, как выше сказано, обыкновенно располагались при городах и часто укреплялись острогами* или осыпями**; но в местах, где отдаленность от границы не представляла опасности, посады были без городов. Жители посадов -- торговцы, ремесленники и промышленники, обязанные различными налогами и повинностями правительству, назывались тяглыми; их тяглые дворы служили единицами в полицейских и финансовых отношениях посадов к государству. Кроме тягловых дворов были на посадах дворы нетяглые, или белые, не подлежащие тем повинностям, какие налагались на тяглых. То были дворы священнослужителей, дворы церковные, монастырские подворья, где жили старцы, заведовавшие делами своих монастырей, участвовавших, как известно, в торговле, дворы дворян и детей боярских, которые редко жили в них сами, а чаще содержали там своих дворников. Были еще на посадах оброчные дворы, то есть такие, которые сдавались от казны в оброк на подобных основаниях, как и поземельные участки. Этот обычай велся издавна и существовал еще при великих князьях. Наконец, в посадах между дворами составляли особый разряд дворы бобылей, людей бедных, не имевших определенного занятия и плативших соответственно своему состоянию меньшие налоги***.

* А. И., III, 56.

** Влад. Сб., 140.

*** С. Г. Гр., I, 180, -- Врем., VI. Писц. кн. 65. XI, 114, -- Доп., I, 391.- А. г. Шуи, 182.- А. А. э., III, 212.-А. И., III, 64.

Строиться улицами было издавна в обычае русских. В посадах улицы носили названия по именам церквей, построенных на них, напр., Дмитровская, Пречистенская, Воскресенская, Успенская; иногда же по занятиям тех, которые на них жили: напр., Калачная, Ямская, Кабацкая, Загостинская; иногда по каким-нибудь собственным именам прозвищ: например, Букреева, Парфеновка. По краям улиц или где они пересекались между собою ставили образа в киотах. Вообще они были широки, довольно прямые, но очень грязны. Только в Москве и в больших городах было что-то похожее на мостовую. Это были круглые деревяшки, сложенные плотно вместе одна с другою. Не вся Москва была таким образом вымощена: во многих местах не было мостовой, и там, где особенно было грязно, через улицы просто перекладывали доски. В Москве собирався с жителей побор под именем мостовщины, и Земский приказ занимался мощением улиц, но мостили больше там, где было близко к царю. Такая мостовая не препятствовала, впрочем, женщинам ходить не иначе как в огромных сапогах, чтоб не увязнуть в грязи. Хотя в Москве существовал особый класс служителей, называемых метельщиками, обязанных мести и чистить улицы, и хотя их было человек пятьдесят, однако в переулках столицы валялось стерво и во многих местах господствовала невыносимая вонь. Если в самой столице так мало наблюдали чистоту, то еще менее заботились о ней в посадах, но зато при малолюдстве их в сравнении с Москвою не столько причиняла зла такая небрежность*.

* А. Ю., 248 -- 251. -- А., отн. до юр. б., I, 463.-А. И., III, 117; IV, 24-27.-Olear., 146. -- Straiss., 188.- Carlisle, 71, 353.

Везде в посадах были площади, иногда очень пространные и всегда почти неправильные. В Белозерске в XVI веке при трехстах дворах была площадь в двести сорок сажен длиною, а шириною в одном конце в шестьдесят восемь сажен, а в другом тридцать шесть, в середине семьдесят. В Муроме площадь была в длину 94 сажня, а в ширину в одном месте 26, а в другом 12 сажен. Обыкновенно все улицы посада с разных сторон неправильными линиями сходились к площадям, которые были центром торговли и вообще всех сношений жителей посада. Тут стояли ряды и лавки, где не только продавали, но и работали, прилавки с разными мелочами, скамьи с мясными и

рыбными припасами, калачни, харчевни, где собирались гуляки, и земская изба -- место выборного управления. В больших посадах также торговые рынки находились в той части, которая окружена была стеною и часто называлась городом; например, в Астрахани в той части посада, которая была окружена каменною стеною и называлась Белым городом, была площадь, где находились большой гостиный двор и торговые заведения, а в другом месте была площадь, где продавалось дерево. Около посадов оставлялась всегда выгонная земля, называемая иначе поскотинною; если там были луга, то луговою, или же боровою, когда посад окружали леса*.

* А. Ю., 248, 253.- А., отн. до юр. б., I, 368.- Влад. сборн., 141.- Доп., II, 92. VI, 283.

Главным украшением посадов были церкви. Не говоря уже о Москве, где число всех церквей, по свидетельству путешественников, поверявших наблюдения один другого*, простиралось до двух тысяч, вообще в посадах, даже немногочисленных, находилось множество церквей, несоразмерное с населением. В Белозерске, где всех душ в 1674 году считалось только 960, было девятнадцать церквей и из них одна каменная соборная**.

* Барб., 9.- Olear., 149.- Carlisle, 71.

** А. Ю., 256.

В Муроме в 1687 году было, кроме трех церквей в городе, четыре монастыря и двадцать церквей в посаде, а между тем Муром не отличался многочисленностью*. В старые времена каждый зажиточный человек строил церковь, содержал для нее попа и молился в ней с своею семьею. Зато многие церкви были так малы, что простирались не более как на пятнадцать футов**; они были деревянные, небеленые, покрытые тесом или гонтом, но часто главы покрывались белым железом и блистали против солнца. В Вологде все главы церквей, которых было всего 67 (21 каменная, 43 деревянных и три монастыря), были покрыты таким образом (de Bruyns).

* Влад. сборн., 160.

** Olear., 179.

Вообще посады наши были немногочисленны. Разные бедствия, столь обильно изливаемые судьбою на Русь, оказывали постоянно вредные последствия на размножение населения посадов. На юге России никак не могли процветать посады, потому что беспрестанные набеги крымцев не давали народу возможности вести оседлой жизни, тем менее заботиться о житейских удобствах. Очень часто посещали Русь моровые поветрия; как страшно они опустошали посады, можно видеть из таких примеров, как, например, в Шуе, где в 1654 и 1655 годах после морового поветрия из двухсот двадцати четырех дворов вымерли совершенно обитатели девяносто одного двора, и после трех лет, в 1658 г., многие дворы еще оставались по той же причине пустыми*. Дурное управление и тягости, возложенные на посадских от правительства, побуждали жителей оставлять свои жительства и шататься с места на место; другие, гонимые бедностью, закладывались частным владельцам или монастырям; иные постригались в монахи**.

* Оп. г. Шуи, 334.

** А. г. Шуи, 80.

Выше показана скудость населения в Белозерске и Шуе: в других местах и в различное время представляется то же. Так, например, в 1574 году в Муроме было 738 дворовых мест, назначенных для поселения, но из них только сто одиннадцать было жилых, сто семь дворов с своими строениями стояли пустыми, а прочие места не были и застроены или, может быть, бывшие на них строения уже исчезли*. В 1637 году в Устюжне было всего 178 дворов, а людей в них 254 человека**. Около того же времени или несколько позже в Чердыни было 304 двора, а в Соли-Камской 355***; а эти города по своему местоположению, удаленному от внезапных набегов хищнических народов, и по приволью представляли возможность правильного населения. В Холмогорах, которые стояли недалеко от моря и притом на главном торговом пути, в 1675 году было всего 645 дворов, а людей в них 1391 человек****.

* А. Ю., 251.

** А. А. э., III, 419.

*** А. И., III, 361.

**** Доп., VI, 396.

Сама власть не способствовала развитию посадской жизни. Прежние цветущие города -- Новгород, Псков, Тверь, потеряв свою гражданственность, теряли и свои богатства. Правительство, стремившееся к единовластию, не допускало в посадах развиваться самоуправлению, которое всегда идет рука об руку с благосостоянием*. При непрерывных, неотвратимых бедствиях, побуждавших народ к шатанию, было невозможно, чтобы в посадах заботились о красоте и прочности постройки зданий; притом же пожары были самое повседневное и повсеместное явление**. Москва, как известно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Стоит припомнить пожар 1493 года, истребивший всю Москву и Кремль***, славный пожар 1547 года****, когда, кроме строений, сгорело более двух тысяч народа, пожар 1591 года, доставивший Борису случай показать пред народом свою щедрость; пожары при Михаиле Федоровиче были так часты, что не обходилось без них ни одного месяца; иногда на них было такое плодородие, что они следовали один за другим каждую неделю, и даже случалось, что в одну ночь Москва загоралась раза по два или по три. Некоторые из этих пожаров были так опустошительны, что истребляли в один раз третью часть столицы*****. При Алексее Михайловиче Москва несколько раз испытывала подобные пожары: напр., во время возмущения народного по поводу пошлины на соль в 1648 году, потом в 1664 и 1667 годах*****.

* Das Gr. Reich v. Mosc, 173.

** Маржер., 3.

*** Карамз. И. Г. Р., VI, 73.

**** Ibid., VIII. Прим., 173.

***** Olear., 149.

***** Olear., 144,- Carlisle, 206.- Struiss., 128.

В других городах пожары были также опустошительны; например, в Пскове в 1623 году был пожар, истребивший город дотла,

так что жители, обедневши, долго не могли после того поправиться*. Несмотря, однако, на такие частые бедствия от огня, меры против него были вялы и преимущественно только предохранительные: старались делать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строений кадки с водою и мерники с помелами; запрещалось по ночам сидеть с огнем и топить летом мыльни и даже печи в избах, а вместо того жители должны были готовить себе пищу в огородах. Эта мера одна по себе была плохим средством, и притом не все ей подлежали: некоторым зажиточным хозяевам, так называемым служилым людям, по хорошим их отношениям с воеводами позволялось то, что вообще запрещалось другим; воевода мог разрешить топить летом избу, если находил, что день довольно пасмурен или влажен, и мыльню из снисхождения к больным и родильницам**. Когда вспыхивал пожар, все действия против него ограничивались тем, что старались ломать строения, стоявшие близ горящих зданий. Только в Москве были некоторого рода обычные меры гашения огня при пожарах. При Михаиле Федоровиче существовали какие-то холстинные паруса сажены в пять длиною и щиты из лубьев с рукоятками***.

* А.А.э., III, 19.

** П. С. З., I, 675-677, -- С. Г. Гр., III, 163.

*** А. И., III, 102.

При Алексее Михайловиче велено было, чтоб все вообще зажиточные люди заводили у себя медные и деревянные трубы, а люди с меньшим достатком складывались вместе по пяти дворов для покупки одной трубы и в случае пожара все должны были бежать для погашения.

ГЛАВА V

Слободы

На Руси встречались слободы трех родов: служилых людей, промышленников и, наконец, вообще поселян, пользующихся льготами. К слободам служилых людей относились: стрелецкая, пушкарская, пищальная, затынщиков, воротников, козацьи, ямские. В них были поселены служилые люди одного какого-нибудь наименования, которые составляли корпорацию и исполняли определенную служебную обязанность в отношении правительства. Слободы этого рода пользовались особым управлением и особыми правами. По большей части они находились близ городов и составляли предместья посадов, если под городом находился посад. В некоторых местах, однако, особенно на юге Московского государства, место самого посада занимали слободы. Близ одного острога были слободы стрелецкая, козацья и пушкарская, а посадских был один только двор; таким образом, весь посад хотя и числился существующим, но заключался в одном только дворе*. Величина служилых слобод соразмерялась с потребностью военной силы по важности города, близ которого они были расположены; иногда они были очень невелики, напр., человек в пятьдесят жителей и даже менее**.

* Времени., XIII. Приправоч. кн. Ряз. уезда, Моржевск. стана, 7124 г.

** Ibid.

При исчислении слобод, находившихся близ Москвы, показаны роды промышленных, ремесленных и торговых слобод. Подобные названия встречались в разных местах Руси. Некоторые промышленные слободы были в то же время и служилые, потому что

жители их были обязаны доставлять к царскому двору произведения своего труда и за то пользовались облегчительными льготами. Таковы были слободы бобровников, слободы рыбных ловцов, слободы сокольников и кречетников и проч., которых жители обязаны были доставлять ко двору плоды своей охоты и рыбной ловли, точно так же, как близ Москвы жители слободы Кадашевки занимались тканьем полотен и отбывали повинности доставкой своих произведений на потребности двора.

В Сибири, кроме служилых слобод, такое же название носили поселения, где жители занимались земледелием и пользовались льготами, которые давались новоприбывшим туда поселенцам в уважение к их недавней оседлости. В XVII веке служилые люди ходили по Руси и вербовали народ в Сибирь, заманивая обещаниями разных льгот; сверх того, для перехода давались охотникам подможные деньги. Эти поселенцы обязаны были пахать известное количество земли и, собирая с нее хлеб, доставлять его в города для прокормления служилых; такие слободы назывались пашенными*.

* А. И., V, 20.

ГЛАВА VI

Села и деревни

Земледельческие жилые местности вообще по административному положению были черные тяглые, дворцовые, поместья и вотчины. Первые были государственные имения, вторые -- собственность государя и его фамилии; поместья были казенные имения, которые раздавались служащим людям, как бы вместо жалованья за их службу: владелец не мог ни продать, ни заложить, ни завещать их, и хотя они очень часто переходили от отцов к детям, но не по праву наследства, а по новой отдаче от правительства, так что каждый раз, получая во владение отцовское поместье, сын должен был справлять его за собою, т.е. приобретать от правительства на него право с обязанностью нести за то службу. Вотчины были собственностью владельцев. Вотчины были, владычные, то есть принадлежавшие архиереям или соборам, или, как тогда говорилось, домам святых: напр., дому Пресвятыя Богородицы, дому Софийскому, -- монастырские и, наконец, частных лиц, т.е. бояр, окольничих, дворян и детей боярских.

Сельские жители всех наименованных здесь поселений вообще назывались крестьяне, и для означения, к какого рода владениям они приписывались, прибавлялось прилагательное: монастырские крестьяне, владычные крестьяне, дворцовые крестьяне, помещиковы и вотчинниковы крестьяне. В XVII веке крестьяне в вотчинах, принадлежавших отдельным владельцам, вообще назывались боярскими, и господские имения носили общее имя боярщины*. С прекращением личного права крестьян на переход с владельческих земель, на которых они были поселены, по мере большого прикрепления к земле крестьяне мало-помалу входили в один разряд с холопами, или рабами. Несмотря на малолюдность края, в XVII веке

село чаще было раздроблено между разными владельцами, чем составляло собственность одного; только владения бояр и князей представляли исключения. По большей части в одном селе было несколько владельческих усадеб**.

* А., отн. до юр. б., I, 354.

** Времени., XIII. Припр. кн. 7124.

Около них поселены были обыкновенно рядами дворы их подданных и разделялись на дворы людские, крестьянские и бобыльские. В людских жили люди, или холопы, обращенные господами на полевые работы; иногда в одном дворе и даже в одной избе помещалось несколько семей этих рабов, не имевших ничего собственного и живших на скаредном содержании от владельца. В крестьянском дворе обыкновенно жил хозяин не только с семьею, состоящею из детей, братьев и племянников и разделившеюся на две, на три и четыре семьи с общим достоянием (не в разделе), но часто с несколькими посторонними семьями работников или подсоседников, которые не имели своего угла, жили по найму и в отношении юридическом и административном вместе с хозяйскою семьею составляли одну единицу*. Отличие крестьян от бобылей возникло в давнее время. Когда еще не воспрещено было крестьянам с известными условиями переходить от владельца к владельцу, крестьянин, поселявшийся на земле вотчинника или помещика, брал от него участок, носивший юридическое название жеребья, и должен был отбывать повинности, лежавшие на этом жеребье. Те, которые не могли брать целых жеребьев, селились на владельческих землях, платя только за свой двор и обрабатывая землю по добровольным особым условиям с владельцем, а потому не подчинялись уже обязанностям, лежавшим на жеребьях. Такие назывались бобылями**. После укрепления крестьян бобыльскому сословию предстояло со временем смешаться с крестьянским, но и в XVII в. еще оно не успело совершенно потерять свое отличие. Бобыльские дворы всегда писались отдельно от крестьянских***, ибо всякий крестьянин, как и прежде, отправлял свои повинности с тяглою жеребья, хотя назначение такого жеребья и зависело от владельца, сколько можно судить по дошедшим до нас известиям. Бобылями, то есть не имеющими жеребья, стали

называться тогда те, которые, по бедности, не могли удержать за собою жеребьев. Но в старину, в XVI веке, не всякий бобыль был бедняком. Когда поселяне имели право переходить с земель владельческих на другие, многие могли не обязываться жеребьем не потому только, что по скудости не в силах были вынести лежавших на жеребьях повинностей, но также и для того, что не нуждались в таком количестве земли, какое приходилось на жеребий, и сверх земледелия извлекали из других занятий средства к содержанию. После воспреещения перехода и укрепления крестьян, когда распределение жеребьев зависело уже от владельца, естественно те, которых владелец не считал удобным посадить на тяглый жеребий, были только бедные люди; без того владелец, конечно, дал бы им жеребий и обложил повинностью. Таким образом, слово бобыль перешло в значение бедняка, пролетария и осталось с ним до нашего времени.

* Доп., 1, 279. V, 96.

** Доп., 1, 278.

*** Врем., VI. Писц. кн.

До прекращения перехода земледельцев в вотчинах и поместьях было всегда значительное число пустых дворов с строениями, готовыми принять к себе новых жильцов*.

* А. И., I, 130, 136.

Одни строились самими владельцами и сдавались приходящим крестьянам; другие крестьянами, смотря по договорам. Но и в XVII веке, несмотря на укрепление крестьян, повсюду в имениях было не менее прежнего пустых дворов, потому что многие из земледельцев бегали, оставляя свои жилища; другие, вероятно, сами были увольняемы владельцами. Сельская жизнь по-прежнему носила на себе явный недостаток оседлости.

Вообще сельское народонаселение, как и посадское, было скудно и бедно. Частые войны и моровые поветрия истребляли его. В украинских землях татары сжигали дотла поселения, умерщвляли и забирали в плен людей, не успевших схорониться в городах. При Михаиле Федоровиче вся страна на юг от Москвы была сожжена и

представляла голую степь. Правительство не упадало духом и деятельно старалось о заселении ее вновь; но долго еще несчастные условия препятствовали всяким усилиям. Земледелец не мог спокойно располагать своим временем и часто среди летних работ принужден был покидать на поле не собранный хлеб и по зову бирючей спешить в осаду. Крестьянам не дозволялось от правительства строить житницы, а велено было держать зерновой хлеб в ямах. Самые избы обыкновенно сжигались, как только неприятель приближался, и крестьянин убегал в город с тем, что успевал захватить с собою. Нередко плоды долголетних трудов уничтожались в один день. Таким образом, плодотворнейшие полосы государства оставались необработанными и почти незаселенными*. Подобных бедствий не чужды были и другие русские области. Так, в разделе между Строгановыми постановленными были условия, чтоб строения, построенные за укреплениями в их сибирских владениях, были сжигаемые во время опасности**.

* А. А. э., III, 99, 111, 409.- С. Г. Гр., III, 362.- Вор. акты, 1, 54.

** Доп., II, 94.

Недостаток прочной оседлости не допускал жителей прилагать стараний о сборе запасов продовольствия на случай скудных лет. От этого в случаях неурожая, которые благодаря климату и почве были нередки, пустели целые края от голода, как от заразы*. Следует прибавить, что несправедливое управление, отягощавшее жителей, принуждало их к побегам и приучало предпочитать бездомовную, скитальческую жизнь оседлой. Все эти причины препятствовали увеличиваться народонаселению и мешали его благосостоянию. Многие известия старых времен указывают на повсеместные пустые дворы, которых обитатели или вымерли, или побиты, или разбежались. Целые села исчезали, оставляя по себе название пустых селищ**. В XVII веке неподалеку от Москвы, следовательно в самом населенном крае, в двух селах и одной деревне насчитано только двести шестнадцать дворов и в них 299 душ***. В 1675 году в Двинском уезде, во всех его станах и волостях, было всего 2531 двор и в них 5602 человека****. Во всем Чердынском уезде в конце XVII века было всего до трех тысяч дворов*****. Как сельское население колебалось в

каждом месте, то увеличиваясь, то умаяясь, можно видеть из описания одного стана в Вятском уезде: в 1629 году там было 44 деревни и 23 починка; в них дворов было живущих сто, а людей 106; в 1646 году там оказалось 103 деревни, дворов живущих 209 и людей 1055 человек да сверх того пять деревень и семь дворов пустых; в 1658 году в том же стане 53 деревни, 44 починка, живущих дворов 133, а людей 714 человек*****.

* А.А.э.,III,99.

** Доп., I, 279. -- Ворон, акты, 54,- О Пятин. Новг. Невол.

*** Врем., V. См., 2.

**** Доп., VI, 396.

***** А. А. э., IV, 6.

***** Доп., VI, 76.

Более чем в другие края население в XVII веке подвигалось, кажется, на восток, именно в края, занимавшие нынешние губернии Пензенскую и Тамбовскую и южную часть Нижегородской, где в XVI веке почти не было русских жителей, а в половине XVII является много городов, слобод и сел, как видно из дел о возмущении Стеньки Разина. Этому причиною, кажется, было то, что воинственность тамошних туземцев -- мордвы и чувашей -- была уступчива к силе русских поселенцев. Вообще события XVII века одно за другим представляли очень неблагоприятные условия для оседлости и умножения народонаселения. В первых годах XVII века эпоха самозванцев со всеми ее последствиями сильно потрясла, опустошила и обезлюдил Русь во всех ее концах. При Михаиле Федоровиче не успела Русь еще оправиться от прошедших бедствий, как ее терзали непрерывные набеги татар на южные области. Отдохнув немного в первые годы царствования Алексея, русское население вслед за тем подверглось целому ряду бедствий: изнурительные войны с поляками, набеги Крымской орды, моровые поветрия, внутренние мятежи истощали его. Один англичанин, посещавший Россию в конце царствования Алексея Михайловича, говорил, что на пространстве пятисот верст едва можно было встретить десять женщин и одного мужчину*. Не должно обольщаться обилием сел и деревень, встречаемых в письменных актах: были села с церквами, в которых

всего-навсего было одиннадцать дворов**, а деревни были столь малолюдны, что в них значилось двора по три, по два и даже по одному***. Избегая непрерывных бедствий, народ переселялся в Сибирь; несколько времени она была обетованною страпою России; но правительство, покровительствуя заселению этого края, неоднократно и останавливало стремление народа на девственную, плодородную, хотя и студеную ее почву. Уже в 1658 году сибирский владыка просил о прибавке земли в его домовых волостях и представлял, что народонаселение увеличилось, а земля выпахалась****. Впрочем, и в Сибири солнце светит, гласит русская пословица: и там были воеводы, поборы, разметы, набеги иноземцев, моровые поветрия и неурожаи.

* * Колл., 13.

** Врем., XIII. Припр. кн., 58.

*** Ibid., 2.

**** Доп., IV, 148.

ГЛАВА VII

Дворы и дома

Дворы в нашей старой Руси были очень просторны. Это видно уже из того, что для предохранения от пожаров приказывали варить кушанье и печь хлеба далеко от жилых строений в городах*. В старину, при великих князьях, в Москве были дворы, принадлежавшие князьям, до того огромные, что делились как уделы, и даже два князя владели одним двором**.

* П. С. З., 1, 165.

** С. Г. Гр., I, 79.

В завещании Иоанна III о дворах, данных им своим детям, говорится о том, что в них заводи́ли торги, и о разных судебных делах, касавшихся живущих в этих дворах: это указывает на обширность и населенность таких дворов*. В XVII веке царская усадьба в Измайлове простиралась на четыре десятины**. В Александровской слободе конюшенный двор занимал более девяти десятин***. Велики были дворы архиереев и монастырские подворья в городах и посадах; напр., в Хлынове двор владыки имел 85 сажен в длину, а поперек в переднем конце сорок четыре и в заднем пятьдесят четыре сажени, да сверх того отведен был двор для его церковных детей боярских в 61 сажен в длину и 12 в ширину****. Торговый двор Печенского монастыря в Вологде имел в длину 60 саж., а поперек восемь*****. Иногда дворы посадских, если в посаде было много места, простирались до пятидесяти и до шестидесяти сажен в длину*****. Как велики бывали в Москве дворы бояр и знатных особ, можно видеть из следующих примеров XVII века: боярский двор в длину тридцать семь сажен без трети и поперек в одном конце -- переднем -- девять, а в

заднем тридцать три сажени*****; другой двор (стольника) в длину двадцать пять сажен с половиною, поперек в одном конце девятнадцать сажен с половиною, а в другом двенадцать без чети*****. При сдаче земли под постройки загородных домов считалось достаточным на двор двадцать сажен в длину, а десять в ширину*****. Встречались примеры усадеб гораздо меньшего пространства, как-то: четырнадцать сажен в длину, а поперек в одном конце тринадцать, а в другом десять*****. В посадах обыкновенная средняя величина усадеб была от 10 до 20 сажен в длину; встречались даже и менее, напр. в 7 саж(ен) в длину и в три сажени поперек*****. Вообще форма дворов была неправильная, и поперечник не только не равнялся длине, но в переднем конце был иной меры, чем в заднем. Всего чаще он подходил к равной мере с длиною собственно в городах, где ограниченность пространства не позволяла слишком широко располагаться.

* С. Г. Гр" I, 397.

** Оп. Изм. да. От. Зап. 1851 г. Март.

** * Влад. сборн., 173.

** ** Доп., VI, 76.

** *** Доп., VI, 381.

** **** Влад. сборн., 170.

** ***** Русск. Вести. 1841,1,229.

** ***** Доп., VI, 351.

** ***** П. С. 3., I, 232.

** ***** А. г. Шуи, 58.

** ***** А., отн. до юр. б., 1,681.- Доп., VI.310.

Дворы по возможности старались располагать на возвышенных местах для безопасности от полой воды и зимних сугробов. Такое правило наблюдалось в селах и деревнях при постройке усадеб владельцев. Кругом дворы огораживались забором, иногда острым тыном или заметом*.

* А.г.Шуи, 58.- А.Ю., 130.

Обыкновенно эта городьба была деревянная, но в XVII веке иные делали каменные или кирпичные ограды, иногда там, где на дворе вся постройка была деревянная. Так, в Москве были усадьбы с деревянными постройками и каменными оградами*. Точно так же в царском имении, в Измайловском селе, хотя постройка была деревянная, но ограда каменная, с сводообразными жильями внутри для прислуги и для хозяйственных принадлежностей**. Домовитый хозяин старался оградить свою усадьбу так, чтоб через нее никакое животное не пролезло и чтоб от соседей не могли приходить слуги к его слугам***. В ограду вело двое и трое (иногда более: пять и семь) ворот****, и между ними одни были главные, имевшие у русских некоторого рода символическое значение. Они украшались с особенною заботливостью и делались крытые, а иногда в виде отдельного проездного строения с надстроенными и наверху башенками; самые створки украшались разными изображениями, как-то: орлов, оленей, цветов и тому подобное. Издревле существовал обычай над главными воротами городов надстраивать часовни и даже церкви: так было, между прочим, в старинном Киеве, где над Золотыми воротами была сооружена церковь Благовещения. Сообразно этому обычаю, главные входы в двор получали некоторого рода священное значение; над воротами зажиточных частных людей почти всегда ставили образа в киотах. Ни в день, ни в ночь ворота не оставляли отворенными; днем они были только приперты, а ночью заперты на замок, и тогда по двору спускали с цепи собак. У самых ворот строилась караульная избушка, называемая воротнею*****.

* С. Г. Гр., IV, 391.

** Русск. Стар. Мартын., 131.

*** Домостр., 87.

**** А. Ю., 130, 132,- Русск. Стар. Мартын., 131.

***** А. Ю., 130.- Домостр., 87,- Русск. Стар. Мартын., 131,- Оп. Изм. дв. От. Зап. 1851. Март.

В самой Москве в XVI веке большая часть зданий были деревянные*, и во всей столице едва можно было насчитать одну восьмую часть каменных**, и те занимаемы были преимущественно кладовыми, а не жильем: никто не почитал каменных зданий удобнее

деревянных для жилья. При Михаиле Федоровиче начал распространяться вкус на каменные постройки. Алексей Михайлович его поддерживал. При царском дворе существовали так называемые палатных и городских дел мастера, резчики каменных дел, не только иностранцы, но и русские, украшавшие Москву зданиями. Зажиточные люди стали строить каменные дома или палатки, но все-таки сохраняли старинное убеждение, что в деревянных домах жить здоровее, -- и самые иностранцы, посещавшие Россию, с этим соглашались***. Уже по смерти царя Алексея в 1681 году приказано было в Кремле, в Китай-городе и Белом городе, строить исключительно одни каменные строения и для этого выдавали из Приказа Большого Дворца хозяевам на постройку кирпич по полтора рубля за тысячу с рассрочкою на десять лет, а тем, которые не имели средств сооружать каменные постройки, приказано делать вокруг дворов по крайней мере каменные ограды****. Это была первая обязательная мера о каменных постройках в России.

* Jenkins, 150.

** Раф. Барб., 9.

*** Carlisle, 323.

**** С.Г.Гр., IV, 391.

Форма домов была четвероугольная. Деревянные дома делались из сосновых*, иногда же из дубовых цельных брусьев**. Складывали брусья с большим уменьем, по замечаниям иностранцев, так плотно, что не оставалось ни малейшей скважины для прохода воздуха, и притом не употребляя в целом доме ни одного гвоздя***, но скрепляли брусья, положенные один сверх другого, посредством зубцов в нижнем и зарубок или выемок в верхнем, так что зубцы вставлялись в зарубки или выемки****. Целые толстые брусья плотно держались между собою, а для теплоты обивали их еще мхом; мох клали также по створкам дверей и окон*****. Это называлось строить избу во мху, а если продавалась изба, не обитая мхом, такая изба называлась не избою, а срубом*****.

* Над., 183.

** Русск. Стар. Мартын., 140.

*** Petr., 314.

**** Fletch., 94.

***** Petr., 314,- Mejerb., 165.

***** Доп., IV, 97.

Особенность русского двора была та, что дома строились не рядом с воротами, а посредине от главных ворот пролежала к жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяин содержал постоянно в чистоте и наказывал слугам счищать с нее грязь в дождливое летнее и сугробы в зимнее время*. Вместо того, чтоб по надобности строить большой дом или делать к нему пристройки, на дворе сооружали несколько жилых строений, которые имели общее название хором**. Надворные постройки вообще были жилые и служебные, или кладовые. Жилые носили наименования: избы, горницы, повалуши, сенники. Изба была общее название жилого строения. Горница, как показывает самое слово, было строение горнее, или верхнее, надстроенное над нижним и обыкновенно чистое и светлое, служившее для приема гостей. Название повалуши сохранилось теперь в восточных губерниях и значит кладовую, обыкновенно холодную. В старину хотя повалуши и служили для хранения вещей***, но были также и жилыми покоями: неизвестно, в чем состоит их отличие от горниц, тем более что и повалуши иногда надстраивались над нижними строениями, как горницы. Сенником называлась комната холодная, часто надстроенная над конюшнями и амбарами, служившая летним покоем и необходимая во время свадебных обрядов.

* Домостр., 98.

** Оп. г. Шуи, 309. -- Акты, отн. до юр. б., I, 566.

*** Акты, отн. до юр. б., I, 263.

Очень часто по несколько строений всех этих видов находилось в одном и том же дворе. Например, три горницы и одна повалуша* или две горницы и три повалуши**.

* А. Ю., 132.

** А. Ю., 126.

При каждом отдельном строении были сени, а часто двое сеней, одни передние, другие задние, и те и другие теплые; иногда же два или три жилых строения под одной крышей соединялись теплыми сенями, которые были общими для того и другого жилья. Обыкновенно жилья располагались так, что главный дом был с одной стороны сеней, а по другую сторону, в заворот, другой дом, а от этого дома еще какое-нибудь составляющее с ним угол строение*. Иногда в одном дворе несколько домов соединялись между собою крытыми переходами, которые были продолжением сеней. Эти переходы различными линиями проходили от одного строения к другому. В Измайловском и Коломенском селах у царей такие переходы, покрытые тесом и с слюдяными окончинами в окнах, сходились, как у центра, у домовых церквей**. Такое устройство, вероятно, было и в домах знатных людей, у которых были церкви, ибо в те времена многие бояре, знатные дворяне и вообще богатые люди имели у себя домашние церкви***, и тогда из всех жильев члены семейства могли сходиться все разом для слушания богослужения.

* А. Ю., 132-134.

** Оп. Изм. дв. О. 3.1851 г. Март, 18-10.- Русск. Стар. Мартын., 140.

*** Доп., II, 91.- Котоших., 119.

В XVII веке в Москве двор знатного человека, обнесенный снаружи каменным забором, представлял внутри несколько каменных строений, стоявших на погребках и нижних этажах. Перед каждым были сени. Между ними торчали деревянные здания, избы, горницы, светлицы и множество изб людских и служб каменных и деревянных, и все это было соединено переходами.

Начиная от царских до зажиточных посадских, способ расположения жилых строений был в главных своих чертах одинаков в Русской земле*. У царей для каждого члена семейства строили особые хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще из детского возраста. Точно так же и у зажиточного крестьянина для братьев, сыновей и племянников хозяина строились избы, соединенные между собою; иногда две и три избы под одною кровлею

соединялись между собою сенями**, иногда несколько изб связывались переходами.

* Реег., 319.

** А. г. Шуи, 178.

Такой своеобразный способ постройки как будто выражал сочетание родового единства с личной и семейною отдельностью и двор русского зажиточного человека напоминал собою древнюю удельную Русь, где каждая земля стремилась к самобытности и все вместе не теряли между собою связи.

В числе причин, побуждавших таким образом располагать жилые помещения, было и то, что при таком способе постройки удобнее было по смерти владельца наследникам разделиться между собой, а в случае если б кто пожелал выселиться и завести собственный двор, ему легче было бы перенести на новое место то, что ему досталось из строений по разделу*.

* А., отн. до юр. б., I, 664.

У простолюдинов избы были черные, то есть курные, без труб; дым выходил в маленькое волоковое окно; при собственно так называемых избах были пристройки, называемые комнатами. В этом пространстве жил бедный русский мужик, как живет во многих местах и теперь, с своими курами, свиньями, гусями и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищем целому семейству, а от печи по верху под потолок приделывались полати*. К избам приделывались разные пристенки и прирубки**. У зажиточных крестьян кроме изб были горницы на подклети с комнатами, то есть двухэтажные домики***. Курные избы были не только в городах, но и в посадах и в XVI веке в самой Москве****. Случалось, что в одном и том же дворе находились и курные избы, называемые черными или поземными, и белые с трубами, и горницы на нижних этажах*****.

* Carl., 335.-Petr., 414.- Барбер., 10.- Оп. г. Шуи, 13.- Врем., XX.

** А. Юр., 147.

*** Доп., III, 97.

**** Раф. Барб., 10.

***** А. г. Шуи, 58.

Зажиточные люди обыкновенно строили себе дома в два жилья, нередко с надстройкою наверху, которая придавала дому снаружи вид трехъярусного.

Пред входом стояло крыльцо. В низких одноэтажных избах вместо крыльца с ступенями был деревянный помост, называемый передмостьем*. В простых деревянных домах оно огораживалось только перилами**. В богатых домах крыльца делались с кувшинообразными колоннами и покрывались остроконечными кровлями ***. Вход в нижний этаж чаще всего был через особую от крыльца дверь или изнутри; ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую рундуком, огороженную балясами****, потом прямо в сени второго яруса. Соответствующая ему часть в нижнем этаже дополнялась также сенями и называлась подсенье. Как сени, так и подсенье пристраивались с двух сторон дома и одни были передние, другие задние. В этих сенях и подсенях делались чуланы и коморки, иногда светлые, иногда темные*****.

* А. Юр., 130.

** Акты, отн. до юр. б., I, 263.

*** Русск. Стар. Мартын., 146.

**** Подр. на постр. дома цар. Ив. О. 3.1851 г. Март, 23.

***** А.Ю., 132.- Доп., II, 91.

Нижний этаж назывался подклетом и за единицу здания принимался второй, так что говорилось: изба на подклете, горница на подклете. Подклеты были жилые и глухие. В первом случае они служили для прислуги для исправления домашних служб, а во втором для кладовых, или же в них устраивались мыльни. В купеческих домах в подклетах сваливались товары. В казенных зданиях подклетам давали назначение, сообразное потребностям, для которых существовало здание; напр., подклеты под съезжею избою занимались тюрьмою; в кабачных зданиях там устраивались вообще подвалы. Иногда под самым подклетом был выход или погреб для хранения

напитков; но когда подклеты были жилые, в них делались печи, и оттуда проводились во второй этаж нагревательные ценинные трубы*.

* Домостр., 94. -- Подр. на постр. О. 3. 1851 г. Март, 21. -- А. г. Шуи, 164. -- Летоп. Нормантс. Врем., V, 12, -- Доп., III, 97.

Стоящий на подклете второй этаж занимал хозяйское жилье. У людей посредственного состояния они заключали по три, а иногда только по два покоя: горницу, собственно так называемую, и комнату; иногда к ним пристраивалась кухня, но чаще кухня была в особой избе, называемой поварнею. Иногда в одном строении было два, а в другом три покоя, напр. горница с комнатою (следовательно, два покоя) и повалуша о трех жильях*, или же число потребных покоев заменяли отдельные строения, напр. две горницы на подклетах и три повалуши, соединенные между собою сеньми**. Люди богатые, часто учреждавшие у себя пиры и приглашавшие много гостей, строили для своих парадных обедов особые избы в один покой с сеньми, так называемые столовые***. Вообще же в одном строении не было больше трех, редко четырех покоев. Даже у царей было только четыре покоя: передняя, крестовая, комната (кабинет) и спальня. В избушках же, построенных для особ царского семейства, покоев было не более трех, а иногда и двух****. У зажиточных людей, сверх горницы и комнаты, была также крестовая или образная, где хозяин молился с своим семейством; но иногда такая комната находилась и в особом жилье. Самая обычная постройка была в два покоя, да сверх того при комнате делалась каморка, где ставилась постель; другие же горницы обок главного дома делались в один покой и назывались одинокими*****.

* Д. Б. Русск. цар. О. 3. 1851 г. Февраль.

** А.Ю., 126.

*** А. Юр., 132.

**** Оп. Изм. дв. От. Зап. 1885 г. М., 18-21.- Русск. Стар. Март., 131. ***** А., отн. до юр. б., I, 673.

Надстройки над горницами назывались чердаками, а над сеньми вышками. Иногда эти надстройки имели затейливые фигуры, как,

например, на рисунке посольского двора у Олеария: на одном конце здания башни с окном, а в другом с куполом, а на куполе шарик; на другом конце четверугольная башня с зубцами, посредине шпигц*. Иногда чердаки делались четверугольными зданиями, менее второго этажа по объему, и заключали одну светлую комнату, иногда же образовывали третий этаж, равный второму; например, горница, а над нею повалуша с полатками**. В царских зданиях верхние этажи имели такое же расположение, как и средние, с передними и задними сенями, но с большими отличиями; так, например, в Измайловском в верхнем ярусе было три покоя, тогда как в среднем четыре. Вообще чердаки или верхние этажи делались светлее и убирались красивее средних. Они собственно были то, что называлось теремами, которым на поэтическом языке старой Руси усваивался эпитет высоких. Впрочем, название терема усваивалось и второму или среднему этажу, если над ним не было верхней надстройки. Иногда и над самым чердаком или теремом делалась еще четвертая надстройка -- небольшая башенка, или смотрильня***.

* Olean., 28.

** Врем., XIV. Смесь, 13.

*** Русск. Стар. Мартын., 62, 131. -- Оп. Изм. дв. Отеч. Зап. 1851 г. Март.-Доп., VI, 351.

Сени вообще делались пространнее самих покоев и особенно в нижнем этаже, или подсенье, так что в доме, который заключал наверху два покоя с сенями, подсенье внизу охватывало пространство, занимаемое во втором этаже не только сенями, но и частью покоев*. Бывало и наоборот: сени были обширнее подсенья и среднее жилье выдавалось вперед из линии. Таким образом, не всегда соблюдалась пропорциональность между этажами и средний бывал снаружи больше нижнего, даже и по величине самых покоев: напр., подклеть в полторы сажени, а средний этаж или горница в три**. Задние сени большею частью были просторнее передних: напр., передние в четыре, задние в десять сажен***. Вообще же средняя величина сеней была от четырех до шести саженей; в малых домах, разумеется, и менее. Из покоев только передняя, или горница, да столовая изба в больших домах отличались простором: напр., горницы в четыре сажени, а столовые в

шесть или семь сажен****. Комната всегда делалась меньше и уже, чем передний покой или горница. Но в домах небольшого пространства иногда комнаты были одинаковы с горницами, напр. обе по две сажени. Самая же обычная мера покоев вообще была от двух до трех сажен длиною, а в ширину или столько же, или немного менее. Так и в Москве палатные строения богатых господ имели от 2 1/2 до трех сажен длины и около двух шириною*****. Верхние этажи или чердаки по большей части были хотя меньше средних, но покои в них не были теснее, напротив просторнее, и для того сокращалось их число против числа в среднем этаже; напр., если в среднем этаже было три покоя, на чердаке два. Иногда же чердак строился не над одним средним этажом, а над двумя, тремя и даже четырьмя строениями, соединенными связями; тогда комнаты в нем были значительно просторнее: напр., в средних жильях от двух до двух с половиною сажен, а на чердаке от четырех до четырех с половиною в длину и от двух с половиною до трех в ширину*****. Средняя высота покоев вообще была от трех до четырех аршин*****.

* А. Юр., 132.

** Дол., 1,391.

*** Оп. Изм. дв.

**** Русск. Стар. Мартын., 131.

***** Доп., VI, 351.

***** Доп., VI, 351.- Оп. Изм.дв., 18.- Русск. Стар. Март., 131.

***** Подр. на постр.

Обыкновенная крыша русских домов была деревянная, тесовая, гонтовая или из драни. В XVI и XVII веках было в обычае покрывать сверху кровлю березового корою от сырости; это придавало ей пестроту; а иногда на кровле клали землю и дерн в предохранение от пожара. Обыкновенная форма крыш была скатная на две стороны, с фронтонами на других двух сторонах, как теперь делается у простолюдинов. Иногда все отделы дома, то есть подклет, средний ярус и чердак, находились под одним скатом, но чаще чердак, а у других и средние этажи имели свои особые крыши. У богатых особ были кровли затейливой формы: напр., бочечная в виде бочек, япанечная в виде плаща. По окраине кровля окаймлялась прорезными

гребнями, рубцами, полицами, или перилами с точеными балясами. Иногда же по всей окраине делались теремки -- углубления с полукруглыми или сердцеобразными линиями. Такие углубления преимущественно делались на теремах или чердаках и были иногда так малы и часты, что составляли кайму кровли, а иногда так велики, что на каждой стороне было их только по паре или по три, и в середине их вставлялись окна*.

* Jenkins. Had., 349. Chansl., ibid.- Olear., 144,- Petr., 319, -- Русск. Стар. Март., 131, 137. -- Доп., VI, 351. -- Дом. быт русск. цар. Отеч. Зап. 1851 г. Март.

На фронтонах и на стенах около окон делались разные изображения: линейки, листья, травы, зубцы, узоры, птицы, звери, единороги, всадники на конях и проч. На каменных зданиях они делались из камня или кирпича. Так, в древнем углицком доме царевича Димитрия по фронтому во всю стену проведены широкие линейки, разделяющиеся на три меньшие, и в каждой из последних своеобразные фигуры: узоры, башенки, города, треугольники и проч.* На деревянных зданиях эти украшения были резные. Резьба была старинною принадлежностью славянской образованности и до сих пор у русских поселян составляет наружное украшение изб. На царских теремах резные фигуры наводились золотом и красками; то же было и у частных лиц зажиточного состояния, как это сохранилось отчасти и теперь в житье-бытье поселян. Такими украшениями особенно пестрили чердаки, чтоб издали пленять взоры проезжих. В Коломенском селе наверху были поставлены шиты, и на них написаны четыре части света и суд царя Соломона**.

* Русск. Стар. Март., 137.

** Русск. Стар. Март., 140. -- Дворц. Прих. XVII в. в Дом. Быте Русск. Пар. О. Зап. 1851 г. Сентябрь.

В простых русских избах окна были волоковые для пропуска дыма. По надобности на них натягивали кожу*; вообще эти отверстия в избах бедных были малы, для сохранения теплоты**, и когда их закрывали, то в избе среди дня было почти темно. В зажиточных домах

окна делались большие и малые; первые назывались красными, последние были по фигуре своей продолговатые и узкие***. В каменных зданиях они были еще уже, чем в деревянных. Иногда в одном и том же покое делались окна и красные и малые, последних числом больше: так, например, одно красное и два малых****. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красною материею, а с наружной стороны железными ставнями; последнее было в обыкновении в каменных домах в Москве и служило предохранением от пожаров*****. Вместо стекол употребляли чаще слюду*****, которая вставлялась в окна широкими и тонкими кусками. Самый простой способ вставки слюдяных кусков был посредством снурков*****.

* Chansl, 183.

** Petr., 314.

*** Chansl., 277,- Olear, 146.

**** Врем., XIV. См., 13.

***** Дом. Б. Р. Ц. О. 3. 1851 г. Сент.- Olear., 146.- Carlisle, 74.- Jenkins., 350.

***** Врем., XIV. См., 13.

***** Tuberv. Had., 433, 437.

Но они располагались иногда с большим искусством и нарядностью; делался железный крест, около которого во все стороны расходились жердочки в виде различных фигур; в эти фигуры вставлялись кусочки слюды; таким образом, окна были образчатые, когда слюда была вставлена четверугольными кусочками, репьястые, когда вставляли ее репейками*. Слюду расписывали красками и фигурами птиц, зверей, трав, листьев и проч. Стекла были мало в употреблении: до открытия стеклянных фабрик при Алексее Михайловиче стекло исключительно доставлялось из-за границы и потому вошло в употребление для окон в Новгороде раньше, чем в Москве. Преимущественно употреблялись стекла цветные, бывшие в повсеместном употреблении в Западной Европе**.

* Дом. Б. Русск. Дар. О. 3. 1851 г. Сент.

** Доп., 1, 144.

Большие, или красные, окна назывались косящетыми -- эпитет, столь употребительный в народной поэзии. Некоторые из этих красных окон были двойные, то есть два одинаких окна стояли рядом и разделялись одно от другого продольною перекладиною. В расположении окон не соблюдалось соразмерности. Большие и малые перемешивались без разбору между собою и стояли в одном и том же поясе строения не на одной линии. Расстояние между одними и другими было неравномерное с расстоянием других между собою. В подклетах вообще окон было меньше. В изображении посольского дома, снятого у Олеария, в нижнем ярусе только два окна, выше их ряды с обеих сторон, выше их на одной стороне четыре окна четверугольной фигуры, имеющие ширины больше, чем длинины, а далее на этой же стороне еще выше два окна, на другой стороне ряд четверугольных окон, неправильно между собою размещенных*. Кроме четверугольной формы окна делались еще с дуговыми верхами, а иногда так, что дуги разделялись на три меньших дужки или выемки. Вообще русские любили свет в парадных своих покоях, и потому, если большая часть окон была узких и маленьких, зато иногда в одной комнате было их несколько, кроме красного окна. Чердаки делались всегда светлые. Случалось, что окна были с трех, а если чердак был холодный, то и с четырех сторон, и притом нередко они были двойные. Такие-то покои назывались преимущественно светлицами. Сени освещались окнами обильно.

* Olear., 128.

Потолки в каменных зданиях строились сводом, а в деревянных были плоские и назывались подволоками; их часто обивали крашенным тесом. Полы делались из так называемого дубового кирпича (род торца). Стены, как и потолки, не только в деревянных, но и в каменных строениях обивались красным тесом; для чистоты их нужно было мыть, но вообще русские держали их неопрятно. Сверх теса богатые обивали стены красною кожею, а люди посредственного состояния рогожами. В XVII веке начало входить во вкус расписывать потолки и своды, а иногда и стены. Печи делались муравленные, зеленые, совершенно круглой, иногда четверугольной формы, с железными

заслонами. Часто топка, как уже было замечено, была только в подклете, а в верхний этаж проводились нагревательные трубы. Кругом стен под окнами делались лавки, которые не принадлежали к мебели, но составляли часть постройки здания и были прикреплены к стенам неподвижно. Двери делались деревянные, столярной работы, на железных крюках или на медных луженых жиковинах (петлях), под которые подкладывали красное сукно; двери были так малы и узки, что едва можно было в них войти; в каменных палатах и кладовых делались железные двери*.

* Herberst., 38.- Chansl. Had., 277,- Olear., 203,- Mejerb., 136.- Врем., VII, 73,-От. Зап. 1851 г. М., 25. Оп. Изм. дворца.

Весь двор зажиточного человека, кроме домов для помещения семейства, заставлен был множеством людских изб и служб. Одного рода людские избы были очень просторны и назывались семейные. Там жило по несколько семейств холопов. Другие были маленькие избышки и назначались для помещения избранной прислуги; для кухни и печения хлебов служили особые строения: поварня и хлебня. Так называемые лучшие люди, которым было дозволено варить пиво, делать мед и курить вино для собственного обихода, имели в своих дворах особые пивоварни и покои, где сытили меды, а некоторые -- винокурни. Необходимая принадлежность всякого порядочного двора была мыльня. Везде почти она составляла особое строение; но в домах царей и, вероятно, у знатных особ, кроме мылен в особых строениях, для ежедневных омовений устраивались еще небольшие закоулки для мытья в подклетах и домах. Часто у хозяев очень небогатых в числе надворных строений была мыльня как принадлежность первых жизненных потребностей. Она состояла из комнаты с печью для мытья, с притвором, который равнялся сеням в жилых покоях и назывался передмыленье и предбанник. Для хранения домашнего имущества строились клетки: у богатых было по несколько клеток на дворе; каждая стояла на подклете и, таким образом, состояла из двух этажей. В подклетах, которые делались шире самых клеток, ставились колясы, сани, каптаны, колымаги, дровни, страдные одры (рабочие носилки) и проч. Наверху же были кладовые, и если клеток было во дворе несколько, то для каждой назначались особые предметы;

например, в одной находились принадлежности езды: седла, попоны, войлоки, узды, тебеньки; в другой хранилось оружие: пищали, ручницы, саадаки, луки, рогатины, сабли и проч.; в третьей -- все относящееся до столовой утвари; вчетвертой -- одежды, итакдалее. Погребай ледники обыкновенно помещались вместе, а над ними делались надпогребницы: иногда они занимаемы были клетями, иногда повалушами, иногда хлебнею, чаще всего там складывались разные припасы, не требующие помещения в погребах и ледниках. Случалось, что надпогребницы служили местом угощений прислуги, прибывшей с господами, приглашенными на домашний пир хозяином. В самых погребах и ледниках хранилось питье, всякого рода зелень, сыр, яйца, молоко и проч. Кроме этих хозяйственных служб, в дворах были житницы, где хранился зерновой хлеб, мука и сухари, заготавливаемые в большом количестве в бочках, сундуках, пошевах, ночвах, коробах; над житницею обыкновенно устраивалось сушило (иногда оно было над погребом или над конюшнею), где висело соленое мясо, вялая, ветряная, прутковая и пластовая рыба в рогожах. Далее следовал другой двор, отгороженный от главного заметом; там находилась конюшня с сенницею наверху: в сенницах делалось два отделения, одно для сена, другое для соломы. Обок ее были разные сараи с экипажами, приготовленными для обычной езды и вытасченными заранее из подклетов, сарай для дров и дерева, за ним следовали хлева для коров и свиней, птичники для кур, уток, гусей, иногда над этими обителями четвероногих и пернатых надстраивались сенники. В деревенских имениях для скота, лошадей, также и для хлебного зерна были особые дворы, построенные обок главного и назывались: скотный двор, овечий двор, конюшенный двор, житный двор, льняной двор. Конюшенные и скотные дворы, заключая большое количество домашних животных, разделялись на десятины, и в каждой десятине содержалось известное количество штук. Житные дворы заключали в себе строения, называемые житницами, куда ссыпалось хлебное зерно, по мере умоления доставленное с гумна, а льняной двор имел несколько амбаров, где складывались лен, конопля и пряжа. Между этими дворами помещалось гумно и вместе с ним овин с печами и ригами. По краю усадебных строений находились кузницы. Так как очень часто владельческие усадьбы находились близ воды, реки или пруда, то вслед за двором находилась водяная мельница*.

* Русск. Стар. Март., 128.- А. И., II, 283.- А. Юр., 125, 126, 129, 130, 132.- Доп., I, 391. VI, 351, -Оп. Шуи, 304.- А. г. Шуи, 58,100-Врем.. VII. Кн. посев. Мороз. -- XIII. Расх. кн., 26. -- Досмотр. Врем., I, 92, 94.

Вообще хороший зажиточный хозяин старался, чтоб его усадьбы имели возможнейшую полноту и заключали в себе все нужные хозяйственные заведения и постройки, но само собою разумеется, что не все дворы имели такое множество зданий; иногда вся постройка ограничивалась одною избой, клетью, банею да погребом с надпогребницею*. В посадах иногда дворы заключали только избу с сенями, сарай и погреб, над которым находилась клеть**. В самой Москве встречались дворы, небогатые количеством зданий: например, три избы с двумя пристенами, клеть, мыльня, погреб да ледник с надпогребницами***. Вот пример деревенских усадеб: две горницы, одна на подклетах, другая большая с сенями, сенница, стоящая на подсении, клеть с перерубами на подклетах, хлевек малый, сосновый сарай; или: изба с прирубом, против нее клеть, на подклетах хлев, сенник да мыльня, сарай, овин с ригичем, огороженный тыном. Пример крестьянского строения: изба трехсаженная, клеть, сенник, сарай (иногда не было сенника, иногда сарая, иногда клетки), мыльня, амбар, иногда омшанник****.

* Оп. Шуи, 309.

** А., отн. до юр. б., I, 681.

*** А. Юр., 147.

**** А. Юр., 129, 198, 202, 205,- А., отн. до юр. б., I, 684.

Казенные здания имели постройку, приноровленную к их назначению; напр., кабаки строились обыкновенно так: во дворе возвышался деревянный дом, под которым был подвал для хранения питья, а обок его омшанник с печью, где ставили питье; вероятно, печь была для того, чтоб иметь горячую воду для разведения водки. Другие здания на дворе были: ледник, над которым надстроено сушило, поварня, где производились работы и стояли инструменты, и стольная изба, где находилась стойка, за которою сидели целовальники и

продавали вино, а собираемые ими деньги были относимы и хранимы в горнице, стоявшей, как выше сказано, над погребом*.

* Доп., III, 97.

При усадьбах были сады и огороды; обычай заводить их при домах наблюдался в Москве в XVI и в XVII веках. Иностранцы, посещавшие русскую столицу, замечали, что в ней трудно было найти двор, где бы не было сада*. На посадах почти повсеместно встречались при домах сады и огороды с плодовыми деревьями**. Сады садились не только для удовольствия, но и для пользы, а потому они везде почти были плодовые. Обыкновенные деревья были: яблони, которые сажались одна от другой сажени на три, и ягодные растения; встречались также груши; вишен было мало. Между деревьями копались гряды, на которых сажали огурцы, морковь, репу и другую огородную зелень; поэтому обыкновенно сад был вместе и огородом. Некоторые делали парники и воспитывали на них дыни. Около тына или забора, ограждавшего сад, сажали обыкновенно капусту и свеклу. Лесные деревья садились редко и если встречались в садах, то преимущественно или пахучие, как, напр., черемуха, или особенно нарядные, как, напр., рябина или калина***.

* Пав. Иов., 33.

** А. Юр., 130.

*** Доп., I, 391. VI, 351.-Врем., I. Домостр., 78.

ГЛАВА VIII

Домашняя мебель и утварь

Главное украшение домов составляли образа: не было в доме покоя, где бы их не висело несколько, и чем хозяин был зажиточнее, тем более это выказывалось множеством образов; их ставили не только в жилых покоях, но в сенях, лавках и амбарах*. Большому числу образов в домах способствовало еще и то, что в старину было в обычае дарить приятелей образами; таким образом, царей и князей дарили образами монастыри, владыки и бояре**. То же наблюдалось и в сношениях частных лиц между собою.

* Carl., 355. Petr., 387.

** Врем., VII. См. Он. им. и. Ив. Вас, 3-6. -- Врем., П. См., 22.

Образа были иконописные произведения русских художников: по всеобщему верованию, благодать не пребывает над тем образом, который писан человеком неправославной веры*.

* Carlisle, 351.

Образа писались на досках, по краскам или по золотому полю. Около головы святых делали венцы из золота или позолоченного серебра, украшенные по ободку драгоценными камнями или жемчужного обнизью. Часто целый образ окладывался золотым или серебряным окладом -- работы басмянной, чеканной, сканной, канфаренной и других видов, которыми щеголяло тогдашнее металлическое искусство. Образа ставились в киоты. Кроме киотов с окончинами делали киоты со створками и как на наружной, так и на внутренней стороне створок писались изображения. Одни образа

представляли картины из священной истории, другие изображали святых во весь рост и назывались стоячими, а иные только по грудь и назывались оплечными образами. Кроме дерева, изображения святых вырезывались на перелефти, камне или белой кости; в старину в большом употреблении были металлические складни со створками, и на каждой створке, и снаружи и изнутри, нарезывались изображения; средний образ, закрываемый створками, был больше прочих. Иногда на складнях нарезывались или начеканивались молитвенные слова, как, напр., *О Тебе радуется благодатная или Хвалите имя Господне*, смотря по содержанию изображений. Кроме складней, можно было часто встретить осмиконечные кресты золотые, серебряные и больше всего медные с распятиями литыми или резными. Наконец, в употреблении были золотые и серебряные круглые медали с изображениями на обеих сторонах. Такие медали давали родственники своим кровным: родители детям, свекры невесткам и проч. Примером такой медали можно указать одну, XV века, с изображениями: на одной стороне Христа Спасителя, на другой св. Николая в святительской одежде с Евангелием, подаренную князем Холмским своей невестке. Такие медали привешивали к образам. Другие кроме этих медалей прицепляли к ним старинные гривны, червонцы, золотые цепи, жемчужные серьги, перстни с драгоценными камнями*.

* А. И., 1, 283. II, 405.- Собр. госуд. гр., I, 301.- А., отн. до юр. б., 556. -- Врем., VII. См. Оп. им. царя Ив. Грозн., 3. 5.- Chaud., 113.

Трудно определить, каких святых иконы встречались чаще. Это зависело от вкуса и от обстоятельств жизни хозяев домов; но, кажется, в каждом доме можно было встретить несколько образов Божией Матери в различных наименованиях, как-то: Одигитрии-Пятницы, Богородицы милостивые, Умиления, Скорбящие и т.д. У Ивана Грозного из тридцати семи образов двадцать один изображал Пресвятую Деву. Затем очень часто можно было встретить образ св. Николая Чудотворца, которого, как известно, русские особенно уважали.

Образа ставились в переднем углу покоя, и этот угол задергивался занавесом, называемым застенком. Сверх того, каждый образ поодиночке задергивался привешенным к концу его убрусцем, а внизу

спускался кусок материи, называемый пеленою. Застенки, убрусцы и пелены у богатых людей унизывались драгоценными камнями и дробницами (металлическими блестками), особенно по концам, а иногда на них вышивались изображения святых. Убрусцы и пелены переменялись на образах и в известные праздничные дни привешивались более нарядные, чем в будни и в посты. Перед иконами висели лампы и стояли восковые свечи. Между всеми образами, стоявшими в одном углу, был один главный, поставленный на первое место посредине угла, а все прочие ставились по важности своего содержания ближе или далее от него. Некоторым образам почему-нибудь приписывали особую силу и тогда наряжали и украшали их преимущественно перед другими. В доме зажиточного хозяина, кроме множества образов, во всех покоях, и жилых и глухих, была одна комната, где стояли исключительно образа во всю стену, наподобие церковного иконостаса; там происходило домашнее моление. Там под образами стоял аналой с книгами, просфора Пресвятые Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столе, а по бокам подсвечники с восковыми свечами; на полке под образами лежало крылышко для обметания пыли и губка для отирания. Такие-то комнаты, как сказано выше, назывались крестовыми; у богатых людей, державших домашних священников, там священники отправляли каждодневное служение: заутреню, часы и вечерню*.

* Врем., VII. См. Оп. им. царя Ив. Грозн., 1.4. -- Домостр. Врем., I, 8 -- 9. А. И., II, 405. IV, 399.-Собр. гос. гр., I, 301.- Котош., 119. -- Mejerb., 2, 76.- Доп., I, 192.

Вообще в домашнем устройстве замечен был у русских обычай укрывать и покрывать. В порядочном доме полы были покрыты коврами, у менее зажиточных рогожами и войлоками. В сенях у дверей лежала непременно рогожа или войлок для обтирания ног, потому что калош никто не носил. Для сиденья служили лавки, приделанные, как сказано уже, к стенам наглухо. Если стены были обиты, то и лавки обивались тем же самым, чем стены; но, сверх того, на них накладывались куски материи, называемые полавочниками; они делались о двух полотнищах, так что одно было длиннее другого;

первое закрывало лавку во всю ее длину, а последнее свешивалось до земли, закрывая средину пространства между лавкою и полом. Их длина и ширина были различны, смотря по лавкам, которых величина соразмерялась с пространством покоев. Были, например, полавочники в шесть аршин длиною и в два шириною. Но из этого нельзя заключать, чтоб лавки были широки, ибо здесь принималась ширина всего полавочника в двух полотнищах*.

* Оп. хоромн. нар. О. 3. 1851 г. Сент., 115.

Полавочники переменялись: в будни клались попроще, в праздники и во время приема гостей понаряднее. Таким образом, в будни клались полавочники суконные, а в праздники из шелковой материи, подбитые какою-нибудь простою тканью и отороченные куском материи другого цвета. Такие же куски клались на окна и назывались наоконниками; в будни клались простые коврики, в праздники шелковые куски, вышитые золотом. Длина их была от двух до трех аршин, а ширина около двух; вероятно, они спадали вниз с оконного карниза. Вообще, как полавочники, так и наоконники были разных цветов: светло-зеленого, голубого, кирпичного, гранатного и преимущественно красных отливов, иногда вышитые узорами. На полавочниках узоры на меньшем полотнище делались другие, чем на большем. Кроме лавок для сиденья делались еще скамьи и столыцы. Скамьи были шире лавок, напр. до двух аршин шириною, длиною делались до четырех аршин; в одном конце их приделывалось возвышение, называемое приголовником. На них не только садились, но и ложились отдыхать после обеда. Они накрывались, как и лавки, полавочниками. Иные скамьи служили постоянно кроватями. Столыцы были четвероугольные табуреты для сиденья одному лицу и также накрывались куском материи. Скамей и столыцов в доме было немного, а кресла и стулья составляли роскошь царского двора и знатных бояр, даже и там были в небольшом количестве, в народе же вовсе не употреблялись. Столы делались деревянные, большею частью дубовые, длинные и узкие; у зажиточных людей иногда их разрисовывали изображениями из Св. Писания, а пока и ножки украшались резьбою. Кроме больших столов были столы маленькие, у богатых людей украшенные камнями и разными пестрыми кусочками,

тоже аспидные. Большие столы ставили перед лавками и обыкновенно покрывали подскатертниками; это была вещь, необходимая для приличия. Во время трапезы поверх подскатертника накрывался стол скатертью. Скатерти и подскатертники работались обыкновенно дома и служили предметом занятий для многочисленной прислуги. Как полавочники и наоконники, так и скатерти и подскатертники переменялись по праздникам; в будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, в праздники -- бархатными, алтабасовыми, камковыми подскатертниками с золотошвейными каймами. Скатерти у бедных были полотняные, грубой отделки, у богатых -- шитые браные с бахромами. Все эти покрывала вообще на столах, окнах и лавках назывались хоромным нарядом. Стенных зеркал у русских вовсе не было. Церковь не одобряла их употребления; духовным лицам Собор 1666 года положительно запретил иметь зеркала в своих домах; благочестивые люди избегали их как одного из заморских грехов; только зеркала в малом формате привозились из-за границы в большом количестве и составляли принадлежность женского туалета. Так же точно старинное благочестие избегало стенных картин и эстампов, не допуская других украшений в этом роде, кроме икон, но в XVII веке мало-помалу начали входить в домашний обиход картины и эстампы сначала в царских хоромах, потом у знатных лиц. Вкус к ним начал распространяться и между другими сословиями, и уже в конце XVII века их продавали в овощном ряду в Москве. Впрочем, эстампы, которые тогда позволяли себе вешать в золоченых рамах богатые люди, заключали преимущественно священные предметы, но их строго отличали от образов и они не имели вовсе священного значения.

Кроватью в старину служила прикрепленная к стене скамья или лавка, к которой приставляли другую лавку. На этих лавках клали постель, состоящую из трех частей: пуховика, или перины, изголовья и подушек. Было два изголовья -- нижнее называлось бумажным и подкладывалось под верхнее, на верхнее клались подушки, обыкновенно три; постель покрывалась простынею из полотна или шелковой материи, а сверху закрывалась одеялом, входившим под подушки. Постели убирались понаряднее в праздники или на свадьбах, попроще в обычные дни. В нарядных постелях на изголовья и подушки надевались наволоки камчатные, бархатные, атласные,

обыкновенно красного цвета, шитые золотом и серебром, унизанные жемчугом по краям; одеяла постилались подбитые соболем, атласные, красного цвета с гривами, то есть каймами золотой или серебряной материи, подбитыми соболями. Самые перины были набиты лебяжьим или чижовым пухом. Наволоки были на простых постелях тафтяные белые или красные, подбитые крашениною. Простые одеяла подбивались заячьими мехами. Вообще, однако, постели были принадлежностью только богатых людей, да и у тех стояли более для вида в своем убранстве, а сами хозяева охотнее спали на простой звериной шкуре или на матрасе. У людей среднего состояния обычно постелью служили войлоки, а бедные крестьяне спали на печках, постлавши под головы собственное платье, или же на голых лавках. Детские колыбели делались висячие, всегда широкие и длинные, для того чтоб дитя могло свободно расти, а внутри их всегда привешивались иконы или крестики*. Для хранения домашних вещей употреблялись скрини (род комодов с выдвижными ящиками), сундуки, погребцы, чемоданы. Посуду ставили в поставцах: это были столбы, уставленные со всех сторон полками; книзу их делали шире, кверху же, на нижних полках ставили более массивную посуду, на верхних мелкую. Разные женские украшения хранились в ларцах, которые сами по себе украшались великолепно, наводились яркими красками и золотом, расписывались узорами и окаймлялись металлическими кружевами; такие ларцы передавались из рода в род вместе с драгоценностями, какие там сохранялись. Для украшения в домах зажиточные люди раскладывали разные драгоценные безделки вроде следующих: серебряные яблоки, позолоченное изображение петуха с белым хвостом на поддоне, мужичок серебряный, костяной город с башнями и миниатюрные изображения разных домашних принадлежностей из золота и серебра, например: ящик, в котором было паникадило, стол, четыре подсвечника, рассольник, рукомойник, четыре блюда, четыре тарелки и проч., все в малом виде, так что все вместе весило два фунта 38 золотников; или, например, серебряный ставец, в котором была бочка, зеркальце и т.п. Знакомство с Европою ввело к нам часы. Так, у Артамона Сергеевича Матвеева было несколько часов: одни показывали часы астрономического дня, на других означалось время от восхода до заката солнца, а третьи показывали течение суток с полуночи в полдень, как наши часы

нынешнего времени. Часы зепные (карманные) составляли редкость и гораздо употребительнее были часы боевые, стенные и столовые; устройство их от наших отличалось тем, что в них не стрелка ходила по циферному кругу, а самый круг двигался. Столовые часы делались с затейливыми фигурами, например с четвероугольною скрынью с перилами наверху, или медное изображение слона с сидящим на нем человеком, или в виде башни; на чердаке ее сделаны были изображения людей, а на самой вершине изображение сидящего орла.

* Оп. хоромн. нар. О. 3. 1851 г. Сентябрь. -- Древн. Русск. Вивл., 1, 9 -- А. И., I, 285. II, 405,- Доп., V, 471.- С. г. гр" I, 303.-Оп. Шуи, 419.- Досмотр. Врем., I, 51. Врем., VIII. См. Оп. им. Тат., 8, 31.-Olear., 204, 319,- Mejerb., 91,137,-Tuber. Had., 433-434. Кильбург., 67.

Освещение в домах было свечами восковыми и сальными. Восковые употреблялись преимущественно у богачей, и то единственно в праздничные дни и во время торжественных собраний; в самом царском дворце в XVI веке зажигали сальные свечи. Свечи вставлялись в подсвечники, которые были стенные, прикрепленные к стенам, стоячие, значительной величины и малые или ручные. Вообще они назывались шандалами, делались обыкновенно из меди, иногда из железа. В XVII веке у зажиточных людей были в домах так называемые струнные медные подсвечники, сделанные из натянутых и расположенных удобно медных проволок. Ночью, чтоб иметь огонь, держались ночники. По случаю больших собраний освещали дома висячими паникадилами, которые в богатых и знатных домах были серебряные и делались с разными фигурами. Для домашнего обихода держались слюдяные фонари; с ними прислуга ходила в конюшни и кладовые. У простых поселян избы освещались лучинами*.

* Chensl. Had., 277. -- Коллинс, 21. -- Матер, для ист. возм. Стеньки Раз., 200.- Врем., V. См., 22. VIII. См. Оп. им. Тат., 37. XIII. Расх. кн. Ник., 9 -- 52.- Дом. б. русск. цар. Забел. От. Зап. 1851 г. Сент. А. Ю., 445.- А. И., II, 406. IV, 399. Доп., VI, 105.- Mejerb., 232. -- Барбер., 32.

Для хранения громоздких хозяйственных припасов в клетях употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки в старину были самым обыкновеннымместилищем и жидкостей, и сыпучих тел, например: хлебного зерна, муки, льна, рыбы, мяса сушеного, поскони и разного мелкого товара, как-то: гвоздей, цепей, замков, топоров и всех вообще принадлежностей хозяйства. Сосуды для варенья в поварнях были котлы медные и железные; там, где приготавлилась пища на большое количество людей в дворе, они достигали больших размеров, например в семь ведер; другие были в четыре ведра, в ведро, в полведра, и вообще назывались поваренными, или, естовными котлами, в отличие от пивных и винных, достигавших размера пятидесяти ведер. Для небольшого количества пищи употреблялись горшки. Жарили на сковородах не только железных, но и на медных луженых, с рукоятками; для месива теста употреблялись деревянные корыта и большие чаны; для мытья белья корыта, ночвы, буки, для носки воды ведра, кумганы, корчаги, ендовы, кувшины. По окончании обеда у рачительных хозяев все сосуды вымывались и вытирались, потом опрокидывались вниз и ставились на полках в кухне или в чулане. В праздники, когда в доме все облакалось в нарядный вид, и в поварню отпускалась посуда лучшей работы*.

* А. И., I, 285.-А. Ю., 444-445,- Врем., VIII. См. оп. им. Тах, 22, XIII. Расх. кн. Ник., 43.- Досмотр. Врем., 1,66,92-93.

Для умыванья употреблялись рукомойники и лохани; у богатых людей они были серебряные и позлачивались, у людей средственного состояния -- медные или оловянные. Нередко рукомойник был оловянный, а лохань медная. Примером богатого старинного прибора для умыванья может служить рукомойник Ивана Васильевича: серебряный позолоченный, с изображением фигур (образин), на стоянце, тоже испещренном чеканными фигурами; при нем серебряная лохань с чеканным изображением рыб и раков*.

* А. И., II, 406.- Врем., VII. Смесъ. 45.

Столовая посуда для пищи и питья носила общее название судков. Жидкое кушанье из поварни для стола носили в кастрюлях и

оловянниках -- медных луженых или оловянных, с покрывашками. Другая посуда для носки жидких кушаньев была рассольник, также с покрывашкой, род соусника; он употреблялся также и для соленых плодов. За столом жидкая пища разливалась в мисы: у богатых они были серебряные, у небогатых оловянные и деревянные. Твердые кушанья приносились на блюдах. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленные к известному роду кушаньев, и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На одних блюдах приносили кушанья из поварни, другие ставились перед гостями так, чтоб два человека и более могли есть с одного блюда. Последнего рода блюда назывались блюдцами. Овощи подавались на блюдах особой формы, называемых овощниками. К большим блюдам приделывались кольца, по два и по четыре; это показывает, что их несли человека по два. У богатых блюда были серебряные с выйчатymi мишенцами по обводу; у людей посредственного состояния -- оловянные или полуженные медные. Тарелки, называемые торели, не были в повсеместном употреблении, и там, где они ставились перед гостями, не переменились во все продолжение обеда, а поэтому в домах их было немного; у богатых они были серебряные граненые, иногда позолоченные; у менее зажиточных -- из польского серебра или оловянные. Весом они были до полфунта, а некоторые и массивнее, например в три четверти фунта. В домашнем сервизе немногие из них были больше остальных. Вероятно, название торели смешивали с названием блюда, так что в одном месте плоскую посуду, поставленную перед гостями, называли торелями, а в другом блюдами. Ложки у богатых делались серебряные позолоченные с фигурой на конце рукоятки и с надписью, кому принадлежит. Ножи в богатых домах оправлялись золотом и серебром с драгоценными камнями: их не подавали гостям, потому что кушанье предлагалось уже разрезанное. Вилки были двузубые, а иногда их вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцем или краем скатерти. Но необходимою принадлежностью столового прибора почитались, солоница, уксусница и перечница, иногда горчица. Когда готовили стол к трапезе, то, постлавши скатерть, ставили на нее эти сосуды. Солоницы делались на стоянках с покрывашками и рукоятками, уксусницы и перечницы на ножках; иногда эти сосуды соединялись в один: например, солоница, а наверху ее перечница. Серебряные

солоницы и перечницы украшались узорами и литыми изображениями: например, солоница на зверках, солоница с верхом, украшенным финифтью с изображением людей по бокам*.

* А. Юр., 444,445 -Врем., V. См., 22. VII. См. Оп. им. царя Ив. Вас, VIII. См. Оп. им. Тэт.,XIII. Расх.кн., 58.- Собр. гос. гр., 1, 32, 40, 407-409.- Достоп. Кремля, 36, 49.- А. И., II, 405-406, 428.- Доп., VI, 105.- Русск. Стар. Мартын., 87. -- Пов. о пос. Щиле. Рук. И. публ. библи.

Столовые сосуды для приноса питий были: ендовы, мушормы, ведра, кувшины, сулеи, четвертины, братины. Ендова была сосуд более кухонный, но употреблялся и как столовый для приноса питья; ендовы имели разную величину: например, иные заключали в себе целое ведро, другие по шести ведер, а некоторые были столь малы, что заключали в себе весу только две гривенки. Редко употребляемые при столе, в обычном обиходе они были медные вылуженные, с носком и с рукояткою. Мушорма была сосуд, близкий по виду к ендове, также с носком и с рукояткою.

В чем заключалось их различие -- неизвестно. Ведра были не только служебного посудом, но сделанные в малом размере, ставились с напитками на столе; были, таким образом, серебряные сосуды в форме ведра, носившие это название, с дужкою наверху, цилиндрической формы, а иногда многосторонниками. Кувшинами, как теперь, называли сосуды с раздутыми боками посередине, с суженною шейкою, с расширявшимися краями, с носками и с кругообразною рукояткою. Были кувшины серебряные с обручами на шейках, с крышкою наверху, на которой ставились какие-нибудь выпуклые фигуры, напр. яблоко и т.д.; иногда к ручке кувшина приделывалась цепочка. Четвертиною, как показывает ее название, была четвертая часть единицы -- ведра, то есть кварта; но в домашних приборах этим именем называли сосуд, раздутый по бокам, несколько похожий на суповую чашку с крышкою; в них отсылали питье из дома отсутствующим знакомым. Четвертины были разной величины и даже так малы, что вставлялись в небольшую шкатулку. Братина, как самое ее название указывает, была сосуд, предназначенный для братской товарищеской попойки, наподобие горшка с крышкой. Из них пили, черпая чумками, черпальцами и ковшами. Братины были разной

величины; небольшие употреблялись даже прямо для питья из них и назывались братинками. Сулеи были маленькие бутылки с узким и продолговатым горлом и с цепью; они привешивались к поясу в дороге*.

* С. г. гр., I, 409, 410.- Врем., V. См., 20. VII. См. Оп. им. Ив. Вас, 25, 34. VIII. См. Оп. им. Тах, 22, 35.- А. г. Шуи., 176.- А. И., I, 285.

К сосудам, из которых пили, принадлежали кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, достаканы, чарки, овкачи, болванцы. Кружки были цилиндрические сосуды с рукоятью и крышкой, всегда в одну стену снизу доверху, кверху несколько уже, обыкновенно круглого вида, как показывает самое название; но были также кружки осьмигранные и четырехгранные; они ставились на поддонах. Нормальная величина кружки определялась ее мерным значением, ибо кружками собственно называлась определенная мера -- половина четвертины, $\frac{1}{8}$ ведра; но эта мера не всегда соблюдалась, как показывает различие веса (напр., в 4 ф. и в один фунт), следовательно объем кружек был различен. Чашами назывались круглые разложистые сосуды с рукоятками, с кольцами, с пелюстками, с скобами, весившие иногда до двух фунтов и более; но вообще под этим названием разумели пропорцию выпиваемого собеседниками вина; в этом смысле на одной братине находится надпись: "В сию братину наливается богородицина чаша". Пить чашу чью-либо значило пить в честь кого-нибудь или за чье-либо здоровье. Таким образом, говорилось: "государева чаша", "патриаршая чаша".

Кубками назывались сосуды с круглым, иногда досчатым или плоским дном, с крышкой, на подставке, иногда на ножках и на поддоне. К ним иногда приделывались цепочки. Делались кубки двойчатые, то есть разделявшиеся на две половинки, из которых каждая составляла особый сосуд для питья. Величина кубков была различна. Всем известен громадный кубок царя Ивана Васильевича Грозного, хранящийся в Оружейной палате, весом в один пуд восемь фунтов, в сажень вышиною. У знатных и богатых домохозяев были большие кубки весом до четырех и до пяти фунтов, но они в небольшом количестве стояли только для украшения на поставцах. В употреблении были кубки весом в полфунта, фунт и около того. Стопы

были большие высокие стаканы, иногда с рукоятью, носками и крышкою. Достаканы были средней величины стаканы, иногда с рукояткою, на ножках, обыкновенно с разложистыми круглыми краями, иногда же с угольчатыми и ставились на маленьких поддонах. Ковши были низенькие сосудцы, круглые или овальные, с круглым дном, с досчатою ручкою, называемою полкою, иногда с загибом на конце. Корцы отличались от ковшей тем, что дно у них было плоское; маленькие корцы назывались корчиками. Чарками назывались маленькие сосудцы с круглым или плоским дном или на ножках с закругленною ручкою, иногда с крышкой. Подлинно неизвестно, какая была отличительная черта сосудов, называемых болванцы и овкачи. Первые были иногда массивны, как это доказывается описанием одного болванца в числе посуды царя Михаила Феодоровича, где значатся болванцы 4 ф. 62 зол. и в девять фунтов с лишком*.

* Времен., I. Домост., 66. V. См., 20, 22. VII. См. Оп. им. ц. Ив. Вас., 25, 34-35, 40-46. VIII. См. Оп. им. Тат., 22, 34-35.- С. г. гр., 1, 40, 407-409.- Достоп. Кремля, 131.

Кроме этих названий, более или менее определенных особою формою, существовали разные сосуды затейливой фигуры: напр., орех индийский с серебряною золоченою формою; рога, оправленные в серебро; сосуды в виде челнока, вола, лошади, петуха и проч.

Эти сосуды из серебра, часто позолоченные, наполняли поставцы знатных и богатых людей и составляли домашнюю роскошь. В отношении работы они были разных видов, напр. гладкие, сканные, т.е. витые, граненые (или грановитые), чеканные, чешуйчатые, травчатые, канфаренные, склянистые, пупчатые, решетчатые; иногда несколько видов работ соединялись в одном сосуде, так что часть его была отделана одним, другая -- иным видом. Фон стены сосуда назывался землею, а по земле делались разные фигурные украшения. На братинах чаще всего были узоры и травы. На стенах кубков и чаш делались широкие выпуклости, называемые пузами, и углубления, называемые ложками; сверх того, неширокие, но высокие возвышения, называемые пупышами, формы круглой, сердцевидной, продолговатой, клинчатой и т.д. Часто пупыши чередовались с ложками. Иногда на

фоне одной работы делались кружки другой и в этих кружках помещались изображения и надписи. По краям сосудов проводились венцы, составлявшие линии разных узоров; часто таких линий было несколько одна возле другой, каждая работы, отличной от другой. Фигуры, украшавшие сосуды, изображали цветы, плоды, листья, зверей, птиц, рыб, людей; последние носили название личин или образин. Литые фигуры ставились на верхах покрышек; так, например, были сосуды, особенно кубки, наверху которых стояли орлы, петухи, яблоки, лодки, терема, города с башнями. Например, в кубке весом в одиннадцать гривенков, принадлежавшем царю Ивану Васильевичу, на покрышке был терем о трех столбах, между столбами три человеческих изображения в кругах, а наверху самого терема человеческая фигура, держащая копье. На привозных из Западной Европы сосудах встречались мифологические изображения, например Аполлона или сатира. Иногда чеканные фигуры представляли целые происшествия или картины: напр., на кубке круги, в которых изображены царства. Поля сосуда украшались чеканными фигурами; они находились между пупышами, между пупышами и ложками, когда они чередовались между собою, в кружках, обручиках, связях или сетевидных каймах, на полках ковшей и корцев. Иногда рукояти и стоянцы сами по себе составляли фигуру: напр., рукоять в виде змеи, а стоянец в виде тыквы, по которой вычеканены яблоки и груши. Даже внутри сосудов иногда делались чеканные и литые изображения.

Кроме узоров, трав и фигур, было в обычае делать на сосудах разные надписи, как-то: о количестве веса, имя владельца вещи и приличные изречения из Священного Писания или из житейской мудрости, а если сосуд был подарен, то надписывалось об этом: напр., *ударил челом боярыня Ульяна Федоровна Романова*. Надписи эти вычеканивались внутри сосуда на дне, по ободам, по эмали или финифти, которою нередко украшались сосуды. Чтоб иметь понятие о роде тех надписей, которые заключали в себе изречения, приведем в пример чарку, на которой надписано по ободу: "Чарка добра человеку, пить из нее на здравие, хваля Бога, про государево многолетнее здоровье"; внутри другая: "Не злись, смиришь, человеце, желаешь славы земные, зато не наследишь небесные; по бокам вокруг: "Зри, смотри и люби и не проси. Внутри братины, поднесенной царю думным дьяком Третьяковым в 1618 году, надпись такая: "Человеце!

что на мя зриши? Не проглотить ли мя хочеши? Аз есмь бражник; воззри, человече, на дно братины сея, оккрыеши тайну свою". А на венце другая надпись: "Веси убо, человече, яко воину оружие потребно есть в день брани, такожде и дождь во время ведра; пити же во время жажды; сице же истинный друг во время утеснения и скорби, и вси убо прикасающийся сладости сей с любовию по разуму в сытость веселие с друга, и телесем красоту, и сердце и ума пространство почерпают, и радостию со друга своими веселящиеся, испиют, хотящими же убо к сему приступите со враждою -- насытное их убо достойть от сего дому всегда отгоняти заботно"*.

* Достоп. Кремля, 117, 123, 129, 130.- Собр. г. гр., I, 407-410,- Врем., VII. Смесь, 34-35, 40-45.

Количество дорогих сосудов, переходивших по наследству не только как материальная драгоценность, но как память отцов, умножалось подарками; в обычае было дарить сосуды для изъявления привязанности, милости или преданности. Цари дарили кубками и ковшами за услуги престолу, подданные подносили великим князьям, а потом царям в подарок сосуды в торжественные дни: при вступлении государя на престол, на именины, по случаю бракосочетания, рождения детей. Так же точно и в частном быту дарились сосуды именинникам, дарились новорожденным, дарили их подначальные начальникам, начальники подначальным. Там, где их, таким образом, накапливалось много, их сортировали для застольного употребления, так что в большие праздники подавали лучшие, в других случаях попроще. Впрочем, не должно думать, чтоб повсюду было их такое множество: некоторые поставляли домашнее богатство в вещах другого рода и потому довольствовались незначительным количеством золота и серебра. Таким образом, случалось, что все серебро в доме составляли три-четыре серебряных ложки*.

* А. И., IV, 399.

Кроме металлической посуды, в XVI и XVII веках у богачей были сосуды каменные, агатовые, сердоликовые, из горного хрусталя, а между тем входила в употребление и стеклянная и хрустальная посуда

с теми же названиями, какие исчислены прежде. Стеклянная посуда привозилась из-за границы, стекла преимущественно разноцветного, полосами, с позолоченными венчиками. Сверх того, существовали простые стеклянные фляги и скляницы для хранения вина и деревянного масла. Простой народ довольствовался деревянными сосудами, которые имели ту же форму, как и драгоценные, и носили те же названия. Как посуда для пищи -- мисы, торели, солоницы, так и питейные сосуды -- братины, ковши, корцы, делались из дерева в разных местах по селам и продавались на рынках; но из них особенно славились по работе калужские, гороховецкие и корельские. Эти деревянные изделия украшались резьбою, которая издавна составляла любимое украшение вещей для небогатого класса. Не гнушались деревянного посудом и дворяне, а каповые сосуды были в употреблении у бояр и даже у царей и считались роскошью*.

* Достоп. Кр., 128, 130.- А. А. э., III, 363.- А. И., I, 285.- Врем., I. Домостр., 93, VIII. См. Оп. им. Тат., 22. XIII. Расх. кн. Ник., 30.

ГЛАВА IX

Одежда

Старинная русская одежда представляет с первого вида большую сложность и разнообразие; но, присмотревшись к частностям ее, легко узнать во множестве наименований больше сходства между собою, чем отличия, которое преимущественно основывалось на особенностях покрою, к сожалению теперь малопонятных для нашего времени. Вообще одежда была одинакова по покрою как у царей, так и у крестьян, носила одни и те же названия и отличалась только степенью убранства.

Обувь простого народа была лапти из древесной коры -- обувь древняя, употребительная во времена язычества. Кроме лаптей из коры, носили башмаки, сплетенные из прутьев лозы*; вероятно, эту обувь разумели под названием пленицы**; некоторые же носили подошвы из кожи и подвязывали их ремнями, обмотанными вокруг ноги***. Как крестьяне, так и крестьянки носили эту обувь. Обувь людей с достатком составляли сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги. Все эти виды делались из телячьей кожи, из коровьего опойка, из конской кожи, из юфты, у богатых -- из персидского и турецкого сафьяна****.

* Petr., 314.

** А.,отн. до ю. б., 53.

*** Das Gr. Reich. V. Mosc, 187.

**** А. И., IV, 399.- Доп., III, 145.- Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 60.- Ворон. акты, 1,117. -- Olear., 182.

Сапоги носились до колен и служили вместо штанов для нижней части тела, и для того подкладывались холстиною; их снабжали

высокими железными подборами и подковами, со множеством гвоздей по всей подошве; у царей и у знатных лиц эти гвозди были серебряные. Чоботы были полусапожки с остроконечными загнутыми кверху носками. Башмаки были принадлежностью не только женщин, но и мужчин; при них носили ичетыги, или ичеготы, иначе ноговицы (ныне еще употребляют кое-где эту старую, заимствованную от татар обувь под именем ичег и ноговиц); это были сафьянные чулки и разделялись на два вида: полные, достигавшие до колен, и полуполные. При сапогах и чоботах носились чулки, шерстяные или шелковые, а зимою подбитые мехом. Женская обувь была почти та же, что и у мужчин; башмаки были с такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблук. При них были шерстяные или шелковые чулки. Посадские жены носили также большие сапоги до колен, но дворянки ходили только в башмаках и чоботах. Бедные крестьянки ходили в лаптях, как и мужья их.

Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цветные, чаще всего красные и желтые -- иногда зеленые, голубые, лазоревые, белые, телесного цвета; они расшивались золотом, особенно в верхних частях на голенищах, с изображениями единорогов, листьев, цветов и проч., и унизывались жемчугом; особенно женские башмаки украшались так густо, что не видно было сафьяну*. В зажиточных русских домах обувь вообще делалась дома, и для этого держали в дворе знающих холопов**.

* Вых. цар., 492,494. -- Врем., I. Домостр., 54. Врем., VII. См. Оп. им. царя Ив. Вас, 8, VIII. См. Оп. им. Тат., XIII. Расх. кн. Ник., 60.- Ворон, акты, I, 115.- А.г. Шуи, 119,174.- Olear., 182.- Раф. Барб., 97.- Crull., 135.-Carlisle. 332.-Fletch., 97.- Petr., 306, 307.- Das Gr. Reich, v. Mosc, 203.

** Врем., I. Домостр., 54, 55.

Рубахи у простонародья были холщовые, у знатных и богатых шелковые. Русские любили красные рубахи и считали их нарядным бельем. Домострой советует обращать особое внимание на мытье красных рубаш, как на принадлежность лучшей одежды. Русские мужские рубахи делались широкие и короткие и едва достигали до ляжек, опускались сверх исподнего платья и подпоясывались низко и

слабо узким пояском, называемым опояскою. В холщовых рубахах под мышками делали треугольные вставки из другого полотна, расшитого пряжею или шелком, или же из цветной тафты. По подолу и по краям рукавов рубахи окаймлялись тесьмами, расшитыми золотом и шелками, шириною пальца в два; у знатных и богатых вышивали также рукава и грудь, и поэтому оставляли рубаху открытою из-под платья. Такие вышитые рубахи назывались пошевными. Но преимущественно обращали внимание на воротник рубахи, который выпускался из-под верхних одежд пальца на два и окружал затылок вроде нынешних мундирных воротников. Этот воротник назывался ожерельем. Его делали особо от рубахи и пристегали к ней, когда было нужно, у богатых золотыми и серебряными золочеными, у бедняков -- медными пуговицами, иногда же вместо пуговиц употреблялись запонки с петлями. Такое ожерелье, кроме вышивки золотом и шелками в виде разных узоров, унизывалось жемчугом. Это-то ожерелье собственно в старину называлось рубашкою; но в XVII в. называли его сорочкою, а рубашкою или рубахою -- одежду, к которой оно пристегивалось.

Русские штаны, или порты, шились без разрезов, с узлом, так что посредством его можно было делать их шире и уже. У бедных они делались из холста, белого и крашеного, из сермяги -- грубой шерстяной ткани, у зажиточных из сукон; летом богатые надевали тафтяные штаны или из какой-нибудь другой легкой шелковой материи. У царей (вероятно, и у бояр) иногда были штаны из тяжелых шелковых тканей, напр. из обьяри. Вообще русские штаны были не длинны и достигали только до колен, дедались с карманами, называемыми зепью, и были разных цветов: напр., желтые, лазоревые и чаще всего красные*.

* А. И., I, 335.- Выход, цар., 219, 622,- А. Ю., 371,- Оп. Шуи, 453.- А, г. Шуи, 174.- Врем., I. Домостр., 51. Врем., VIII. См. Оп. им. Тат.-Herberst., 36.- Барб., 54.- Tuberv., 455,- Petr., 306.- Olear., 181.- Mejerb., 100.- Strauss., 197,- Crull., 135.- Carlisle, 332.

На рубаху и штаны надевались три одежды: одна на другую. Исподняя была домашняя, в которой сидели дома; если же нужно было идти в гости или принимать гостей, то надевалась на нее другая;

третья была накидная для выхода. Хотя существует много названий одежд, но все эти названия относятся к какому-нибудь из этих видов.

Исподняя одежда называлась зипун как у царей, так и у крестьян. Это было платье узкое, короткое, иногда достигавшее до колен, редко до икор, но часто не доходившее даже и до колен, вроде камзола. В кроильной книге царского двора длина зипуна означена в один аршин шесть вершков, когда платье, сделанное на то же лицо во весь рост, имело в длину два аршина три вершка. У людей простых и небогатых зипуны делались из крашенины, зимние из сермяги, у людей состоятельных -- из легкой шелковой материи, напр. тафты, часто белого цвета с пуговицами. Иногда рукава к нему приделывались из другой какой-нибудь материи; например, зипун был из белого атласа, а рукава к нему из серебряной обьяри; но часто зипуны были совсем без рукавов, вроде нынешних поддевок. Воротники делались узкие и малые, а иногда к зипунам, как и к рубаше, пристегали шитый и разукрашенный жемчугом и камнями отдельный воротник, называемый обнизью. Таких обнизей хранилось много, и их пристегали по мере надобности показаться наряднее или проще. Они были разной величины: большие и малые. Если обнизь употреблялась большая, то к рубаше вовсе не пристегалось ожерелье, а если малая, то из-под нее виднелось ожерелье рубахи. Кроме зипуна в XVI веке была подобная же комнатная одежда сарафанец, как кажется, начавший выходить из употребления в XVII столетии; их носили вместо зипуна с обнизьюми; они были длинны.

На зипун надевали вторую одежду, которая имела несколько названий; но их различие между собою в отношении покроя теперь определить трудно. Самый обыкновенный и повсеместный вид этого рода одежды был кафтан, достигавший до пят или же только до икр, чтоб оставлять напоказ раззолоченные сапоги.

Иногда сзади делали его на вершок или на полвершка короче, чем наперед, и по длине различали два рода кафтанов: кафтаны и кафтанцы. Рукава их были чрезвычайно длинны, достигали до земли и сбились в складки, или брыжи, так что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою, и таким образом концы рукавов заменяли перчатки. В зимнее время эти рукава служили вместо муфты от стужи, а рабочие люди посредством их могли удобно брать вещи, до которых нельзя касаться голыми руками, напр. горячую

посуду. В нарядных кафтанах часть рукава при конце называлась запястье, вышивалась золотом, украшалась жемчугами и пристегивалась к кафтану особо. Разрез на кафтане был только спереди и отсрочивался тесьмою; так же точно отсрочивался и подол. К этой тесьме прикрепляли металлическое кружево (золотое или серебряное), сделанное с разными фигурами. Вдоль по кафтану, параллельно с разрезом, по обеим сторонам делались нашивки из другой материи и другого цвета, в виде четвероугольников или кругов, и на эти нашивки пришивались завязки с кистями и шнуры, чтобы застегать кафтан; иногда же вместо завязок делали на одной стороне на нашивках висячие петли, на другой -- также к нашивкам, прикрепляли пуговицы. В XVI в. кафтаны застегались чаще завязками наподобие татарских; но русские отличали свои от татарских тем, что застегали не на левой, а на правой стороне. Впоследствии начали употреблять чаще пуговицы -- до двенадцати и до тринадцати на кафтане; они все были на груди; остальная часть разреза всегда оставалась незастегнутою. Воротники на кафтанах были узкие и малые; из-под них высывалась обнизь зипуна или ожерелье рубахи; но иногда к кафтану пристегалось отложное ожерелье, расшитое золотом и усыпанное жемчугами. Изнанка кафтана подбивалась всегда материями низшего достоинства, чем лицевая, и сверх того кафтаны, кроме тесьмы по подолу, под нею и выше нее, окаймлялись полосой материи другого цвета, чем кафтан; она называлась подпушкой. Зимние кафтаны делались и на мехах, но обыкновенно легких, напр. на собольих пупках или на белых черевах, такие теплые кафтаны назывались кожухами.

К этому разряду средней одежды относится чуга -- одежда, приспособленная к путешествию и верховой езде. Это был узкий кафтан, с рукавами только по локоть и короче обыкновенных кафтанов, как это видно из кройки ее, ибо когда кафтан был длиною в два аршина шесть вершков, с рукавами длиною в один аршин пять вершков, чуга для той же особы была длиною в один аршин с тремя четвертями и с рукавами в девять вершков. Чуга подпоясывалась поясом, за который закладывались нож и ложка, а на грудь привешивалась перевязь с дорожною сулеею. Те же принадлежности, какими украшались кафтаны, -- нашивки, кружева, подпушки, были, по желанию, и на чугах; чуги всегда застегались пуговицами.

Ферязями назывались одежды, надеваемые, так же как и кафтан, на зипуны; они были с длинными рукавами, широкие в плечах и уже кафтанов в подоле, почти всегда без кружева и отложного ожерелья, летом из какой-нибудь легкой материи, зимою теплые на мехах. Трудно себе представить, чем отличалась эта одежда от кафтана. У Флетчера при описании русской одежды она поставлена третьим верхним платьем -- первое зипун, второе, или среднее, узкий кафтан с ножом и ложкою за поясом (под которым англичанин разумел чугу), третье ферязь -- просторное платье, окаймленное позументом*. У Олеария, напротив, говорится, что русские надевали рубаху и штаны, потом зипун, на зипун ферязь, сделанную из какой-нибудь легкой материи, а на ферязь кафтан**, так что у него выходит четыре одежды (с верхнею, или накидною) и ферязью называлась одежда средняя между зипуном и кафтаном. Все, что можно вывести из сбивчивых известий об этом роде одежды, это -- то, что ферязь была более комнатный род кафтана. Название его персидское и вошло к нам в XVI веке. Оно было в употреблении как у царей, так и у простого народа. На ферязях делались нашивки, называемые образцами. Это были несколько вышитых золотом или шелками небольших мест, формы круглой или четырехугольной, отделенные друг от друга другой материей. Ферязи застегивались завязками.

* Fletch., 27.

** Olear., 181.

Кроме кафтана, чуги и ферязей, к разряду средней одежды относились ормяк, тегилай, терлик. Ормяки делались с прорехами, с кружевами, образцами, как ферязи, и с вышитыми воротниками. Их полы не сходились вместе, а закидывались одна на другую. Тегилай была одежда со множеством пуговиц, напр. с шестьюдесятью восемью или с пятьюдесятью шестью. Особенности покроя его неизвестны, как и терлика. Впрочем, под последним, кажется, разумели то же, что и под именем чуги, то есть короткое платье, удобное для верховой езды; но он носился также разом с кафтаном, как, например, в одном описании свадеб свадебные поезжане описываются одетыми в терликах и кафтанах разом.

Верхние, или накидные, одежды были опашень, охабень, однорядка, ферезея, епанча и шуба. Опашень была летняя одежда, ибо в царских выходах упоминается только летом; осенью и весною и вообще в ненастную и сырую погоду надевали однорядку. Как опашень, так и однорядка делались широкие, длиною до пят, с длинными рукавами, с кружевами по краям разреза, нашивками по бокам вдоль разреза, застегались пуговицами; иногда к воротнику пристегалось ожерелье. Опашни делались из сукна, у богачей нередко из шелковых материй; однорядка всегда из сукна. Охабень был плащ с рукавами и с капюшоном сзади. Ферезея -- плащ с рукавами -- надевалась во время дороги. Епанча была двух родов: одна дорожная из верблюжьей шерсти или грубого сукна, другая -- нарядная из богатой материи, подбитая мехом больше для пышности, чем для тепла. Последнего рода епанчу надевали, когда выезжали верхом и красовались перед народом; они делались без рукавов и без прорех для рук, накидывались на плечи и застегались на шее пуговицами или завязками. Шубы были самым нарядным платьем для русского, потому что русские, при бедности природы своего отечества, только и могли щеголять перед другими народами, что мехами. Множество мехов в доме составляло признак довольства и зажиточности. Случалось, что русские не только выходили в шубах на мороз, но сидели в них в комнатах, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство. У бедных были шубы овчинные, или тулупы, и заячьи, у людей средственного состояния -- беличьи и куньи, у богатых -- собольи и лисьи разных видов: лисиц черно-бурых, черных, серых, сиводушчатых. Делали также шубы из горностаев, вероятно только для щегольства. На шубы употреблялись разные части звериного меха, не смешивая одну с другою; шубы делались на пупках, черевах и хребтах и имели по этому свои названия: хребтовая шуба, черевая и проч. Шубы покрывались обыкновенно сукном, но часто и шелковыми тканями. На них помещали по бокам разреза нашивки, но другой материи, а не той, которою покрыта сама шуба, на эти нашивки пришивались петли и пуговицы, а самый разрез окаймлялся металлическим кружевом. Но щегольство не всегда требовало пышной покрывки и блестящих украшений для шубы; иногда русские щеголяли одними мехами и полагали, что достоинство меха выражается ярче, когда он лишен всяких посторонних прикрас; таким образом, иногда ходили просто в

нагольных шубах. Так, однажды царь Михаил Феодорович сидел за парадным столом в нагольной шубе. Вообще шубы различались в этом отношении на нарядные и санные. В первых только ходили в церковь, в гости да являлись дома перед гостями напоказ; в последних выезжали в дорогу*.

* А. И., III, 334.

Для всех вообще мужских одежд, описанных здесь, люди среднего состояния употребляли сукна, привозимые из-за границы, зурь (род камлота), а для праздничных платьев -- шелковые материи. У людей более зажиточных покрывались шелковыми тканями и будничные одежды. Шелковые материи в старину более употребительные были: дороги, киндяки, тафта (роды дешевые), камки, бархат, атлас, обьярь, алтабас и зарбев. Тогдашний вкус требовал самых ярких цветов как на сукнах, так и на материях. Черные и вообще темные цвета употреблялись только на печальных (траурных) или так называемых смиренных одеждах. По понятиям века, ярких цветов платья внушали уважение, и потому цари приказывали начальствующим лицам в торжественных случаях, когда надобно было действовать на народ, одеваться в цветное платье. Служилые люди во время какого-нибудь торжественного события, выходящего из повседневной среды, одевались в цветные одежды*.

* Доп., II, 267.

Всевозможные цвета самых ярких оттенков можно было встретить на русских одеждах, но преимущественно красные; из них особенно любили червчатый отлив (красно-фиолетовый). Этот цвет был в таком употреблении, что один иностранец заметил, что все городские жители (посадские) носят платье такого цвета. Даже духовные особы носили рясы красных цветов. За красными цветами в числе более употребительных были цвета лазоревый, зеленый и вишневый, за этими следовали рудо-желтый, шафранный, лимонный, песочный, кирпичный, сизовый, сливный, маковый, таусинный, дымчатый, ценинный и проч. Шелковые материи, исключая невысоких сортов, как, напр. дорог, киндяка и тафты, ткались вместе с золотом и

серебром, одни с золотыми и с серебряными узорами по цветному фону ткани, другие были затканы золотом и серебром, так что по золотому полю выводились серебряные, а по серебряному золотые узоры и фигуры, как, например: чешуи, большие и малые круги, струи (преимущественно в объях), реки, травы, листья, птицы, змейки, изображения людей, и стоящих, и лежащих, и с крыльями и проч., и проч.; иногда серебро и золото переплеталось с шелками: напр., по серебряной земле (фон) золотые узоры пополам с шелками трех цветов, или, напр., круги из золота, переплетенного с зеленым и червчатым шелками, а между кругами листья; иногда золотые и серебряные узоры по ткани чередовались между собою, а иногда по серебряной или по золотой земле вышивались узоры шелками и выбивался бархат; иногда золотые и серебряные полосы на ткани чередовались с шелковыми: напр., атлас золотой, а по нем полосы червчатого, лазоревого и вишневого цветов. Из тогдашних шелковых материй самые ценные были бархат, атлас, алтабас и зарбев; последние два вида привозились с Востока и употреблялись на самые драгоценные одежды царей и знатных бояр. Золотное платье считалось атрибутом достоинства у бояр и думных людей, окружавших царскую особу, и когда принимали послов, то всем, не имеющим такого рода платьев, раздавали их на время из царской казны. Особенная драгоценность русских мужских нарядов заключалась преимущественно в нашивках, ожерельях, запястьях, кружевах и пуговицах. Нашивки, как сказано, делались всегда из материи, отличной от той, которая была на лицевой стороне всей одежды, например: при зеленом сукне нашивки красные; при красном или червчатом нашивки зеленые или голубые. Под цвет нашивок делались завязки и кисти, называемые ворворки. Нашивки, ожерелья и запястья у богатых унизывались жемчугом и драгоценными камнями, на ожерельях, кроме жемчуга и камней, всегда ставились золотые пуговицы, у бедных для них служили куски материи, а пуговицы на ожерельях были из шелка или из пряжи. Кружева были разнообразны и носили по своим формам разные названия: напр., кольчатое, коленатое, решетчатое, плетеное, петельчатое, цепковое; кружево окаймлялось бахромою. Пуговицы у богатых делались иногда из жемчужин, и щеголи отличались тем, что каждая пуговица состояла из одной большой жемчужины; золотые и серебряные пуговицы носили

разные названия по роду работы, как, напр. канфаренные, сканные, грановитые, или по своей форме, как, напр. грушевидные, остроконечные, прорезные, сенчастые, клинчатые, половинчатые, желобчатые. Случалось, пришивали, вместо металлических пуговиц плетеные из канители и трунцала и хрустальные. Бедняки носили оловянные пуговицы таких же форм, как и богачи. Величина их была очень различна, напр., иногда они доходили до размера яйца. Число их было чаще всего одиннадцать и двенадцать на одежде, иногда четырнадцать и пятнадцать; они пристегивались на нашивках. Только в тегиле, как выше сказано, число их было значительно больше, но они были малы.

Обыкновенно русские ходили без перчаток, и длинные рукава одежд заменяли их необходимость. Только цари и знатные особы надевали *персчатые рукавицы*, и то преимущественно зимою от холода, а потому они у них были меховые или отсрочивались бобром*. Зато и простые, и средней руки лица зимою надевали рукавицы; у небогатых они были кожаные, у более зажиточных суконные, цвета червчатого, зеленого и проч., подложенные мехом**. По величине одни назывались рукавицы, а другие -- поменьше -- рукавки.

* Паэрле, 37. Кильбург, 76.

** Оп. Шуи, 253.

Все носили пояса, и считалось неприличным ходить без пояса. Кроме опоясок на рубахе, носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, как нашивками и пуговицами. У небогатых людей пояса были дорогильные и тафтяные; но у богачей они делались из богатых материй и украшались разными драгоценностями. В старину наши князья оставляли пояса своим детям, как лучшую драгоценность*. Они делались полосатые, напр. белые, с червчатыми и лазоревыми полосами поочередно, или, напр. полосы червчатые, лазоревые и вишневые с золотом, и в каждой полосе своеобразные узоры: в одной змейки, в другой копытцы, в третьей шильцы**.

* С.г.гр., 1, 61.

** Врем., VII. См. Оп. им. ц. Ив. Вас.

Пояса украшались золотыми и серебряными бляхами, которые назывались *плащами*, фигуры круглой, продолговатой, четверугольной и многоугольной, с выемками по углам; между плащами накладывались другие металлические украшения, называемые *переченки*. На самых плащах чеканились разные фигуры, как-то: звери, птицы, всадники, травы. Иногда на поясах, вместо металлических плащей, нашивались косые образцы из материй другого рода, чем сам пояс. К поясам приделывались крючья, которыми они застегивались. О величине поясов можно судить по тому, что у одного боярина в XVII веке был пояс длиною в пять аршин пять вершков и в шесть вершков шириною.

Русская шапка была четырех родов. Зажиточные люди, следуя восточным обычаям, укоренившимся в России, носили маленькие шапочки, называемые *тафьями*, прикрывавшие только макушку, расшитые шелками, а у богатых золотом и унизанные жемчугом. Их носили и в комнате, а царь Иван Грозный ходил в ней в церковь и за это поссорился с митрополитом Филиппом. Другой вид шапки -- *остроконечный*, назывался *колпаком*. Богатые носили его из атласа, обыкновенно белого; по его окраине пристегивался *околышек*, называемый *ожерельем*, унизанный жемчугом и золотыми пуговками, иногда с драгоценными камнями. Сверх того на передней стороне колпака прикалывали золотую запону. Зимой такой колпак подбивался мехом, который заворачивался наружу широкою полосой. Эти колпаки делались с продольными разрезами наперед и сзади до половины; разрезы эти окаймлялись жемчужными нитями и застегались пуговками. Этой формы шапки носили и бедные мужики, из сукна или из войлока, зимою подбитые овчиною или каким-нибудь недорогим мехом. Третий род шапок был -- *четвероугольная низкая шапка* с меховым околышком из черной лисицы, соболя или бобра; летом этот околышек пристегивался для красоты, а зимою вся шапка была подбита мехом или хлопчатой бумагой. На ней делались также *прорехи*, как и на колпаке, с пуговками, по шести на каждой прорехе. Вершок ее был чаще всего суконный, вишневого, червчатого, зеленого и часто также черного цвета: избегая черного цвета на платьях, русские считали его приличным на шапках. Этого рода шапки носили дворяне, дьяки и бояре, когда не были в параде. Четвертый род шапок были так называемые *горлатные шапки* -- исключительная

принадлежность князей и бояр. Одинаковость одежды у всех сословий здесь имела границы. По шапке можно было узнавать происхождение и достоинство*. Высокие шапки означали знатность породы и сана. Как бы великолепно ни оделся посадский, он не смел надеть высокой шапки, и даже в самых колпаках -- обыкновенной народной шапке, вышина соразмерялась с знатностью носившего шапку.

* Вероятно, отсюда возникла пословица: по Сеньке шапка.

Горлатная шапка делалась из драгоценных мехов с суконным верхом, а иногда с меховым. По своей фигуре она составляла обратную противоположность колпаку, ибо кверху была шире, книзу уже. Спереди делалась прореха, окаймленная вдоль образцами или плащами с насечками. На одной стороне прорехи делались петли, густо обложенные жемчугом, изображавшие какую-нибудь фигуру, например в виде змейки, львиной головки и проч., на другой стороне прикреплялись золотые пуговицы, иногда с драгоценными камнями в середине. Во время парада боярин надевал тафью, на тафью колпак, а на колпак горлатную шапку. Также и в царских выходах царям подавались шапки с колпаком. Знатные люди считали приличием и достоинством своего сана кутать как можно больше голову, и часто в комнате за нарядными столами сидели в своих тяжелых шапках. Когда они возвращались домой, то, сняв шапку, напяливали ее на болванец, расписанный нарядно иконописцами и составлявший украшение в доме. Обычай так закутывать голову поддерживался тем, что русские, по восточному обычаю, очень плотно стриглись, а иногда даже и брили себе головы. Только те, которые теряли родных или попадали в царскую немилость, отращивали на голове волосы в знак печали; без этого все старались стричься как можно плотнее и перед каждым большим праздником все считали долгом непременно остричься. Зато все носили бороды, и чем борода была длиннее, тем осанка человека считалась почтеннее и величественнее. Богатый человек холил ее, берег и расчесывал гребешком из слоновой или моржовой кости. При Василии Ивановиче начало было входить в обычай бритье бород, и сам великий князь последовал этому обычаю; но духовенство вопияло против него, и Стоглав предал неблагословению церкви дерзавших отступать от дедовского обычая. Под влиянием церкви борода долго

сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человека, и если у кого от природы не росла борода, к тому имели недоверие и считали его способным на дурное дело*.

* Fletch., 271. -- Olear., 179, 184.- Jenkins, 157.- Carlisle, 329.-А. Н., III, 334. -- Врем., VII. Матер, для ист. икон., 73. -- Chensl., 284. -- Врем., XIII. Расх. кн. Никона.- Доп., 1, 189. III, 145.

В довершение блеска своих одежд русские украшали уши серьгами или одной серьгой и вешали на шее драгоценные золотые или позолоченные цепи, а к самым цепям прикрепляли кресты, и такие цепи передавались вместе с крестами от родителей к сыновьям как залог благословения. Также цари жаловали ими своих приближенных. Иногда они были так массивны, что весили до двух фунтов. На пальцы надевали русские множество перстней с алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, с вырезанными на них печатями; можно было встретить перстни в золотых ободочках и с железною печатью. В старину не было наследственных и гербовых печатей; всякий делал себе произвольно по вкусу на перстнях печати. Кроме перстня с печатью на руках у русского было еще их несколько с камнями, так что иногда трудно было разогнуть пальцы. Обилие камней в старинном русском туалете не должно изумлять читателей, потому что по большей части эти камни были низкого достоинства, так называемое, по тогдашнему образу выражения, плохое камень, да и люди с состоянием часто платили хорошие деньги за дурные камни, потому что не умели распознавать их достоинства*.

* Времен., VII, 28, 37.- С.г.гр., 1, 271, 406,- Котоших., 22,- Petr., 290.-А.И., II, 406.

Для утирания носа русские носили платки, которые у зажиточных делались из тафты и отсрочивались золотою бахромою, но их хранили не в карманах, а в шапках и когда сидели в гостях, то держали в руках шапку, а в ней платок. Впрочем, не считалось неприличным высморкаться и двумя пальцами, даже за столом и потом обтереть руки о скатерть. Простонародье не знало носовых платков вовсе и не предполагало, чтоб они могли быть необходимы.

В довершение русского наряда, люди знатные привешивали шпаги. Это право предоставлялось только служилым и тем, которые по своему происхождению его заслуживали, именно: боярам, окольниковым, стольникам, иноземцам, начальным людям, дворянам и детям боярским; простолюдинам, посадским и крестьянам запрещалось ходить с оружием*, зато и знатные и незнатные не иначе выходили из домов, как с тростью или палкою, которая обделывалась точеным набалдашником с вычеканенным наконечником. Набалдашник раскрашивался или окладывался перламутром**. Посох служил вместе эмблемою степенности и важности; от этого цари не иначе даже выходили из своих покоев, как с посохом.

* С. г. гр., IV, 466-467.

** Кильбург., 32.

Женские одежды, по свидетельству очевидцев, были похожи на мужские, тем более что последние вообще делались длинные. Но, однако, в одеждах двух полов были и особенности, так что можно было с первого взгляда отличить женщину издали. Не говоря уже о головных уборах, к самым одеждам, носившим те же названия, как у мужчин, прибавлялось слово "женский": напр., женская шуба, женский опашень.

Женская рубаша была длинная, с длинными рукавами, цвета белого или красного: красные рубахи, как и у мужчин, считались нарядным бельем. К рукавам рубахи пристегивались запястья, вышитые золотом и украшенные жемчугами. Сверх рубашки надевался летник; одежда эта не была длинна и по крайней мере не доходила до пят, как это видно из кроильной книги, где на царицу Евдокию Лукьяновну полагается для длины летника аршин с тремя четвертями, тогда как длина другой одежды на ту же особу простирается до двух аршин с полувершком. Рукава его были так длинны, как целый летник, и чрезвычайно широки, например до тринадцати вершков и даже до тридцати. Эти рукава назывались накапками: они вышивались золотом и унизывались жемчугом. Подол обшивался иною материею с золотою тесьмою, со шнурком и бахромою. Вдоль одежды на передней стороне делался разрез, который застегивался до самого горла, потому что приличие требовало, чтобы

грудь женщины была застегнута как можно плотнее. Зимой летники подбивались мехом и назывались кортелями.

Принадлежность летника составляли вошвы, то есть вшитые места; но трудно решить, где именно они вшивались; некоторые полагали, что они пристегивались к рукавам, но так как они были очень широки, напр. семнадцать вершков, то едва ли была возможность пришить их к рукавам или накапкам, которые были и без того широки. Если только они не одно и то же, что накапки, то, быть может, они накладывались на полы летника по обеим сторонам разреза, как нашивки на мужских кафтанах. Эти вошвы были всегда расцвечены и испещрены разными фигурами в виде листьев, трав, зверей и т.п.

Материи, из которых делались летники, у зажиточных были по большей части легкие, так как для мужского зипуна, напр. тафта, но иногда эти одежды делались также из тяжелых золототканых и сребротканых материй. На подкладку употребляли менее ценные материи, напр. киндяки или дороги. Цвета их были различны. Упоминаются летники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Чтоб иметь понятие о наружном виде этой одежды, приведем несколько примеров летников из богатой материи. Вот летник червчатого атласа, сотканного пополам с золотом; вошвы черного бархата с вышитыми узорами. Вот другой летник: он сделан из червчатой камки с серебряными и золотыми узорами, поочередно представляющими листья; вошвы к нему из червчатого бархата, расшитого канителью и трунцалом; подол из лазоревых атласа. Вот третий летник: он из материи сребротканой пополам с золотом, вошвы к нему черного бархата, с расшитыми по нем узорами. Вошвы чаще всего были другого цвета, чем самый летник, например: летник желтой камки, а вошвы к нему золотного бархата; летник полосатый, а вошвы черного бархата; летник червчатый, вошвы из синего аксамита. Небогатые женщины носили летник из зуфи, дорогов, киндяка, а вошвы расшивали шелками и цветною пряжею.

К летникам, как к мужским зипунам, пристегивалось шейное ожерелье. У женщин оно теснее прилегало к шее, чем у мужчин, и потому иностранцы находили его похожим на собачий ошейник. Оно состояло из тесьмы, очень часто черного цвета, вышитой золотом и

унизированной жемчугом; к воротнику летника оно пристегивалось пуговкам, обыкновенно числом до пяти*.

* С. г. гр., I, 302-303, 340.- Оп. Шуи, 403.- Времен., V. См., 22 -- 25. -- А. Юр., 47, 444.- А., отн. до юр. быта, 563.-Olear., 212.- Паэрле, 54.- А. г. Шуи, 186. -- Das Gr. Reich, von Mosc, 208 -- Доп. к Акт. Ист., I, 76

Верхняя женская одежда была опашень; это была одежда длинная с частыми пуговицами от верху до низу; у богатых они были золотые или серебряные вызолоченные, у бедных оловянные. Эта одежда делалась из сукна, обыкновенно красных цветов; рукава были длинны до пят, но пониже плеча делались прорезы или проймы, сквозь которые свободно входила рука, а остальная часть рукава висела. Таким образом женщина могла показывать не только широкие накапки своего летника, но и запястья своей рубахи, шитые золотом. Кругом шеи пристегивался широкий меховой, обыкновенно бобровый воротник, называемый ожерельем, круглого вида, покрывавший грудь, плечи и спину. По прорезу и по подолу опашни окаймлялись кусками другой материи, расшитыми шелками и золотом*.

* А., отн. до юр. б., 563.- А. И., I, 211. III, 63.- Olear., 183.- Carlisle, 333.- Crull., 138,- DasGr. Reich, von Mosc, 205.

Другой вид верхней женской одежды была телогрея. В подробности отличие покроя ее от опашня неизвестно; в плечах делалась она уже, к подолу шире; рукава были длинные, с проймами, как в опашне, на краях этих рукавов пристегивалось запястье из другой материи, обыкновенно вышитое; подол вкладывался (подпушался) широкою полосой другой материи, а разрез, который застегивался пуговицами, обыкновенно пятнадцатью, окаймлялся металлическим кружевом или же тесьмою, густо расшитою золотом. Телогреи были холодные и теплые, напр. на куницах или соболях*.

* Доп., I, 76.-А. И., 11, 405.- Достоп. Кремл., 61.- Опис. Шуи, 403.

Женские шубы отличались от мужских, ибо упоминается название женская шуба. Шуба, по-видимому, у женщин означала не всегда одно только меховое платье, потому что встречается название холодная шуба*. Если летник в женском одеянии соответствовал зипуну в мужском, то опашень и телогрея соответствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду. Кроме шубы, встречаются названия женских охабней, однорядок, ферязей, которые женщины носили с поясом; в других случаях эти верхние одежды вообще назывались шубы. Меховые женские шубы делались на соболе, куницах, лисицах, горностах, белках, зайцах, смотря по состоянию, покрывались сукнами и шелковыми материями, как-то: обьярью, камкою, атласом, тафтою -- цветов червчатого, желтого, зеленого и белого; последний цвет на женских шубах был в употреблении в XVI веке, но в XVII шубы покрывались часто цветными тканями с золотыми узорами. От верху до низу наперед был разрез; он застегивался пуговицами и окаймлялся кружевом металлическим, кованым или плетеным, либо шелковым, расшитым золотом и усаженным дробницами. Вдоль разреза по обеим сторонам делались нашивки с золотыми вышивками и с кистями, а по шее пристегивалось к шубе ожерелье из другого меха, напр. шуба беличья или лисья, а ожерелье к ней бобровое. Рукава женских шуб украшались по краям кружевом, они особливо снимались и хранились, переходя от матерей к дочерям, как фамильная драгоценность**.

* А. г. Шуи, 187.

** С. г. гр., I, 303, 340, 407.- Olear., 220,- А. И., II, 18, 21,- Доп., I, 76.-Кильбург., 76.-А. г. Шуи, 133, 174, 187.

В торжественных случаях женщины надевали на обыкновенные свои платья богатую мантию, называемую по-русски подволокою или приволокою. Она делалась из шелковой материи, цвета червчатого, белого, но чаще всего из золотной или сребротканой, с вошвами (вероятно, вшитыми местами). Края этой мантии были с особенною нарядностью разукрашены золотым шитьем, жемчугом и драгоценными камнями; они пристегались к подволоке и снимались, когда нужно было, и назывались подвoločным запусьем*.

* С. г. гр., I, 302, 340.- Das Gr. Reich, von Mosc, 205.

На голову замужние женщины надевали волосники, или подубрусники: то были шапочки наподобие скуфьи из шелковой материи, нередко из золотной, делались с узлом, посредством которого можно было их суживать и расширять, и с ОШИБКОЮ или оторочкою по краю; эти ОШИБКИ унизывались жемчугом и камнями и перешивались с одного волосника на другой и таким образом переходили из рода в род. Волосник играл большую роль в судьбе замужней женщины, ибо он был символом брачного состояния и составлял необходимую и главную принадлежность приданого. По понятиям века, для замужней женщины считалось и стыдом и грехом оставлять напоказ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для нее большим бесчестьем. Скромная женщина боялась, чтобы даже члены семейства, исключая мужа, не увидели ее волос; а в Новгородской земле вошло даже в обычай замужним женщинам брить себе волосы, но этот обычай не одобрялся церковью. Правило скромности переходило в щегольство, и некоторые женщины, укрывая волосы под волосником, стягивали их так туго, что едва могли моргать глазами: это казалось им красиво. Поверх волосника накладывался платок, обыкновенно белый, и подвязывался под подбородок; его висячие концы густо усаживались жемчугом. Этот платок назывался убрусом. Это был обыкновенный домашний головной убор. Когда женщины выходили в церковь или в гости, то надевали кикю: то была шапка с возвышенною плоскостью на лбу, называемою кичным челом; чело было разукрашено золотом, жемчугом и драгоценными камнями, а иногда все состояло из серебряного листа, подбитого материею. По бокам делались возвышения, называемые переперы, также разукрашенные; из-под них, ниже ушей, спадали жемчужные шнуры, числом около четырех или до шести на каждой стороне, и достигали плеч. Задняя часть кики делалась из плотной материи, или соболиного, или бобрового меха и называлась подзатыльник. По окраине всей кики пристегалась жемчужная бахрома, называемая поднизью. Третий род головного убора был кокошник, у богатых также обложенный жемчугом.

Когда женщина выезжала, то на убрус надевала шляпу белого цвета с полями, у богатых покрытыми золотными материями,

жемчужинами и камнями; с этой шляпы спадали на спину длинные снурки; когда шляпа была белого цвета, снурки обыкновенно были красные. Также надевали шапки, очень часто черного цвета, из бархата или другой материи, отороченные дорогим мехом, иногда с золотою запоною наперед и с поднизью или кружевом по окраине. Девицы носили на голове венцы: они имели форму городов и теремов; например, изображение дома в несколько ярусов, отделявшихся один от другого жемчужными поясками. У венцов были поднизь, называемые ряссы. У других венцы были проще фигурою и состояли только из золотой проволоки в несколько рядов, которые иногда украшались кораллами и камнями. Девичий венец был всегда без верха, потому что открытые волосы считались символом девичества. Очень часто эти венцы состояли из широкой повязки, вышитой золотом и усаженной жемчугами. Такая повязка суживалась на затылке и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину. Зимой девицы покрывали голову широкою шапкою, собольею или бобровою, с верхом из шелковой материи; она называлась столбунцем; из-под шапки выпадали на спину одна или две косы, в которые вплетались красные ленты. Иные вовсе не заплетали себе кос, а носили волосы распущенными по плечам. Девушки простого состояния носили повязки, которые спереди были шире, сзади суживались и наконец спускались на спину длинными концами. В знак печали женщины и девицы остригали себе волосы, как мужчины их растили по этому поводу. У детей женского пола волосы всегда были острижены, точно как и у мальчиков, и девочку можно было узнать только по небольшим пучкам волос на висках*.

* De Bruyns, 48.-С. г. гр., I, 303, 406.- А. И., II, 406.- А.Ю., 419.- А., отн. до юр. б., 563,- Достоп. Крем., 72.- Olear., 135,179,211,- Retch., 273, 275.- Crull., 138.- Das Gr. Reich, von Mosc, 205.- Опис. Шуи, 403.

Как женщины, так и девицы носили серьги. Как только девочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала серьги или кольца; обычай этот равно сохранялся и у знатных, и у простых. Самая обычная форма серег была продолговатая; иные назывались двоичны, то есть двойные, другие -- одинцы. Вообще серьги русские были очень длинные. Бедные женщины носили медные, более зажиточные --

серебряные, богатые женщины -- золотые с драгоценными камнями, преимущественно яхонтами и изумрудами, или золотые со множеством мелких камушков, называемых искрами. У некоторых были серьги из цельных драгоценных камней, обделанных в формах: грушевидной, круглой, овальной и тому подобное, иногда просверленных насквозь, с двумя вставленными в дырочки жемчужинами*.

* А. Ю., 47, 419.- А. И., II, 405.- А. г. Шуи, 185.- Барбер., 85.

На руках женщины носили обручи, или зарукавья, то есть браслеты, также с жемчугами и камнями, а на пальцах перстни и кольца, которых нередко было так же много, как и у мужчин. Женские перстни отличались от мужских между прочим тем, что на них не вырезывалось печатей и они вообще не были так массивны, как мужские; перстни эти были большею частью золотые с искрами, то есть мелкими камешками, или с сердоликами; у небогатых -- серебряные позолоченные, с мелкими жемчужинами. Шея женщины и девицы была увешана множеством крестов, образков и несколькими рядами монист жемчужных и золотых, иногда составленных в виде цепочки, на которых висели рядами коротенькие цепочки, каждая с крестиком. Кроме монист, знатные женщины носили золотые и серебряные позолоченные цепи, на которых висели большие кресты, отделанные финифтью. Вообще на шеях и на груди знатных госпож в Московии, как и повсюду, укладывались большие капиталы. За всякой невестой зажиточного состояния везли на новоселье огромные сундуки с нарядами и сверх того большое количество сыпного жемчуга, необходимого для поправки платьев, иногда более пуда. На платьях, которые надевались в торжественных случаях, накладывалось невероятное множество украшений. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надели после взятия во дворец и наречения царскою невестой, было так тяжело от вышиваний и жемчугу, что у невесты, когда она поносила его немного, заболели ноги*.

* А. г. Шуи, 133, 185.-А. Юр., 418, 423.- А. И., II, 405,- Барбер., 50.- С. г. гр., I, 34.- Fletch., 274.- Petr., 317,- Das Gr. Reich, von Mosc, 215.-Врем., У См., 22.

Не довольствуясь обильными украшениями, пестрившими до крайности одежду, русская женщина белилась и румянилась и приводила в смех иностранцев своим неискусством в этом деле; недурные собою от природы, русские женщины совершенно искажали свою красоту, налепливая на щеки краски до того, что, по замечанию Олеария, казалось, будто бы кто-нибудь размалевал их кистью. Этого мало: они размалевывали себе шею и руки белою, красною, голубою и коричневою красками, окрашивали ресницы и брови, и притом самым уродливым образом -- чернили светлые, белили черные. Женщины, которые были хороши собою и сознавали, как не идет собственно для них такой обычай, принуждены были покоряться ему, чтоб не подвергаться насмешкам. При Михаиле Федоровиче одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собою, не хотела румяниться, но тогдашнее общество издевалось над нею: так силен был этот обычай; а между тем церковь его не оправдывала, и в 1661 году новгородский митрополит запрещал пускать в церковь набеленых женщин*.

* Olear., 180,- Crall., 139,- Petr., 307.-А. И., IV, 297.

В руках у женщины был платок, называемый ширинкою; у богатых эти ширинки были шелковые с золотыми каймами и кистями. Зонтики были в употреблении у знатных госпож; их носили над ними рабыни*.

* А.г. Шуи, 174,- Mejerb.

Бедные поселянки ходили в длинных рубахах; на рубахи надевали летники, иногда белого цвета, похожие также на рубаху, иногда крашенные, а голову повязывали платком из крашенины или шерстяной материи, подвязывая его под подбородок. Сверху всего, вместо накидного платья, поселянки надевали одежду из грубого сукна или сереяги, называемую серник. При большей зажиточности поселянки носили на головах платки шелковые, а сверху летника однорядку из красной или синей крашенины, зенденя или зуфи; зимою носили овчинные тулупы. Девушки делали себе кокошники из древесной коры в

виде короны. Впрочем, при малейшей возможности муж не скупился принарядить свою жену. В те времена у посадских и у крестьян встречались такие богатые наряды, каких теперь трудно отыскать в этих классах. Их дорогие одежды были скроены просто и переходили из рода в род. О том, чтобы платье сидело хорошо, не имели понятия. По большей части одежды кроились и шились дома: отдавать на сторону не считалось даже признаком хорошего хозяйства. Русские не заботились ни об изяществе формы, ни о вкусе, ни о согласии цветов, лишь бы блестело и пестрело. В их одеждах не было талии: они были мешки, приходившиеся на каждую, лишь бы не очень высокого и не очень низкого роста и вполне соответствовали пословице: не ладно скроено, да крепко сшито. По русским понятиям, красота женщины состояла в толстоте и дородности; женщина стройного станa не считалась красавицею, напротив, ей предпочитали тучную, мясистую. Притом русские считали особенною красотою, чтоб у женщины были продолговатые уши, и некоторые записные щеголихи вытягивали их себе насильно. Этот обычай как нельзя более согласовался с раскрашиваньем и с покроем платьев, чтобы для иностранцев и для нас в настоящее время, усвоивших западные понятия, представить в русской женщине верх безвкусия и уродливости.

Как мужские, так и женские дорогие одежды почти всегда лежали в клетях, в сундуках под кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительным средством от моли и затхлости. Только в большие праздники и в торжественные случаи, как, напр., свадьбы, их доставали и надевали; в обыкновенные воскресные дни русские ходили в менее богатом наряде, а в будни не только простой народ, но и люди обоего пола среднего сословия и дворяне не щеголяли одеждою. Часто дворяне и их жены ходили в платьях из грубого холста или сукна, притом грязных, поношенных и часто с заплатками; зато, когда надобно было показать себя, русский скидал свои отрепья, вытаскивал из клетей отцовские и дедовские одежды и навешивал на себя, на жен и на детей все, что собрано было по частям им самим, отцами, дедами и бабками. Иметь хорошее платье почиталось необходимым для сколько-нибудь зажиточного хозяина. Богатая одежда служила признаком благосостояния и достоинства, и нередко случалось, что бедняк, когда приходилась ему нужда прикинуться небедняком, брал у соседа напрокат платье и платил за это. С этим

взглядом во время приезда в Москву чужеземных послов правительство раздавало дьякам, придворным и гостям вышитые золотом кафтаны, чтобы приезжим чужеземцам показать толпу одетых в золото, чтоб чужеземцы заключили о России, что эта страна сильная, богатая и народ в довольстве живет под царским скипетром*.

* Врем., I. Домостр., 54.- Petr., 2, 86 -- Carlisle, 322.- Mejerb., 100.

Чтобы дать понятие о гардеробе мужчины среднего состояния, мы приведем здесь одежду подьячего Красулина, сосланного в Колу. У него было три однорядки -- одна темно-зеленая, две вишневые; три кафтаны: один праздничный камчатный, другой дорогильный, третий суконный; два были червчатого цвета, а третий зеленый; штаны красные суконные; красные ферязи; четыре шубы, из которых одна покрыта камкою с серебряным кружевом и серебряными пуговицами, а три покрыты дорогами желтого и красного цветов; два ожерелья стоячих, одно оксамитное, другое шитое золотом пополам с серебром по черному бархату, третье простое черное бархатное; два тулупа и несколько лоскутов сукна и небогатых материй*.

* Врем., VI. Смесь, 33-34.

ГЛАВА X

Пища и питье

Русская кухня вполне была национальная, то есть основывалась на обычае, а не на искусстве. Лучшая повариха была та, которая присмотрелась, как готовится у людей. Изменения в кушаньях вводились незаметно. Кушанья были просты и разнообразны, хотя столы русские и отличались огромным количеством блюд; большая часть этих блюд были похожи одно на другое, с небольшими различиями. Богатые господа составляли себе роспись кушаньев на целый год; счет шел по церковным праздникам, по мясоедам и постам; для каждого дня, сообразно со значением его в церковном круге, назначался заранее стол; впрочем, это не стесняло возможности выбора кушаньев и по охоте, потому что в росписи писалось множество кушаньев, из которых можно было выбирать.

Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый как бедными поселянами, так и царями и боярами, разделял русский стол на два отдела: скромный и постный, а по припасам, из которых готовились кушанья, они могут быть разделены на пять отделов: мучнистые, молочные, мясные, рыбные и растительные.

Русские ели хлеб преимущественно ржаной; он был принадлежностью не только убогих людей, но и богатого стола. Русские даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Название хлеб значило собственно ржаной. Иногда, впрочем, к ржаной муке примешивали ячную, но это не могло быть постоянным правилом, потому что ячменя было мало. Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а в домашнем быту на калачи, которые вообще для простого народа были лакомством в праздничные дни -- от этого и пословица: калачом не заманишь. Лучший сорт калачей пекся из крупчатой муки в виде колец не в

большом размере; другой сорт делался из толченой муки, круглыми булками: эти калачи назывались братскими; был третий род, называемый смесными калачами: их пекли из пшеничной муки пополам с ржаною. Это делалось не только от недостатка, но находили в такой смеси особый вкус: к царскому столу подавались такие калачи. Вообще хлеба, как ржаные, так и пшеничные, готовились без соли, и не всегда заботились, чтоб мука была свежа. Домострой, образец хозяина в XVI веке, советует печь хлеба преимущественно из муки, которая уже подвергается затхлости, и научает давать такую же муку взаймы тому, кто попросит*.

* А. И., II, 283, 428- Коших., 63,- Steph. Borr. Had., 308.- Мейерб. примеч., 476, -- Колл., 17. Врем., I. Домост., 102.

В XVI и XVII веках в большом употреблении в народе было толокно, приготовленное из овсяной муки с водою; в сухом виде оно отпускалось служилым людям для продовольствия наряду с ржаною мукою*.

* А. И., I, 327.

Из кушаньев, приготовляемых из теста, занимают первое место пироги. По способу печения они были пряженые и подовые. Подовые были всегда из квасного теста, пряженые иногда из квасного, иногда из пресного. Мука для них употреблялась пшеничная крупчатая или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились; пеклись также и ржаные пироги. Все вообще русские пироги в старину имели продолговатую форму и различную величину; большие назывались пирогами, малые пирожками. В скоромные дни они начинивались бараньим, говяжьим и заячьим мясом, несколькими мясами разом, напр. бараниной и говяжьим салом, также мясом и рыбою вместе, с прибавкою каши или лапши. На Масленице пекли пряженые пироги с творогом и с яйцами на молоке, на коровьем масле, с рыбой вместе с искрошенными яйцами, или с тельным, как называлось рыбное блюдо, приготовляемое в роде котлет. В постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможнейшими родами рыб, особенно с сига́ми, снятками, лодогой, с одними рыбными молоками или с визигой, на масле

конопляном, маковом или ореховом; крошенная рыба перемешивалась с кашей или с сарацинским пшеном. В постные нерыбные дни пеклись они с рыжиками, с маком, горохом, соком, репою, грибами, капустою, на каком-нибудь растительном масле, или сладкие с изюмом и другими разными ягодами. Сладкие пироги пеклись и не в пост вместо пирожных. Вообще пироги, за исключением сладких, подавались к горячему: меж ух.

Другой вид печенья из теста был коровой -- сдобный хлеб, с различными способами приготовления. Был коровой битый, который взбивался с маслом в сосуде, ставленный -- вроде кулича на молоке, яйцкий на большом количестве яиц, коровой с сыром, коровой братский и проч. Яйца, масло, или говяжье сало, сыр и молоко служили добавкою в коровае, а различные виды его зависели от того, сколько класть муки и с чем ее клали и в каком количестве.

К печеньям из теста принадлежали: курник, то есть пастет начиненный курицею, яйцами, бараниною с маслом или говяжьим салом; оладьи, котлома, сырники, блины, хворосты, кисели. Оладьи делались из крупчатой муки, яиц, коровьего масла, а в постные дни без яиц с ореховым маслом и подавались вообще с патокой, сахаром или медом. Оладьи огромного размера назывались приказными оладьями, потому что их приносили приказным людям на поминки. Подобное кушанье составляла котлома, отличавшаяся от оладий тем, что количество яиц в ней было меньше; она подавалась с патокой. Сырники готовились из творога, яиц, молока с небольшим количеством крупчатой муки. Блины делались красные и молочные: первые из гречневой, вторые из пшеничной муки; молоко и яйца входили в последний сорт. Блины не составляли принадлежности Масленицы, как теперь, -- символом Масленицы были пироги с сыром и хворосты, -- вытянутое тесто с маслом. Пекли также тестяные шишки, левашники, перепечи, орешки: все эти виды подавались в масле; такие же кушанья готовились в пост с растительным маслом. Кисели делались из овсяной и пшеничной муки и подавались в скоромные дни с молоком, в постные -- с постным маслом. Каша приготавливалась из круп овсяных или гречневых, пшенная каша была редко. Из молочных кушаньев в употреблении были вареная лапша с подливом в нее свежего топленого молока, варенцы, молочная каша разных видов, губчатый сыр из творога со сметаною, кислый сыр*.

* А. И., I, 327, 328. И, 428. IV, 150.- Врем., VI, Книги о ествах.

Мясные кушанья были вареные или жареные. Вареные подавались в штях, ухе, рассоле и под зварами; шти забеливались сметаной во время варения, а не при столе. Обыкновенный приварок к штям была кочанная и крошенная, свежая и кислая капуста. К штям подавалась гречневая каша. Ухой назывался суп или похлебка. Огромное количество разных пряностей составляли принадлежность русской ухи в разных видах: уха с гвоздикой называлась черною ухой, с перцем -- белою, а без пряностей голою. Рассол был род нынешней солянки: варилось мясо в огуречном рассоле с примесью пряностей. Зваром назывался всякого рода соус. Жареные мясные кушанья были верченые, шестные, печеные, сковородные. Баранина составляла самый обычный вид мясных кушаньев в скоромные дни с весны до поздней осени. Домострой научает, как поступать с бараньим мясом: купив целого барана, следовало облупить его и распределить на несколько дней части его мяса; грудинка подавалась на уху или шти; лопатки и почки на жареное; крюки подавались под зваром; ножки начинивались яйцами, рубец кашею; печенку иссекали с луком и, обернув перепонкою, жарили на сковороде; легкое приготавливали со взболтанным молоком, мукою и яйцами; из головы вынимали мозги и делали из них особую похлебку или соус с пряностями, а из густо сваренной с бараньим мясом ухи, ставя ее на лед, приготавливали холодный студень. Для говядины служили яловые коровы, поэтому говядина вообще носила в старину название яловичины. Яловиц покупали осенью и убивали; мясо солили впрок, а потроха, к которым причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, служили для обыденной пищи и подавались под студнем, под зварами, с кашей, на жареное. Вообще свежей говядины русские ели мало, а употребляли более соленую. Многие содержали в дворах своих свиней и откармливали их в течение года, а перед праздником Рождества кололи. Свиное мясо солилось или коптилось, и ветчина употреблялась на зимние шти, а голова, ноги, кишки, желудок подавались свежими в разных приготовлениях, как-то: голова под студнем с чесноком и хреном; из кишок делали колбасы, начинивая их смесью мяса, гречневой каши, муки и яиц. Русские в старину любили

свинину, кажется, больше, чем теперь. Зайцы подавались душеные (духовые), рассольные (в рассоле вареные) и под зварами, особенно сладкими. Были люди, которые считали зайцев нечистыми животными, как и теперь, но другие объясняли, что зайца есть не грешно, только надобно смотреть, чтоб он не был задушен во время травли. Стоглав запрещает продавать на торгах зайцев без испущения крови. Такое же предостережение издано было от московского патриарха в 1636 году*; но нигде не видно, чтобы церковь вооружалась против употребления зайцев в пищу вообще. Наравне с зайцами некоторые чуждались или, по крайней мере, остерегались оленины и лосины; но мясо этих зверей составляло роскошь царских и боярских торжеств.

* А. А. э., III, 402.

Куры подавались в штях, ухе, рассоле, жареные на рожнах, вертелах, называемые по способу их приготовления нарожными и верчеными. Шти с курицей назывались богатыми штями и всегда забеливались. К жареной курице обыкновенно подавали что-нибудь кислое: уксус или лимон. Куря рафленое был употребительный в XVII в. соус из курицы с сарацинским пшеном, изюмом и разными пряностями, куря бескостное -- соус из курицы без костей, с начинкою из баранины или яиц с шафранного похлебкою. За роскошными обедами подавались особыми блюдами куриные пупки, шейки, печенки и сердца. Другие птицы, употребляемые в пищу, были утки, гуси, лебеди, журавли, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки; утки -- во штях и жареные, гуси -- шестные, начинивались гречневой крупой и приправлялись говяжьим салом; из гусей готовили полотки, которые ели зимою с хреном и уксусом; гусиные потроха шли в уху или в особые кушанья под зварами. Рябчики, тетерева и куропатки -- кушанья зимние -- обыкновенно подавались: первый приправленный с молоком, прочие, жаренные с сливами и другими плодами. Лебеди во всякое время считались изысканным блюдом: их подавали под зваром с топешками, т. е. изрезанными ломтиками калача, опущенными в коровье масло; потроха лебязьи, как и гусиные, подавались под медвяным зваром, иногда же с говядиной или в пирогах и перепечах. Прочей дичи в Московии было много, и она была дешева, но вообще русские не очень

любили ее и мало употребляли. Каждое мясо имело свои огородные и пряные приправы; так, репа шла к зайцу, чеснок -- к говядине и баранине, лук -- к свинине.

Исчисляя мясные кушанья, нельзя не упомянуть об одном оригинальном кушанье, которое называлось похмелье; это изрезанные ломтики холодной баранины, смешанной с мелко искрошенными огурцами, огуречным рассолом, уксусом и перцем; его употребляли на похмелье*.

* Врем., VI, Книги о ествах.- А. И., II, 431.- Пав. Иов.- Olear., 209.- Petr., 318.- Jenkins, 350.

Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. Употребительные роды рыб были: лососина, привозимая в Москву с севера -- из Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская белорыбица, ладожская лодога и сырть, белозерские снятии и рыбы всех небольших рек: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пискари, ерши, вандыши, хохолки, व्यюны. По способу приготовления рыба была свежая, вяленая, сухая, солевая, провесная, ветряная, паровая, подваренная, впрок щипаная, копченая. По принятому обыкновению закупать для дома съестные припасы в оптовом количестве, везде продавалось множество рыбы, приготовленной впрок посредством соли. Домовитый хозяин покупал для домашнего обихода большой запас и складывал в погреб, а чтобы она не испортилась, то вывешивал на воздух, и это называлось выветривать: тогда уже рыба получала название провесной, а если хорошо выветривалась, то ветреной. С тех пор рыба складывалась уже не в погребе, а в сушиле пластами и прутами; пластовая рыба клалась на приделанных к стенам сушила полицях, а прутовая -- кучею под рогожами. Русские не умели хорошо солить рыбу, как не умеют этого делать и теперь: она у них воняла; но простой народ, по замечанию иностранцев, не только не отворачивался от нее, но еще предпочитал ее свежей. Взяв в руки рыбу, русский подносил ее к носу и пробовал: достаточно ли она воняет, и если в ней вони было мало, то клал и говорил: еще не поспела. При затруднительности путей сообщения свежей рыбой могли пользоваться только жившие около рыбных мест; в Москву свежая красная рыба доставлялась только для царского стола

и для знатных князей и бояр; она привозилась живая и содержалась в прудах, сделанных нарочно в их садах; масса жителей довольствовалась соленою осетриною, приготовляемою на астраханских учугах. Горячие рыбные кушанья были шти, уха и рассольное. Рыбная уха делалась из разных рыб, преимущественно чешуйчатых, а также из рыбьих потрохов, смешанных вместе с пшеном или с крупами и с большим прибавлением перца, шафрана и корицы. По способам приготовления в русском столе различалась уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; в уху бросали мешечки или толченики, приготовленные из теста с искрошенной рыбой. Шти делались кислые с свежей и с соленою рыбой, иногда с несколькими сортами рыб вместе, часто с рыбой сухой вроде истертой в порошок муки; при этих горячих кушаньях подавали пироги с рыбными начинками или кашею. Рассольное приготовлялось обыкновенно из красных рыб: осетрины, белужины и лососины. При горячих кушаньях подавали пирожки с разными рыбными начинками и с кашею. В постные дни летом подавалось ботвинье с луком и разными кореньями. Из тертой рыбы разных родов, смешанных вместе с примесью крупы или пшена, приготовлялось кушанье, называемое рыбная каша, а в скоромные дни примешивали туда и мяса; такую же кашу клали и в пироги. Приготовляли из рыб тельное вроде котлет: смешивали с мукою, обливали ореховым маслом, прибавляли туда пряностей и пекли: это называлось рыбным караваем. Жареную рыбу подавали облитую каким-нибудь зваром. Икра была в числе обычных кушаньев: свежая зернистая из осетра и белорыбицы составляла роскошь; но во всеобщем употреблении была паюсная, мешочная, армянская -- раздражающего свойства и мятая -- самого низшего достоинства, которую покупали бедные простолюдины. Икру вообще употребляли с уксусом, перцем и искрошенным луком. Кроме сырой икры употребляли еще икру вареную в уксусе или маковом молоке и пряженую; в посты русские делали икряники, или икряные блины: это была взбитая, после продолжительного битья, икра с примесью крупичатой муки и потом запаренная.

В те постные дни, когда считалось грехом употреблять рыбу, пища русских состояла из растительных веществ: ели кислую и ставленную капусту, свеклу с постным маслом и уксусом, пироги с горохом, с начинкою из растительных веществ, гречневую и овсяную кашу с

постным маслом, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи с медом, короваи с грибами и с пшеном, разного рода грибы вареные и жареные (масленики, грузди, сморчки, рыжики), разные приготовления из гороха: горох битый, горох тертый, горох цеженный, сыр гороховый, то есть твердо сбитый мятый горох с постным маслом, лапшу из гороховой муки, творог из макового молока, хрен, редьку и разные овощные приготовления: взвар из овощей и коливо.

Вообще ко всяким кушаньям русские любили примешивать пряные приправы, а в особенности лук, чеснок и шафран. От большого употребления чесноку русские, по замечанию иностранцев, носили с собою неприятный запах. Иностранцы сознавались, что не могли есть вонючей русской ухи, в которой иногда, кроме рыбы и воды, был только чеснок. Эти два зелья -- лук и чеснок -- делались как бы предметом первой необходимости: таким образом, они давались в числе кормов, которые обязаны были жители давать писцам, посылаемым для составления писцовых книг. Перец, горчица и уксус ставились всегда на столе, как необходимость обеда, и каждый гость и брал сколько хотел.

При изготовлении кушаньев обыкновенно не употребляли соли, как это делается во многих местах и теперь; но из этого не следует, чтоб русские не любили соленого: это делалось для того, чтобы каждый гость мог брать сколько хотел, и в те времена русские не находили разницы во вкусе того, что посолено во время приготовления кушанья, от того, что солили уже на столе. Зато все любили соленое впрок, и не только употребляли, как уже сказано, мясо и рыбу больше в соленом виде, но и заправляли с солью и уксусом разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши, вишни. У домовитых хозяев всегда стояло несколько посуды с такими соленьями, нагнетенных камнями и засеченных в лед. Они подавались к жареному мясному и рыбному, а белая соленая капуста была обычным запасом на зиму как у богатых, так и у бедных*.

* Врем., I, Домостр., 102. VIII, Торг. книги. -- Русск. Вестн. 1841, 733. -- Olear., 209.- Кильбург., 20.- Иовий, 16.- Барбер., 56.- Herberst., 38.-А. И., I, 328, IV, 520.- Доп., III, 206, 327.- Коллинс, 40.- Strauss, 195.

Русские лакомства состояли из плодов свежих или же приготовленных в патоке, с медом и сахаром. Плоды эти были отчасти туземного происхождения, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши в патоке и в квасу, то есть клали в бочонки и наливали патокой, потом закрывали, но неплотно, чтобы "кислый дух выходил", или же, отобравши свежих яблок, прорезывали в них отверстия и наливали туда патоки; из малины делали морс, употребляемый с водою, из брусники -- брусничную воду. Было в обыкновении лакомство, называемое леваш: его делали из малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сначала уваривали, потом протирали сквозь сито и вслед за тем варили снова, уже с патокой, густо мешая во время варения, потом выкладывали эту густую смесь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнце или против огня; когда она высыхала, то свертывали ее в трубочки. Другое лакомство было пастила, приготовляемая из яблок. Яблоки клали в сыту и парили, потом протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали, мешали, били, мяли, потом выкладывали на доску и давали подняться вверх, наконец складывали в медные луженые творила, давая закиснуть, и опрокидывали вниз. Пастилу делали также и из других овощей, например из калины.

Редьку в патоке приготовляли таким образом: сначала искрашивали редечный корень в мелкие ломтики, вздевали на спицы, так чтоб ломтик не сталкивался с другим ломтиком, и вывяливали на солнце или в печах после печенья хлебов; когда в растении не оставалось сырости, толкли его, просевали на сито, между тем варили в горшочке белую патоку и, уварив, выливали в редечную муку, прибавляя туда разных пряностей: перцу, мускату, гвоздики, и, запечатав горшочек, ставили в печь на два дня и две ночи. Смесь эта должна быть густа, как паюсная икра, и называлась мазюня; такую же мазюню приготовляли подобным способом из сухих вишен. Из арбузов, которые привозились в Московию с низовьев Волги, приготовлялось такое лакомство: изрезав арбуз пальца на два от коры кусками не толще бумаги, клали на сутки в щелок, между тем варили патоку с перцем, имбирем, корицею и мускатом и потом клали туда арбузы. Подобным образом приготовляли лакомства и из дынь. Русские варили в сахаре и в патоке привозные плоды: изюм с ветвями, коринку, смокву, имбирь и разные пряности. Обыкновенное русское

лакомство было взвар, приготовляемый из винных ягод, изюму, фиников, вишен и других плодов с медом, сахаром или патокой, с большим количеством гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, имбиря и проч.; один род взвара назывался медвяным, другой квасным. К лакомствам следует отнести также пряники, или коврижки, старинное национальное печенье. Сахар и леденец, привозимые русскими из-за границы, служили предметом лакомств для богатых. На царских и боярских пирах ставили на стол приготовленные из сахара изображения орлов, голубей, уток, городов, башен, теремов, людей и также целые сахарные головы. По способу приготовления и по цвету различалось несколько видов сахара: сахар свороборинный, сахар зеренчатый, узорочный, леденец белый и красный. Все это привозилось чрез Архангельск и переходило в народное употребление из-за боярских столов*.

* Врем., VI, Кн. о еств.. 28,-01eaг" 174. А. И., I, 327. II, 14, 426.- Доп., III, 206.

Напитки, употребляемые русскими в старину, были квас, морс, пиво, мед, водка и виноградные вина. Квас пили все, от царя до последнего крестьянина. Повсеместно в посадах можно было встретить и квасоварные заведения, и квасников, продающих квас в лавках и квасных кабаках. В монастырях квас был обычным питьем братии в будни. Квасы были разного сорта: кроме простого, так называемого житного, приготовляемого из ячменного или ржаного солода, были квасы медвяные и ягодные. Медвяный приготовлялся из рассыченного в воде меда, процеженного, с примесью калача вместо дрожжей. Этот раствор стоял несколько времени с калачом, потом сливали его в бочки. Его качество зависело от сорта и количества меда: для царей, например, собирали лучший мед во всем государстве на квас; такого же рода медвяные квасы делались в некоторых монастырях, имевших свои пчельники; и оттого медвяный квас в народе носил эпитет монастырского. Ягодные квасы делались таким же образом из меда и воды с добавкою ягод, вишен, черемухи, малины и проч.; этого рода квас также можно встретить было чаще всего в монастырях, а у зажиточных людей он служил для угощения людей низшего звания. Пиво делалось из ячменя, овса, ржи и пшеницы; для

народа оно варилось в казенных пивоварнях при кабаках, а люди зажиточные, имевшие дозволение готовить у себя напитки, делали его для домашнего обихода в своих дворах и хранили в ледниках под снегом и льдом. Русское пиво, по замечанию иностранцев, было вкусно, но мутно. Некоторые хозяева подпаривали его патокою, то есть готовое пиво сцеживали с дрожжей и сливали в другую бочку, потом, взявши этого пива ведро, примешав туда патоки, варили до кипятка, потом простуживали и сливали назад в бочку, а иногда подбавляли туда ягодных смесей. Последнего рода пиво называлось поддельным пивом.

Оригинальное и лучшее русское питье было мед; все путешественники, посещавшие Московию, единогласно признавали достоинство нашего меда и расславили его в далеких странах.

Меды были вареные и ставленные; первые варились, вторые только наливались. Кроме того, по способу приготовления и по разным приправам меды имели названия: простой мед, мед пресный, белый, красный, мед обарный, мед боярский, мед ягодный. Мед, называемый обарным, готовили следующим образом: рассычали медовый сот теплою водою, процеживали сквозь частое сито, так чтобы мед отделился от восчины, потом клали туда хмель, полагая на пуд меда полведра хмеля, и варили в котле, беспрестанно снимая пену ситом; когда же эта жидкость уваривалась до того, что в котле оставалась ее только половина, тогда выливали из котла в мерник и простуживали не на сильном холоде, бросали туда кусок ржаного хлеба, натертого патокой и дрожжами, давали жидкости вскиснуть, не допуская до того, чтоб она окисла совершенно, наконец сливали ее в бочки. Боярский мед отличался от обарного тем, что при рассычении меда бралось медового сота в шесть раз больше, чем воды; он кис в мерниках неделю, потом его сливали в бочку, где он стоял другую неделю с дрожжами; потом уже его сливали с дрожжей, подпаривали патокой и наконец сливали в другую бочку. Ягодный вареный мед готовился таким образом: ягоды варились с медом до тех пор, пока совершенно раскипали; тогда эта смесь снималась с огня; ей давали отстояться, потом ее процеживали, сливали в мед, уже сваренный прежде с дрожжами и хмелем, и запечатывали.

Ставленные меды готовились, как квасы, но с дрожжами или хмелем и потому отличались от квасов своим охмеляющим свойством.

Ставленный ягодный мед был прохладительный и приятный напиток. Его делали обыкновенно летом из малины, смородины, вишен, яблоч и проч. В посудину клали свежих спелых ягод, наливали водою (вероятно, отварною) и давали стоять до тех пор, пока вода не принимала вкуса и цвета ягод (дня два или три), потом сливали воду с ягод и клали в нее отделенного от воска чистого меда, наблюдая, чтоб выходило по кружке меда на две или на три воды, сообразно желанию придать напитку более или менее сладости, потом бросали туда несколько кусков печеной корки, дрожжей и хмеля, и когда смесь эта начинала вскисать, то хлеб вынимали прочь, чтоб она не приняла хлебного вкуса, мед на дрожжах оставляли от пяти до восьми дней в теплом месте, а потом снимали и ставили в холодное. Некоторые бросали туда пряности: гвоздику, кардамон, имбирь. Мед ставленный держался в засмоленных бочонках и был иногда до того крепок, что сшибал с ног.

К разряду прохладительных напитков относился березовый сок, или березовец, добываемый в апреле из берез.

Русская водка делалась из ржи, пшеницы, ячменя. Водка вообще называлась пивом и разделялась на сорта: обыкновенная водка носила название простого вина; лучше этого сорт назывался вино доброе; еще выше -- пиво боярское; наконец, еще высший сорт было вино двойное, чрезвычайно крепкое. Некоторые употребляли тройную и даже четверную, то есть четыре раза перегонную водку, и умирали от нее. Кроме этих водок делалась водка сладкая, насыщенная патокой: эта водка назначалась единственно для женского пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнейших пряностях и разных душистых травах; настаивали на корице, мяте, горчице, зверобое, бодяге, с амброй, на селитре, с померанцевой и лимонной коркой, с можжевельником и делали наливки на разных ягодах. Русские пили водку не только перед обедом, но и во время обеда, и после обеда, и во всякое время дня.

Иностранные вина в XVI веке употреблялись только в знатных домах, и то в торжественных случаях; но по мере того, как торговля стала все более и более знакомить с европейскою жизнью, употребление виноградных вин распространилось между зажиточными людьми, а в XVII веке явились в Москве погреба, где не только продавали вино, но куда сходились пить веселые компании. Из вин в большом употреблении были греческое, церковное, мальвазия,

бастр, алкав, венгерское, белое и красное французское, ренское, романея. Иногда в вина русские примешивали пряности.

У зажиточных хозяев напитки хранились в ледниках или подвалах, которых было иногда несколько при доме, они делались с разными отделами, в которых ставили бочки, летом -- во льду. Бочки были беременные или полубеременные. Вместимость тех и других не всегда и не везде была одинакова, вообще же можно положить беременную бочку в тридцать, а полубеременную в пятнадцать ведер. В монастырских подвалах бочки отличались своею огромностью: например, в три сажени в длину и в две в ширину; они никогда не сдвигались с своего места, а питье пропускалось в них и добывалось из них через отверстие, проделанное в своде погреба. Напитки наливали из бочки сначала в оловяники, или мерники -- большую посуду, потом уже разливали для подачи к столу в меньшие сосуды*.

* А. И., I, 335. II, 13, 288.-А. А. э., I, 308. III, 92.- Petr., 318.- Др. Русск. вивл., VI, 298,- Доп., I, 217. III, 305. VI, 87, 88, 324.- С. г. гр., III, 254.- Русск. достоп., I, 63. -- Коших., 61. -- Контар., 20 -- Olear., 205. -- Jenkins., 358, 361,- Herberst., 29,43:- Барбер., 79.- Врем., I, Домостр., 81. VI, Книг, оеств., 23-26,- Кильб., 190.

В числе разных напитков при Михаиле Федоровиче появился в России, как редкость и новость, чай. Первый раз чай был прислан в дар Михаилу Федоровичу от монгольского государя. Во второй половине XVII века знатные лица употребляли его как лекарство и приписывали ему целительную силу, не предвидя, что этот напиток отдаленного народа сделается со временем национальным русским питьем.

ГЛАВА XI

Образ домашней жизни

Предки наши, как знатные, так и простые, вставали рано: летом с восходом солнца, осенью и зимою за несколько часов до света. В старину счет часов был восточный, заимствованный из Византии вместе с церковными книгами. Сутки делились на дневные и ночные часы; час солнечного восхода был первым часом дня; час заката -- первым часом ночи. Само собою разумеется, что при таком времясчислении количество денных и ночных часов на самом деле могло быть одинаково и равно только во время равноденствия, а потому это время и принималось за норму: из двадцати четырех суточных часов двенадцать относили к дню, а другие двенадцать к ночи, несмотря на то, что на самом деле во время летнего солнцестояния число денных, а во время зимнего число ночных часов доходило до семнадцати. Седьмой час утра по нашему часосчислению был первым часом дня; седьмой час вечера -- первым часом ночи. Счисление это находилось в связи с восточным богослужением: на исходе ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы -- первый, третий, шестой и девятый -- знаменовали равноименные денные часы, а вечерня -- окончание дня. Русские согласовали свой домашний образ жизни с богослужебным порядком и в этом отношении делали его похожим на монашеский. Разумеется, что такой порядок мог иметь место только там, где спокойная и обеспеченная жизнь на одном месте позволяла располагать временем по произволу.

Вставая от сна, русский тотчас искал глазами образа, чтоб перекреститься и взглянуть на него; сделать крестное знамение считалось приличнее, смотря на образ; в дороге, когда русский ночевал в поле, он, вставая от сна, крестился, обращаясь на восток. Тотчас, если нужно было, после оставления постели надевалось белье и

начиналось умыванье; зажиточные люди мылись мылом и розовой водой. После омовений и умываний одевались и приступали к молению.

Если день был праздничный, тогда шли к заутрени, и благочестие требовало, чтоб встать еще ранее и прийти в церковь со звоном еще до начала служения заутрени. Если же день был простой или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяин совершал должное богослужение по книге, когда умел грамоте.

В комнате, назначенной для моления, -- крестовой, или когда ее не было в доме, то в той, где стояло побольше образов, собиралась вся семья и прислуга, зажигались лампы и свечи, курили ладаном. Хозяин, как домовладыка, читал пред всеми вслух утренние молитвы; иногда читались таким образом заутрени и часы, смотря по степени досуга, уменя и благочестия; умевшие петь -- пели. У знатных особ, у которых были свои домашние церкви и домовые священнослужители, семья сходилась в церковь, где молитвы, заутреню и часы служил священник, а пел дьячок, смотревший за церковью или часовнею, и после утреннего богослужения священник кропил святою водою.

Окончив молитвословие, погашали свечи, задерживали пелены на образах, и все расходились к домашним занятиям. Там, где муж жену допускал до управления домом, хозяйка держала с хозяином совет, что делать в предстоящий день, заказывала кушанья и задавала на целый день уроки в работах служанкам. В таких домах на хозяйке лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою пример служанкам, раньше всех вставать и других будить, позже всех ложиться: если служанка будит госпожу, это считалось не в похвалу госпоже. При такой деятельной жене муж ни о чем не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дело лучше тех, которые работали по ее приказанию: и кушанье сварить, и кисель поставить, и белье выстирать, и выполоскать, и высушить, и скатерти, и полавочки постлать, и таким своим умением внушала к себе уважение. Но не всех жен уделом была такая деятельная жизнь; большею частью жены знатных и богатых людей, по воле мужьев, вовсе не мешались в хозяйство; всем заведовали дворецкий и ключник из холопов. Такого рода хозяйки после утреннего моления отправлялись в свои покои и садились за шитье и вышивание золотом и шелками со своими прислужницами; даже кушанье к обеду

заказывал сам хозяин ключнику. Ключник не всегда спрашивал об этом хозяина, а знал наперед, что следует готовить по годовой росписи; обыкновенно в таком случае ключник получал от хозяина деньги на известный срок и по истечении срока отдавал отчет. В утреннее время считалось нужным обойти службы. Хозяин навещал конюшню, ходил по стойлам, смотрел: наложена ли под ногами лошадей солома, заложен ли им корм, приказывал пред своими глазами давать лучшим лошадям овса, а страдным (т. е. рабочим) овсяной муки или невейницы, приказывал проводить лошадей перед собою к желобам, устроенным вблизи конюшни для водопоя; потом заходил в хлевы -- коровий, свиной, птичий, приказывал скотникам пригонять перед себя несколько отборных штук скота, кормил их из своих рук и посыпал зерно курам и гусям, потому что когда сам хозяин из своих рук кормит их, то от того плодородие умножается. Иногда, воротившись после такого обзора, хозяин призывал дворецкого, заведовавшего всеми кладовыми и надворными строениями, и слушал его доклады; когда нужно было, то осматривал с ним что-нибудь, давал распоряжения к домашним работам, разбирал дела между слугами. После всех домашних распоряжений хозяин приступал к своим обычным занятиям: купец отправлялся в лавку, ремесленник брался за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказные избы, а бояре в Москве стекались к царю и занимались делами. Приступая к началу дневного занятия, будь то приказное писательство или черная работа, русский считал приличным вымыть руки, сделать пред образом три крестных знамения с земными поклонами, а если предстоит случай или возможность, то принять благословение священника.

В десять часов по нашему счету (в шестом часу дня) служились обедни. По духу времени в те времена цари, в сопровождении бояр и думных людей, всякий день ходили в церковь, да и частные люди, кроме воскресных и праздничных дней, при первой возможности хаживали к обедни и в будни, особенно в пятницы и субботы; всякий же церковный праздник толпа народа наполняла храмы, но текущие дела, однако, не прерывались от этого.

В полдень наступало время обеда. Холостые лавочники, парни из простонародия, холопы, приезжие в городах и посадах наполняли харчевни; люди домовитые садились за стол дома или у приятелей в

гостях. Цари и знатные люди, живя в особых покоях в своих дворах, обедали отдельно от прочих членов семьи; жены с детьми трапезовали особо; но незнатные дворяне, дети боярские, посадские и крестьяне -- хозяева оседлые, вместе с женами и с прочими членами семьи; впрочем, иногда семейные члены, составлявшие с своими семьями одно семейство с хозяином, обедали от него и особо; во время же званых обедов особы женского пола никогда не обедали там, где сидел хозяин с гостями. Стол накрывался скатертью, но не всегда это наблюдалось: очень часто люди незнатные обедали без скатерти и ставили на голый стол соль, уксус, перец и клали ломтями хлеб. Двое домашних служебных чинов заведовали порядком обеда в зажиточном доме: ключник и дворецкий. Ключник находился в поварне при отпуске кушаньев, дворецкий -- при столе и при поставце с посудой, стоявшем всегда против стола в столовой. Несколько слуг носили кушанья из поварни; ключник и дворецкий, принимая их, разрезывали их на куски, отведывали и тогда уже отдавали слугам ставить пред господином и сидевшими за столом.

В обычном царском быту кушанье прежде всего отведывал повар в присутствии дворецкого, который являлся за каждою переменою с толпою жильцов; сдав кушанье жильцам, дворецкий шел впереди их в столовую и передавал крайнему, который также отведывал и ставил пред царем. Обыкновенно кушанье подавали разрезанное на тонкие куски, так что можно было взять их в руки и понести в рот; от этого тарелки, поставленные в начале обеда перед обедавшими, не переменялись, потому что каждый брал руками с стоявшего пред гостями блюда куски и клал в рот, касавшись своей тарелки только тогда, когда случалось бросать на нее обгрызенную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человека в одной мисе, и все ели из нее своими ложками. Такой способ обедать приводил в омерзение иностранцев, чуждых нашим обычаям; им не нравилось и то, что русские за столом зевали, вытягивались, рыгали и к запаху чеснока, лука и гнилой рыбы присоединяли другие неприятные зловония.

Прежде всего пили водку и закусывали хлебом, потом подавали в скоромные дни холодные кушанья, состоявшие из вареного мяса с разными приправами, потом ели горячие, потом жареные, а далее разные звары, за ними молочные кушанья, лакомые печенья и,

наконец, овощные сласти. В постные дни тем же порядком подавали холодную рыбу или капусту, потом жидкие кушанья, далее жареную рыбу, звары и наконец овощи. На званых обедах было иногда чрезвычайное множество кушаньев -- до сорока и до пятидесяти перемен. Слуги, подававшие кушанья, назывались стряпчими, несли блюда голыми и притом нечистыми руками.

После обеда хозяин пересматривал посуду и, находя все в порядке, хвалил дворецкого и стряпчих, потчевал их хмельным, иногда всех дарил, и вся прислуга обыкновенно обедала после господского стола.

После обычного обеда ложились отдыхать. Это был повсеместный и освященный народным уважением обычай. Спали, пообедавши, и цари, спали бояре, спали купцы, затворив свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицах; тогда-то в Москве на Вшивом рынке собиралась толпа мужчин, которые там стриглись, и от этого рынок был постоянно устлан волосами, будто полстью. Не спать или по крайней мере не отдыхать после обеда считалось в некотором смысле ересью, как всякое отступление от предковских обычаев. Известно, что в числе подозрений, обличавших в Самозванце нецарское происхождение и уклонение к латинской вере, было и то, что он не спал после обеда. Этот отдых был тем необходимее, что обыкновенно русские любили очень плотно покушать, имея возможность и достаток.

Вставши от послеобеденного сна, русские опять принимались за обычные занятия. Цари ходили к вечерне, а часов с шести вечера по нашему счету предавались уже забавам и беседам. Впрочем, смотря по важности дела, иногда бояре собирались во дворец и вечером, сидели там за делами часов около трех. В приказах собирались по вечерам. В 1669 году постановлено правилом, чтобы приказные люди сидели с первого до восьмого часа ночи, -- так как это было зимою, то, вероятно, до десяти часов по нашему счету, считая первым часом ночи не седьмой час суточного деления, сообразно восточно-византийскому счислению, а четвертый, когда ночь действительно наступала в Москве. Вечер в домашнем быту был временем развлечений; зимою собирались друг к другу родные и приятели в домах, а летом в палатках, которые нарочно раскидывались пред домами. Русские всегда ужинали, а после ужина благочестивый хозяин отправлял вечернее моление. Снова затепливались лампы, зажигались свечи

перед образами; домочадцы и прислуга собирались на моление. После такого молитвословия считалось уже непозволительным есть и пить; все скоро ложились спать. Сколько-нибудь зажиточные супруги имели всегда особые покои с тою целью, чтоб не спать вместе в ночи пред господскими праздниками, воскресеньями, средами и пятками и в посты. В эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились пред образами в спальнях; ночная молитва считалась приятнее Богу, чем дневная: "Тогда бо нощию ум ти есть легчае к Богу и могут тя убо на покаяние обратити нощные молитвы паче твоих дневных молеб... и паче дневных молеб приклонит ухо свое Господь в нощные молитвы". Впрочем, некоторые старинные духовные поучения не обязывали супругов удаляться от общего ложа в посты Петровский и Рождественский: "А в Петрово говенье и в Филиппово невозбранно мужем с своими женами совокуплятися, развее блюсти среду, пяток и субботу и неделю и господских праздников". На Святой неделе цари обыкновенно опочивали отдельно от цариц, и когда царю угодно было спать вместе с царицею, то последней давалось об этом знать заранее и назначалось: или приходить к царю, или царя к себе ожидать, а на другой день оба ходили в мыльню. Так наблюдалось между всеми более или менее и вообще считалось необходимым после ночи, проведенной супругами вместе, ходить в баню, прежде чем подойти к образу. Набожные люди почитали себя недостойными, даже и омывшись, на другой день вступить в церковь и стояли пред дверьми храма, хотя через это и подвергались двусмысленным взглядам, а иногда и замечаниям молодых людей, которые догадывались, что это значило*.

* Рук. Пог. собр. публ. библи. No 1310.- Рум. муз. No 359.- А. И., II, 287. -Врем., I. Домостр., 17, 27, 64, 75.- II. С. 3., I, 828.- Доп., I, 55,- Fletch., 254-260.-Olear., 142, 193. -- Mejerb., 60-63.-Petr., 318.-Das Gr. Reich, von Mosc, 196-203.-Маржер., 29.- Кильб., 67.

Русские вообще ходили в баню очень часто; она была первою потребностью в домашней жизни, как для чистоплотности, так и для какого-то наслаждения. Почти в каждом зажиточном доме была своя мыльня, как уже сказано об этом; сверх того для простонародия и для приезжих везде по городам существовали общественные или царские

мыльни, где за вход платили деньги, составлявшие во всем государстве ветвь царских доходов. По известию Коши-хина, ежегодно собиралось таким образом до двух тысяч рублей со всех мылен, находившихся в ведомстве конюшенного дворца. Мыльни вообще топились каждую неделю один, а иногда и два раза. В летние жары запрещалось их топить в предупреждение пожаров, с некоторыми исключениями для больных и родильниц, по воле воевод. Тогда-то особенно наполнялись царские мыльни; впрочем, запрещение топить свои собственные касалось более посадских и крестьян; люди высшего значения всегда пользовались исключением. Баня для русского была такою необходимостью, что по поводу запрещения топить их жители грозили правительству разбрестись врознь из своих домов.

Обыкновенно ходили в мыльню после обеда, не страшась от этого вредных последствий. Жар был нестерпимый. На скамьях и полках постилалось сено, которое покрывали полотном. Русский ложился на него и приказывал себя бить до усталости, потом выбегал на воздух и бросался летом в озеро или реку, подле которых обыкновенно строились мыльни, а зимою катался по снегу или обливался холодною водою на морозе. Всегда кто ходил в мыльню, тот и парился: это было всеобщим обычаем.

В общественных мыльнях было два отделения, мужское и женское; они отделялись одно от другого перегородками, но вход и в то и в другое был один; и мужчины и женщины, входя и выходя в одну дверь, встречались друг с другом нагишом, закрывались вениками и без особенного замешательства разговаривали между собою, а иногда разом выбегали из мыльни и вместе катались по снегу. В более отдаленную старину было в обычае и мужчинам и женщинам мыться в одной мыльне, и даже чернецы и черницы мылись и парились вместе.

Жившие в Москве немцы заимствовали от русских их мыльни, но придали им более комфорта. Эти мыльни приобрели в Москве славу. Вместо голых скамей у них были тюфяки, набитые пахучими травами; предбанники были особые и чистые, где можно было удобно раздеваться и одеваться; такого удобства нельзя было встретить в русских банях. После мытья обтирали и клали в постель; тут женщина приносила мед для подкрепления.

Баня была самым главным лекарством от всяких болезней: коль скоро русский почувствует себя нездоровым, тотчас выпьет водки с

чесноком или перцем, закусит луком и идет в баню париться.

Для простого народа баня была школой той удивительной нечувствительности ко всем крайностям температуры, какою отличались русские, удивляя этим иностранцев. Но что касается до высших классов общества, то, при сидячей жизни, бани порождали бездействие и изнеженность; в особенности женщины высшего состояния отличались этим и казались хилыми и брюзglyми*.

* А. И., II, 417.- А. А. э., IV, 58.- Стогл. Вопр., 18. -- Olear., 268,- Mejerb., 151.-Strauss., 205. -- Fletch., 268.-Carl, 347.-Jenkins, 361.

ГЛАВА XII

Здоровье и болезни

В русском образе жизни было соединение крайностей, смесь простоты и первобытной свежести девственного народа с азиатскою изнеженностью и византийскою расслабленностью. Когда знатный человек одевался весь в золото и жемчуг, едал на серебре и заставлял подавать себе десятки кушаньев зараз, деревенский бедняк во время частых неурожаев ел хлеб из соломы или из лебеды, коренья и древесную кору. Когда знатные женщины и девицы не занимались даже хозяйством и, осужденные на бездействие, только для того, чтоб убить томительную скуку своих горниц и повалуш, брались за вышиванья убрусов и церковных облачений, крестьянские женщины работали вдвое более своих мужьев. С одной стороны, достоинством всякого значительного человека поставлялась недеятельность, изнеженность, неподвижность; русские женщины нередко пили особого рода водку, чтоб растолстеть; с другой стороны, русский народ приводил в изумление иностранцев своею терпеливостью, твердостью, равнодушием ко всяким лишениям удобств жизни, тяжелым для европейца, умеренно трудолюбивого, умеренно терпеливого и знакомого с правильным и расчетливым комфортом. С детства приучались русские переносить голод и стужу. Детей отнимали от груди после двух месяцев и кормили грубою пищею; ребятишки бегали в одних рубашках, без шапок, босиком по снегу в трескучие морозы; юношам считалось неприличным спать на постели, а простой народ, как уже было замечено, вообще не знал, что такое постель. Посты приучали народ к грубой и скудной пище, состоявшей из кореньев и дурной рыбы; живучи в тесноте и дыму, с курами и телятами, русский простолюдин получал нечувствительную, крепкую натуру. На войне русские удивляли врагов своим терпением: никто

крепче русского не мог вынести продолжительной и мучительной осады -- при лишении самых первых потребностей, при стуже, голоде, зное, жажде. Подвиги служилых русских людей, которые открыли сибирские страны в XVII веке, кажутся невероятными. Они пускались в неведомые края с скудными запасами, нередко еще испорченными от дороги; истратив их, принуждены бывали по несколько месяцев сряду питаться мхом, бороться с ледяным климатом, дикими туземцами, зимовать на Ледовитом море, а по возврате из такого тяжелого путешествия нередко в благодарность были обираемы и оскорбляемы воеводами. Но как ни противоположным кажется образ жизни знатных и простых, богатых и бедных, натура и у тех и у других была одна: пусть только бедному простак поблагоприятствует счастье, и он тотчас усвоит себе неподвижность, тяжеловатость, обрюзглость богатого или знатного лица; зато знатный и богатый, если обстоятельства поставят его в иное положение, легко свыкнется с суровой жизнью и трудами. Прихоти были огромны, но несложны и неизысканны. С одинаким воззрением на жизнь, с теми же верованиями и понятиями, как у простолюдинов, знатные люди не успели отделиться от массы народа и образовать замкнутое в себе сословие. Посты имели в этом отношении благотворное влияние на нравственность и на поддержку основ равенства в народе; посты не давали богачу утопать в обжорстве и сластолюбии до невозможности низойти к убогому столу простолюдина. В посты царь ел одну пищу с крестьянином. Небезопасное положение края, частые войны, неудобства путей и затруднительность сообщения между частями государства не допускали высшие слои русского народа опуститься в восточную негу: они всегда должны ожидать слишком внезапной разлуки с своими теплыми домами и потому не могли к ним пристраститься; слишком часто приходилось голодать им поневоле, чтоб быть не в силах обходиться без пряностей и медов; слишком повсеместно встречали смерть, чтоб дорожить вялою жизнью. С другой стороны, в простолюдине, даже в его нищете, проглядывала склонность к восточной изнеженности и вялости, одолевавшей богачей: русский мужик любил поспать, поваляться на печке, понежиться и если удивлял иностранцев терпением, то не отличался сознательным трудолюбием.

При способности и готовности переносить труды и лишения русский народ хотя не отличался долговечностью, но пользовался вообще хорошим здоровьем. Из болезней только эпидемические наносили иногда значительные опустошения, потому что меры против них были слабы и ограничивались неискусным старанием не допустить заразы распространяться с места на место. Моровые поветрия нередко оставляли ужасные следы по всей России. Из обыкновенных болезней, которым русские чаще всего подвергались, были геморроидальные, столь свойственные нашему климату, упоминаемые в старину под разными наименованиями припадков головной боли, течения крови, запоров (заклад), болей в спине и тому подобное. Нервные болезни если не были слишком часты, зато обращали внимание своими явлениями: эпилептические, каталептические, истерические припадки приписывались порче и влиянию таинственных сил при посредстве злых духов; болезни эти имели разные народные наименования, как, например, камчюг, френьчуг, беснование, расслабление, трясение, икота и проч.; некоторые случаи происходили от действительных болезней, иные от воображения. В XVI веке занесена в Россию сифилитическая болезнь (тайным согниение), а в следующем столетии она довольно распространилась и наносила опустошения в черном народе. Простудные болезни редко поражали русского, приученного к переменам воздуха и температуры. Как особые случаи, упоминаются в старину каменная болезнь, отек, сухотка, грыжа, зубная боль, глухота, немота, слепота, шолуди, происходившие от неопрятности, которая нередко порождала и другие болезни; так, наприм., имела вредное влияние на зрение. Вообще от болезней искали средств более всего в церковных обрядах и прибегали также к травникам, составлявшим класс самоучек-лекарей, отдавались им часто с чрезвычайным легковерием. Ученые медики были иностранцы и находились только при царском дворе, и то в небольшом количестве. При Иване Васильевиче лекарь иноземец был необходимым лицом для царя, но лечиться у него частным лицам было можно не иначе как подавши челобитную об этом*. То же соблюдалось долго и впоследствии, когда число врачей при дворе увеличилось. При Михаиле Федоровиче в Москве существовала одна аптека, из которой отпускались лекарства по челобитным, и притом так, что тем, которые были не очень

значительны, отпускалось и по челобитной не то, что нужно, а то, что дешевле стоило, не обращая внимания, могло ли оно принести действительную пользу. Иногда лекари отправлялись на войну с лекарством и там вообще мало приносили пользы. При Алексее Михайловиче в Москве были две аптеки, но только из одной продавали жителям лекарства, и то по высоким ценам**, а потому эта аптека гораздо менее приносила дохода казне, чем стоявший рядом с нею кабак. Разумеется, врачи, призываемые из-за границы, не всегда были хороши, и по зову русского царя отважно спешили в Россию шарлатаны. Поэтому было определено, чтоб врач, приезжающий в Россию, прежде в пограничном городе показал степень своего искусства и вылечил кого-нибудь. Медики, жившие при дворе, были чрезвычайно стеснены обычаями и предрассудками. В их занятиях не уважали науки, не ставили их искусства выше знахарского. Часто сами цари обращались к травникам и знахарям как бы в укор медикам, состоявшим при их дворе. Когда медик пользовал особу женского пола, принадлежащую к царскому семейству, для него не нарушались строгие восточные церемонии, всегда окружавшие эту особу. Медик должен был пользоваться больную и угадывать болезнь, не видя ее лично, а единственно следуя рассказам прислужницы. Если при таком способе лечения он ошибется, ему ставили ошибку в вину. Ему не позволяли узнать действие лекарства на организм больной: если с одного приема болезнь не облегчилась -- по понятиям русских, это значило, что лекарство не поможет, медику приказывали давать другое и не позволяли повторять одного и того же несколько раз. Что касается до народа, то вообще он не верил иноземным врачам. Духовенство признавало грехом лечиться у человека неправославной веры и в особенности вооружалось против медиков-евреев, так что в XVI веке русский за то, что прибегал к пособию еврея, подвергался отлучению от церкви. Время, однако, брало свое и в этом отношении: при Алексее Михайловиче, при царе столь набожном, один из придворных медиков был еврей***.

* А. И., II, 82.- Доп., 1,156.

** Кильб., 184.

*** А. И., III, 289, 390, 474.- Доп., II, 179,242. V, 401-Jenkins., 361.- Fletch., 247-268.- Иовий, 45, 61.- Колл" 22. -- Crull., 146.- Olear., 201,

215,217.- Herberst., 39,- Petr., 314.- Врем., I. Домостр., 40.

ГЛАВА XIII

Семейные нравы

Все иностранцы поражались избытком домашнего деспотизма мужа над женою. В отношениях между двумя полами русские видели одно животное влечение. В Москве, замечает один путешественник*, никто не унижится, чтоб преклонить колено пред женщиною и воскурить пред нею фимиам. По законам приличия, порожденным византийским аскетизмом и грубою татарскою ревностью, считалось предосудительным даже вести с женщиною разговор. Вообще женщина считалась существом ниже мужчины и в некоторых отношениях нечистым; таким образом, женщине не дозволялось резать животное: полагали, что мясо его не будет тогда вкусно. Печь просфоры позволялось только старухам. В известные дни женщина считалась недостойною, чтоб с нею вместе есть.

* Mejerb., 145.

В одном старинном поучении так отзываются о прекрасном поле: "Что есть жена? Сеть утворена прельщающи человеки во властех, светлым лицом убо и высокими очима намизающи, ногама играющи, дела убивающи, многы бо уязвивши низложи, темже в доброты женстей мнози прельщаются и от того любви яко огонь возгарается... Что есть жена? Святым обложница, покоище змиино, диаволь увет, без увета болезнь, поднечающая сковрада, спасаемым соблазн, безысцельная злоба, купница бесовская"*. Русская женщина была постоянною невольницею с детства до гроба. В крестьянском быту хотя она находилась под гнетом тяжелых работ, хотя на нее, как на рабочую лошадь, взваливали все, что было потруднее, но по крайней мере не держали взаперти. У Козаков женщины пользовались

сравнительно большею свободою: жены Козаков были их помощницами и даже ходили с ними в походы**.

* Пог. Собр. публ. библ., Рук. No 1298.

** А. И., III, 43.

У знатных и зажиточных людей Московского государства женский пол находился взаперти, как в мусульманских гаремах. Девиц содержали в уединении, укрывая от человеческих взоров; до замужества мужчина должен быть им совершенно неизвестен; не в нравах народа было, чтоб юноша высказал девушке свои чувства или испрашивал лично ее согласия на брак. Самые благочестивые люди были того мнения, что родителям следует бить почаще девиц, чтобы они не утратили своего девства. Чем знатнее был род, к которому принадлежала девица, тем более строгости ожидало ее: царевны были самые несчастные из русских девиц; погребенные в своих теремах, не смея показываться на свет, без надежды когда-нибудь иметь право любить и выйти замуж, они, по выражению Кошихина, день и ночь всегда в молитве пребывали и лица свои умывали слезами. При отдаче замуж девицу не спрашивали о желании; она сама не знала, за кого идет, не видела своего жениха до замужества, когда ее передавали в новое рабство. Сделавшись женою, она не смела никуда выйти из дома без позволения мужа, даже если шла в церковь, и тогда обязана была спрашиваться. Ей не предоставлялось права свободного знакомства по сердцу и нраву, а если дозволялось некоторого рода обращение с теми, с кем мужу угодно было позволить это, то и тогда ее связывали наставления и замечания: что говорить, о чем умолчать, что спросить, чего не слышать. В домашнем быту часто ей не давали права хозяйства, как уже сказано. Ревнивый муж приставлял к ней шпионов из служанок и холопов, а те, желая подделаться в милость господину, нередко перетолковывали ему в другую сторону каждый шаг своей госпожи. Выезжала ли она в церковь или в гости, неотступные стражи следили за каждым ее движением и обо всем передавали мужу. Очень часто случалось, что муж по наговору любимого холопа или женщины бил свою жену из одного только подозрения. Даже и тогда, когда муж поручал жене смотреть за хозяйством, она была не более как ключница: не смела ни послать чего-нибудь в подарок другим, ни

принять от другого, не смела даже сама без позволения мужа съесть или выпить. Редко дозволялось ей иметь влияние на детей своих, начиная с того, что знатной женщине считалось неприличным кормить грудью детей, которых поэтому отдавали кормилицам; мать впоследствии имела над ними менее надзора, чем няньки и дядьки, которые воспитывали господских детей под властью отца семейства. Обращение мужьев с женами было таково: по обыкновению, у мужа висела плеть, исключительно назначенная для жены и называемая дурак; за ничтожную вину муж таскал жену за волосы, раздевал донага, привязывал веревками и сек дураком до крови -- это называлось учить жену; у иных мужьев вместо плети играли ту же роль розги, и жену секли, как маленького ребенка, а у других, напротив, дубина -- и жену били, как скотину. Такого рода обращение не только не казалось предосудительным, но еще вменялось мужу в нравственную обязанность. Кто не бил жены, о том благочестивые люди говорили, что он дом свой не строит и о своей душе не радит, и сам погублен будет и в сем веке и в будущем, и дом свой погубит. Домострой человеколюбиво советует не бить жены кулаком по лицу, по глазам, не бить ее вообще железным или деревянным орудием, чтоб не изувечить или не допустить до выкидыша ребенка, если она беременна; он находит, что бить жену плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Это нравственное правило проповедовалось православною церковью, и самим царям при венчании митрополиты и патриархи читали нравоучения о безусловной покорности жены мужу. Привыкшие к рабству, которое влачить суждено было им от пеленок до могилы, женщины не имели понятий о возможности иметь другие права и верили, что они в самом деле рождены для того, чтоб мужья их били, и даже самые побои считали признаком любви. Иностранцы рассказывают следующий любопытный анекдот, переходивший из уст в уста в различных вариациях. Какой-то итальянец женился на русской и жил с нею несколько лет мирно и согласно, никогда не бивши ее и не бранивши. Однажды она говорит ему: "За что ты меня не любишь?" "Я люблю тебя", -- сказал муж и поцеловал ее. "Ты ничем не доказал мне этого", -- сказала жена. "Чем же тебе доказать?" -- спрашивал он. Жена отвечала: "Ты меня ни разу не бил". "Я этого не знал, -- говорил муж, -- но если побои нужны, чтоб доказать тебе мою любовь, то за этим дело не станет". Скоро после того он побил ее плетью и в самом деле

заметил, что после того жена стала к нему любезнее и услужливее. Он поколотил ее в другой раз так, что она после того несколько времени пролежала в постели, но, однако, не роптала и не жаловалась. Наконец, в третий раз он поколотил ее дубиною так сильно, что она после того через несколько дней умерла. Ее родные подали на мужа жалобу; но судьи, узнавши все обстоятельства дела, сказали, что она сама виновата в своей смерти: муж не знал, что у русских побои значат любовь, и хотел доказать, что любит сильнее, чем все русские; он не только из любви бил жену, но и до смерти убил. Женщины говорили: "Кто кого любит, тот того лупит, коли муж не бьет, значит не любит"; пословицы эти и до сих пор существуют в народе, так же как и следующая: "Не верь коню в поле, а жене на воле", показывающая, что неволя считалась принадлежностью женского существа. Иногда родители жены при отдаче ее замуж заключали письменный договор с зятем, чтоб он не бил жены. Разумеется, это исполнялось неточно. Положение жены всегда было хуже, когда у нее не было детей, но оно делалось в высшей степени ужасно, когда муж, соскучив ею, заводил себе на стороне любовную. Тут не было конца придирам, потасовкам, побоям; нередко в таком случае муж заколачивал жену до смерти и оставался без наказания, потому что жена умирала медленно и, следовательно, нельзя было сказать, что убил ее он, а бить ее хотя по десяти раз на день не считалось дурным делом. Случалось, что муж таким образом приневоливал ее вступить в монастырь, как свидетельствует народная песня, где изображается такого рода насилие. Несчастливая, чтоб избежать побоев, решалась на самовольное самозаключение, тем более что и в монастыре ей было больше свободы, чем у дурного мужа. Если бы жена заупрямилась, муж, чтоб разлучиться с немилою-постылою, нанимал двух-трех негодяев лжесвидетелей, которые обвиняли ее в прелюбодеянии; находился за деньги и такой, что брал на себя роль прелюбодея: тогда жену насильно запирали в монастырь*.

* Врем., I. Домостр., 29, 68.- Доп., 1,54.- Павл. Иов., 51. -- Fletch., 246.- Olear, 217. -- Petr., 324,- Mejerb., 145,- Carlisle, 341. -- Crull., 160, 162.-Strauss, 203. -- Heibeist., 34.

Не всегда, однако, жены безропотно и безответно сносили суровое обращение мужьев и не всегда оно оставалось без наказания. Иная жена, бойкая от природы, возражала мужу на его побои бранью, часто неприличного содержания. Были примеры, что жены отравляли своих мужьев, и за это их закапывали живых в землю, оставляя наружу голову, и оставляли в таком положении до смерти; им не давали есть и пить, и сторожа стояли при них, не допуская, чтоб кто-нибудь из сострадания не покормил такую преступницу. Прохожим позволялось бросать деньги, но эти деньги употреблялись на гроб для осужденной или на свечи для умиловления Божия гнева к ее грешной душе*. Впрочем, случалось, что им оставляли жизнь, но заменяли смерть вечным жестоким заточением. Двух таких преступниц за отравление мужьев держали трое суток по шею в земле, но так как они попросились в монастырь, то их откопали и отдали в монастырь, приказав держать их порознь в уединении и в кандалах. Другие жены мстили за себя доносами. Как ни безгласна была жена перед мужем, но точно так же были мужья безгласны перед царем. Голос жены, как и голос всякого, и в том числе холопа, принимали в уважение, когда дело шло о злоумышлении на особу царского дома или о краже царской казны. Иностранцы рассказывают замечательное событие: жена одного боярина по злобе к мужу, который ее бил, доносила, что он умеет лечить подагру, которою царь тогда страдал, и хотя боярин уверял и клялся, что не знает этого вовсе, его истязали и обещали смертную казнь, если он не сыщет лекарства для государя. Тот в отчаянии наварил каких попало трав и сделал из них царю ванну; случайно царю после того стало легче, и лекаря еще раз высекли за то, что он, зная, не хотел говорить. Жена взяла свое. Но еще случалось, что за свое унижение женщины отомщали обычным своим способом: тайною изменою. Как ни строго запирали русскую женщину, она склонна была к тому, чтоб положить мужа под лавку, как выражались в тот век. Так и быть должно. По свойству человеческой природы рабство всегда рождает обман и коварство. Часто женщина напивалась пьяна и тогда, если только представлялся случай, предавалась первому мужчине.

* De Bruyns, 20.

Иностранцы единогласно говорят, что русская женщина не была неприступна и для них, несмотря на всеобщее омерзение, внушаемое нехристями, к которым в России причисляли всех вообще неправославных. На эти случаи у женщин образовались свои собственные догматы. "Женщине соблудить с иностранцем, -- говорили они, -- простительно; дитя от иностранца родится -- крещеное будет; а вот как мужчина с иноверкою согрешит, так дитя будет некрещеное, оно и грешнее: некрещеная вера множится".

У зажиточных домовитых людей все было так устроено, что казалось невозможно сблизиться мужчине с их женами; однако примеры измен таких жен своим мужьям были нередки. Запертая в своем тереме жена проводила время с служанками, а от скуки вела с ними, как говорилось, пустотные речи, пересмешные, скоромские и безлепичные и приучалась располагать свое воображение ко всему нецеломудренному. Эти служанки вводили в дом разных торговок, гадалщиц и в том числе таких женщин, которые назывались "потворенные бабы", то есть *что молодые жены с чужими мужи сваживают*. Эти соблазнительницы вели свое занятие с правильностью ремесла и очень искусно внедрялись в дома, прикидываясь чем угодно и чем нужно, даже набожными богомолками. Всегда их можно было застать там, где женщины и девки сходились, например на реке, где мылось белье, у колодца, куда ходили с ведрами, на рынках и т. п. Заводили знакомство с служанками, а через них доходили и до господ; такая искусница, коль скоро вотрется в дом, непременно наделает там какой-нибудь беды: или самоё госпожу соблазнит, или же девуку-служанку подманит обокрасть госпожу и бежать с любовником, с которым нередко вместе ограбят ее и даже утопят. Вот такого рода женщины были пособницами волокит, и случалось так, что разом одна тайно служила мужу от жены, а жене от мужа.

Хотя блудодеяние и преследовалось строго нравственными понятиями и даже в юридических актах блудники помещались в один разряд с ворами и разбойниками, но русские мужчины предавались самому неистовому разврату. Очень часто знатные бояре, кроме жен, имели у себя любовниц, которых доставляли им потворенные бабы, да сверх того не считалось большим пороком пользоваться и служанками в своем доме, часто насильно. По известиям одного англичанина, один

любимец царя Алексея Михайловича завел у себя целый гарем любовниц, и так как его жена была этим недовольна, то он почел лучшим отравить ее*. Вообще же мужчине и не вменялся разврат в такое преступление, как женщине. Многие, чувствуя, что они грешат, старались уменьшить тяжесть греха сохранением разных религиозных приличий: например, снимали с себя крест и занавешивали образа, готовясь к грешному делу.

* Колл., 36.

В простонародье разврат принимал наглые формы. Патриарх Филарет обличал служилых людей, что они, отправляясь в отдаленные места на службу, закладывали жен своих товарищам и предоставляли им право иметь с ними сожительство, как будто вместо процентов за полученную сумму. Если же муж не выкупал жены в означенный срок, заимодавец продавал ее для блуда кому-нибудь другому, другой -- третьему, и так женщина переходила из рук в руки. Другие, не женясь вовсе, находились в блудном сожительстве с родными сестрами и даже с матерями и дочерьми*. Простые женщины распутного поведения доходили до потери всякого стыда: например, голые выбегали из общественных бань на улицы в посадах и закликали к себе охотников. Олеарий рассказывает, что он был свидетелем, как в Новгороде во время стечения народа по случаю богомолья пьяная баба, выходя из кружала, упала на улице в непристойном положении. Вдруг идет пьяный мужик и, увидя ее полунагую, бросился на нее, как зверь, но упал без чувств, потому что и сам был мертвецки пьян. Тогда мальчишки столпились около этой четы и подтрунивали над нею**.

* С. г. гр., III, 245, 246.

** Olear, 394.

Женщина получала больше уважения, когда оставалась вдовою и притом была матерью. Тогда как замужняя не имела вовсе личности сама по себе, вдова была полная госпожа и глава семейства. Личность вдовицы охранялась религиозным уважением. Оскорбить вдовицу считалось величайшим грехом. "Горе обидающему вдовицу, -- говорит одно старое нравоучение: -- лучше ему в дом свой ввергнуть огонь,

чем за воздыхания вдовиц быть ввержену в геену огненную"*.

Впрочем, как существу слабому, приученному с детства к унижению и неволе, и тут не всегда приходилось ей отдохнуть. Примеры непочтения детей к матерям были нередки. Бывало, что сыновья, получив наследство после родителя, выгоняли мать свою, и та должна была просить подаяния. Это не всегда преследовалось, как видно из одного примера XVI века, где выгнанной матери помещиков царь приказал уделить на содержание часть из поместьев ее мужа, но сыновьям, как видно, не было никакого наказания**. Иногда же, напротив, овдовевшая поступала безжалостно с детьми, выдавала дочерей насильно замуж, бросала детей на произвол судьбы и т. п***.

* Публ. библ. Погод. Собр., 1313.

** Доп., 1, 110.

*** Доп., 1, 116.

Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений. Почтение к родителям считалось по нравственным понятиям ручательством здоровой, долгой и счастливой жизни. О том, кто злословит родителей, говорилось: "Да склюют его вороны, да съедят его орлы!" Была и есть на Руси пословица: "Отчая клятва иссушит, матерняя искоренит". Впрочем, отец, как мужчина, и в детском уважении пользовался предпочтением. "Имей, чадо, -- поучает отец сына, -- отца своего, аки Бога, мать свою, аки сам себе"*. Несмотря на такие нравственные сентенции, покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм, без нравственной силы. Чем благочестивее был родитель, чем более проникнут был учением православия, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже: "Наказуй отец сына из млада, -- говорит одно старинное поучение, -- учи его ранами бояться Бога и творить все доброе, и да укоренится в нем страх Божий, а если смолода не научишь -- большого как можно научить"**. Слова почитались недостаточными, как бы они убедительны ни были, нужно учить детей "розгами, да не примешь про них ныне от человек сорама и будущих мук"***; и общее нравственное правило отцов в отношении к детям выражалось в такой

формуле, какую передает нам благочестивый автор Домостроя: "Сына ли имаши, не дошед внити в юности, но сокруши ему ребра; аще бо жезлом биеши его, не умрет, но здоров будет, дочь ли имаши -- положи на ней грозу свою". Этот суровый моралист запрещает даже смеяться и играть с ребенком. Зато и дети, раболепные в присутствии родителей, с детства приучались насмехаться над ними вместе с сверстниками из слуг, приставленными к ним для товарищества. "В Московии, -- говорит один иностранец, нередко можно встретить, как сын смеется над отцом, дочь над матерью"****. Грубые привычки усваивались ими с малолетства и сопровождали их до старости. "Лучше, -- говорит один русский моралист, -- иметь у бедра меч без ножен, нежели неженатого сына в своем доме; лучше в доме коза, чем взрослая дочь; коза по елищу ходит -- молоко принесет; дочь по селищу ходит -- стыд принесет отцу своему"*****.

* Пог. Собр. рук. П. Б" 1772.

** Рум. муз. Собрн., 359.

*** Пог. Собр., No 1024.

**** La Relig. des Moscov., 87.

***** Собрн. Рум. муз., 359.

ГЛАВА XIV

Порядок домоуправления

При малом развитии городской ремесленности и мелочной торговли двор зажиточного человека (не только в его вотчине, но и построенный в самой Москве), представлял подобие целого города: там производились всевозможнейшие работы, нужные для домашнего обихода; там ткали холсты, шили белье, сапоги, платье, делали мебель и всякую деревянную утварь, вышивали золотом и шелками. Все нужное для дома обыкновенно покупалось оптом. Поставы материй и сукон накапливались в господских сундуках, так что доставало на много лет, на целую жизнь и передавалось детям. У расчетливого хозяина всегда был огромный запас разного съестного: хлеба, соленого мяса, рыбы, сухарей, толокна, ветчины и проч. Благоразумный человек не только ничего не покупал врознь, но иногда еще и продавал из остатков. Только незначительные и бедные люди питались с рынка и зато платили в три раза дороже, чем богачи, покупавшие все нужное оптом*.

* Доп., I, 76.

Когда у хозяина рождалась дочь, он для нее делал особый сундучок или короб и откладывал туда каждый год всякого рода имущество в счет будущего приданого, и в то же время возвращали на ее долю скотину: все вместе называлось ее наделком. В случае ее смерти до замужества наделок обращался на поминование души усопшей. Таким образом, с самого рождения члена семейства приготавлили ему запас на жизнь.

Все в таком доме носило характер замкнутости и разобщения со всем остальным. Все в нем старались покрыть тайною для чужих.

Ворота были заперты и днем и ночью, и приходящий должен был, по обычаю времени, постучаться слегка и проговорить: "Господи Иисусе Христе, помилуй нас!" и потом дожидаться, пока ему скажут: "Аминь". По нравственным понятиям века, честный человек должен был стараться, чтобы никто того не слышал, не видал, что у него делается во дворе, и сам не пытался узнавать, как живут в чужих дворах. Все в доме и кладовых хранилось под замками. Многое известно было одному только хозяину, как, например, деньги, которые почитались драгоценнее вещей; так что многие держали их не иначе как зарытыми в земле, а иные отдавали на сохранение в монастыри, что называлось поклажею. Обилие домовитого двора и разобщение домашней жизни с внешностью совпадало с обычаем держать в дворах большое население. Старинная неделимость семей соединяла иногда несколько боковых родственных линий около одного родственника или старейшины. То были дети, братья, племянники хозяина и даже дальнейшие его родственники, жившие с ними не в разделе, смотря по обстоятельствам и по желанию. По смерти хозяина члены или соглашались продолжать жить вместе, или старший дядя их отдавал ту часть, какая следовала членам многочисленного семейства; тогда отделялись другие семьи и образовывали новые дворы. В некоторых местах России этот обычай наблюдался в большем размере и строже в своем основании, в других слабее, так что наследники спешили делиться и основывать новые семьи. В новгородских областях дети обыкновенно делились отцовским имуществом, но оставляли одну часть, общую для всех*. Обычай жить вместе с родственниками наблюдался более или менее у всех сословий, менее -- у знатных людей, имевших способы делиться скорее. У иных родственники, жившие при дворе, входили в уровень с прислугою. Так, например, один гость в 1696 году, нанимая сторожа, заключал с ним условие, что он будет есть и пить с хозяйскими братьями**. У крестьян и у посадских этот обычай соблюдался при значительном разветвлении рода; тогда, когда связь между родственниками делалась уже слабою, они расходились, а иногда те, которые беднели и поставляли себя в обязательное отношение к главным хозяевам, нисходили на степень подсоседников, приписанных к семье, но не составляли ее прямых членов. Несмотря на то же совокупление кровных, обыкновенно мало было ладу в семьях и все члены большой семьи нередко жили между

собою во вражде***. Зато дух общинности, столь свойственный русскому нраву, не ограничивал таких скупов одним родством, но соединял людей, не имевших между собою кровных связей. Так, был пример, что несколько человек соглашались и покупали один двор, совершив купчую на общее имя, и двор принадлежал не одному лицу, а всем вместе****. Кроме родственников при дворе знатного господина, имевшего у себя домашнюю церковь, жил священник и был вместе с тем как бы членом семьи. Если он был женат и имел детей, то жил в особой избе и получал месячный корм, а если был монах или вдовец, то пользовался обедом вместе с хозяином*****. Сверх священника жил в таких дворах крестовый дьяк домашней церкви, заведовавший ее устройством. Наконец, в некоторых зажиточных домах жили сироты, мальчики и девочки, которых благочестивые отцы семейств воспитывали и обучали какому-нибудь занятию, а по достижении совершеннолетия отпускали, что называлось благословлять в мир*****.

* А.Ю., 53.

** А.,отн. до ю. б., 1,711.

*** La Relig.des Mosc, 87.

**** А, отн. до юр. б., 1, 462.

***** Кош., 119.

***** Врем., I. Домостр., 109.

Все это вместе уясняет систему построек старинных дворов, заключавших в себе по несколько изб. Но то, что составляло общее достояние сколько-нибудь зажиточного человека, это -- множество слуг при дворе. Богатые и знатные держали у себя огромное число прислуги мужского и женского пола, иногда число их превышало пятьсот, а у важных лиц доходило даже до тысячи. Господа измеряли честь и значение свое огромным количеством дворни. Это были или вечные холопы проданные, или сами себя продавшие в рабство потомством, или военнопленные, или кабальные, то есть такие, которые, занимая деньги, обязывались служить вместо платежа процентов, или отданные в кабалу по суду за неплатеж долга, или, наконец, беглые люди, то есть посадские, убежавшие от тягла,

служилые, бежавшие из службы, и, наконец, чужие холопы и крестьяне, перебегавшие от одного господина к другому.

Всякий господин старался населить свой двор преимущественно мастеровыми и вообще умелыми людьми. По их занятиям и сведениям давались им должности. То были повара, приспешники, хлебники, квасовары, портные, столяры, сапожники, кузнецы, коновалы, швеи, сторожа и проч*.

* А. И., II, 176.- Вор. Акты, I; Petr., 313.

У знатных господ были люди, вооруженные луками, стрелами и самопалами, в белых и серых епанчах, в татарских шапках: они исполняли должность телохранителей. Но кроме деловых людей были еще толпы слуг, которые не имели определенных занятий и в самом деле ничего не делали. Обыкновенно двое из слуг были главноначальствующими лицами: ключник и дворецкий. Ключник был главный распорядитель, иногда значивший у господина больше, чем жена и родня, жившая в дворе. Не занимаясь хозяйством, господин отдавал ключнику на руки все домоуправление.

Он был приходорасходчик, заведовал клетями и всеми строениями, держал у себя поверенные ему ключи и от этого получал наименование своего звания. Господин выдавал ему содержание иногда за неделю, а иногда за месяц вперед. По окончании срока господин поверял его, при проверке вычитал то, что ему следовало на проест, и сверх того дарил за службу. Другое начальственное лицо из двора -- дворецкий, заведовал вообще всеми дворовыми людьми, доносил обо всем случившемся в дворе господину, разбираал разные случаи спора между слугами, наказывал их по приказанию господина. Некоторые из слуг приобретали особенную доверенность и благосклонность господина; уверившись, что на них можно положиться, он отправлял своих холопов для управления вотчинами, делал им поручения по торговле или по хозяйству. Прислуга женского пола находилась под управлением хозяйки, если муж доверял ей; в противном случае ею заведовала какая-нибудь из женщин, обыкновенно жена ключника. Одна из прислужниц была приближенная к госпоже и называлась ее постельницею. Кормилицы и няньки детей были большею частью из прислуги и пользовались пред

другими особенным почетом. Одни из служанок -- обыкновенно девицы -- занимались исключительно вышиваньями вместе с госпожою и другими особами хозяйского семейства женского пола, другие -- обыкновенно замужние -- исправляли черные работы, топили печи, мыли белье и платье, пекли хлебы, приготавливали разные запасы, третьим отдавалась на уроки пряжа и тканье. У лиц, живших нераздельно с хозяином, прислуга была общая. В распорядках домашнего быта у домохозяев соблюдались такие же обычаи, как в царской придворной жизни: главный хозяин в своем дворе играл роль государя, и в самом деле назывался государем: слово это означало домовладыку, другие члены семейства находились у него в таком же отношении, как родственники царя; слуги были то же, что служилые у царя, -- и потому-то все, служащие царю, начиная от бояр до последних ратных людей, так как и слуги частного домохозяина, назывались холопами. Господин, как царь, окружал себя церемониями; например, когда он ложился спать, то один из слуг стоял у дверей комнаты и охранял его особу. Господин награждал слуг и оказывал им свое благоволение точно так же, как поступал царь с своими служилыми: жаловал им шубы и кафтаны с своего плеча или лошадей и скотину, посылал им от своего стола подачу, что означало милость. То же делала госпожа с женщинами: одних примолвляла, т.е. награждала ласковым словом, других дарила или посылала им подачу с своего стола. При дворе частных домохозяев, как и при дворе царском, сохранялся обычай отличать заслуги и достоинство слуг большим количеством пищи. При огромном количестве слуг в дворе богатого господина существовали приказы, такие точно, как в царском управлении государством, под главным контролем ключника и дворецкого, как сказано выше. Прислуга вообще разделялась, как служилые царские люди, на статьи: большую, среднюю и меньшую. Принадлежавшие к большей статье получали большее содержание; некоторые получали, сверх одежды, денежное жалованье от двух до десяти рублей в год, другие же одежду, некоторые одно содержание. Домострой советует, чтоб слуги по возможности были сыты государским жалованьем и одеты своим рукодельем. Таким образом, им давалось льготное время, которое служилые люди употребляли для приобретения себе одежды. Вообще слуги у русских господ ходили в изорванных одеждах, но когда нужно было показаться пред гостями,

им выдавалось платье, лежавшее в клетях; ключник по приказу господ выдавал им его, а они впоследствии обязаны были воротить все в целости, в противном случае подвергались побоям. В этом отношении в господских домах делалось то же, как в царском дворе, где в важное время приема иноземных послов служилым людям выдавалось платье и потом отбиралось.

Женатые служилые жили отдельно в избах; несколько семей помещались в одной и получали на содержание месячину; холостые и девки обыкновенно жили при господской поварне, мыльне, конюшне, сараях, в людских избах, для того построенных; девушки, занимавшиеся вышиваньем, спали в сенях и от этого назывались сенными. Господа соединяли парней и девушек браком, часто против их желания, и праздновали их свадьбы у себя в доме: это доставляло для господ развлечение в однообразной их жизни. Содержать хорошо слуг считалось делом богоугодным, наравне с милостынею. В наших старых книгах благочестивого содержания были нравоучения такого рода: *имейте рабы свои, аки братию и рабыни аки сестры себе, яко и те семя адамле ест**.

* Румянц. Сборы., 359.

По большей части прислуга содержалась дурно, даже и там, где хозяин имел благие намерения в отношении своей дворни: потому что ключники и дворецкие, выбранные господином из них же, заведывая их содержанием, старались половину положить в свой карман. Во многих боярских домах многочисленную дворню кормили дурноиспеченным хлебом и тухлою рыбою, мясо редко они видели, и самый квас давался им только по праздникам. Голодные и оборванные и при этом ничем не занятые, они шатались по городу, братались с нищими, просили милостыни и часто по ночам нападали на прохожих с топорами и ножами или запускали в голову им кистени, производили пожары, чтоб во время суматохи расхищать чужое достояние. Господа смотрели на такие поступки своих рабов сквозь пальцы*.

* Mejerb., 139.- Str., 197, 199.

Вообще господа обращались с своими слугами деспотически и охотнее следовали таким пастырским нравоучениям, как, напр.: "Аще ли раб или рабыни тебя не слушает и по твоей воле не ходит то плети нань нещади"* , чем таким, где заповедовалось господам считать рабов за братьев. Нередко случалось, что господин насиловал своих рабынь, не обращая внимания на их мужей, растлевал девиц; случалось, что убивал до смерти людей из своей дворни, -- все ему сходило с рук**. Самые слуги не имели понятия, чтоб могло быть иначе, и не оскорблялись побоями и увечьями: за всяким тычком не угоняешься -- гласит пословица; рабу все равно было, справедливо ли или несправедливо его били: господин сыщет вину, коли захочет ударить, -- говорили они. Те слуги, которые не составляли достояния господ, коими присуждены были к работе за деньги или же отдавши себя во временную кабалу, не только не пользовались особенными льготами от безусловной воли господ, но даже подвергались более других побоям и всякого рода стеснениям***. У русских было понятие, что служить следует хорошо тогда только, когда к этому побуждает страх, -- понятие, общее у всех классов, ибо и знатный господин служил верою и правдою царю, потому что боялся побоев; нравственное убеждение вымыслило пословицу: за битого двух небитых дают. Самые милосердые господа должны были прибегать к палкам, чтоб заставить слуг хорошо исправлять их обязанности: без того слуги стали бы служить скверно****.

* Пог. Собр., 1228.

** А., отн. до юр. быта, I, 558.

*** Колл., 34.

**** Барбер., 32.- Olear., 797,- Strauss, 194.

Произвол господина удерживался только тем, что слуги могли от него разбежаться, притом обокравши его, и другие не пойдут к нему в кабалу. Напротив, господин славился тем, что хорошо кормил слуг. Русские не ценили свободы и охотно шли в холопы. В XVII веке иные отдавали себя рубля за три на целую жизнь. Получив деньги, новый холоп обыкновенно пропивал их и проматывал и потом оставался служить хозяину до смерти. Иные же, соблазнившись деньгами, продавали себя с женами, с детьми и со всем потомством. Иногда же

бравшие деньги закладывали заимодавцу сыновей и дочерей, и дети жили в неволе за родителей. Были и такие, которые поступали в холопы насильно: еще до воспрещения перехода крестьянам помещик нередко обращал их в холопы. В XVII веке служилые люди торговали самым возмутительным образом женским полом в Сибири. Они насильно брали беспомощных сирот девиц, иногда сманивали у своих товарищей жен, делали на них фальшивые крепостные акты и потом передавали из рук в руки, как вещь. Толпы слуг вообще увеличивались во время голода и войны; во время голода потому, что многие из дневного пропитания отдавали себя навеки в рабство, а во время войн дворяне и дети боярские, убегая от военной службы, записывались в холопы, а те, которые возвращались с войны, приводили домой военнопленных, которых обращали в рабство: таким образом, в классе холопов было много поляков и литовцев; их заставляли насильно принимать православие и насильно женили или выдавали замуж. Правительство в XVII веке хотело оградить военнопленных от жестокого жребия и потому запрещало обращать их в рабство. Уложение предоставляет свободу тем из пленников, которые сами не пожелают остаться. Раб в полном нравственном смысле этого слова, русский холоп готов был на все отважиться, все терпеть за своего господина и в то же время обмануть его и даже погубить. Когда господа между собою ссорились, их люди, встретившись где-нибудь в веселом месте, напр. в корчме или в кабаке, заводили споры и драки за честь своих господ; это переходило иногда в большие размеры, когда людей у господина было очень много или же крестьяне точно так же принимали участие. Люди и крестьяне враждующих между собою владельцев нападали друг на друга по дорогам, делали набеги за границы, били друг друга, поджигали, неистовствовали всякими способами*. Зато в то же время толпы рабов были злом для своих господ; в доме они заводили между собою смуты, драки и убийства, иногда из мщения к господину доносили на него, обвиняя в злоумышлении на царя, и даже выдерживали пытку, которой их предавали. Очень часто холопы обкрадывали господ и убегали; иные молодцы тем и промышляли, что, давши на себя кабалы, проживали несколько времени у тех, кому их давали, потом обкрадывали своих хозяев, убегали от них, приставали таким образом к другим, к третьим. Правительство приказывало господам не принимать никого в холопы

без отпускных, но этого приказания не все слушались; притом же многие молодцы являлись с нарядными (фальшивыми) отпускными. Нередко тем дело не оканчивалось, что кабальный обкрадет хозяина да уйдет от него; удалыцы сталкивались с подобными себе приятелями, поджигали дома и дворы своих господ, иногда убивали или сжигали их самих с женами и детьми, а потом бежали на Дон или на Волгу. Когда помещик отправлялся на войну и оставлял управление своего дома старикам и женщинам -- тут своеволие дворни не находило пределов; часто, воротившись на родину, помещик их находил весь свой дом в разорении и запустении. Кроме множества слуг, в господских дворах проживали иногда нищие, призреваемые из милосердия, в надежде этим угодить Богу. Они носили название богомольцев. Этот обычай существовал и у царей, у которых жили так называемые верховые богомольцы, обыкновенно старые, увечные воины, потешавшие государя в часы вечерних досугов рассказами о приключениях своей молодости, проведенной в брани и опасностях**.

* Улож., гл. XI, 134.- А. А. э., II, 258.- П. С. 3., I, 732.

** Доп., I, 398. III, 138, 318. IV, 246, 261.- П. С. 3., I, 360.- Улож., гл. XX.- А. И., I, 327. II, 176, 220.- А., отн. до юр. б., I, 15, 377, 411, 558, 574, 615.- С. г. гр., III, 240.- Врем., I. Домостр., 15, 52, 83.- Herberst., 34, 54.-Fletch., 28.- Chensl., 251.-Оп. Шуи, 391.-А. г. Шуи, 70.- Olear., 197, 207.- Petr., 313. -- Mejerb., 166. Коших., 61.

Представленная здесь картина домашнего образа жизни была возможна только у зажиточных господ. Нельзя сказать, чтоб таких хозяев было много: несмотря на пышность, господствующую в показной стороне русской жизни, и домашней и общественной, вообще Великая Русь была страна бедная; ее богатства лежали в земле нетронутые, а те, которые обращались в обществе, распределялись неблагоприятным для массы народа образом. Самые бояре и знатные люди не так были богаты, как то казалось. Для них не было никакого ручательства против произвола. Грозный у многих богатых вельмож отнимал родовые имения, чтоб искоренить в них чувство предкового права, и взамен давал поместья в отдаленных провинциях, где владельцы не могли уже получать прежних доходов*. Кроме воли царя, для всех всемогущей, как воля Неба, всегда существовали

обстоятельства, неблагоприятные для упрочения состояния. Дворяне и дети боярские беспрестанно жаловались на тягость службы и разорения своих имений. Когда приходилось идти на службу, мать или жена дворянина отдавали в залог свои наряды, чтоб снарядить на войну мужа или сына. Много обедневших дворян, детей убитых на царской службе, скитались без насущного пропитания. Интерес казенный или царский поглощал все интересы. Начнет ли торговый и промышленный человек жить с устроением (с комфортом) -- на него навязывают какую-нибудь разорительную должность вдалеке от его обычного места жительства. Начнет ли допускать в образе жизни устроение приказный человек -- его подозревают в плутовстве, запутывают в какое-нибудь дело, касающееся интересов казны, и обирают или засылают куда-нибудь на службу, где он прослуживается. Но в особенности тяжело было состояние сельского крестьянского класса. Пять дней работал крестьянин на господ, а ему оставался один только день в неделю да праздники**, и поэтому крестьяне находились в плачевном положении, так что у многих ничего нельзя было сыскать дома, кроме овчинного тулупа, коровы да лошади, и то были люди еще не последней бедности. На севере три лошаденки и три коровы были признаком зажиточного поселянина; если же кроме этого крестьянин имел три свиньи, две козы, пять пар овец да несколько кур и уток, тот уже был богачом***.

* Fletch., 28.

** Das Gr. Reich, von Mosc.

*** А. А. э., I, 192.

Летом крестьяне пахали, косили, жали, зимою молотили, рубили и пилили лес и дрова или скитались и просили милостыни. Это было обыкновенное явление во время неурожаев, потому что тогда не принимали никаких мер против них, а они были часты. Преследуемые налогами, поборами, гоньбами, отдачею людей в войско, разными повинностями, государственными и владельческими, при случившемся неурожае, они часто умирали с голоду или в отчаянии разбегались врознь: пустыли целые уезды. Многие толпами уходили в Сибирь. Крестьяне, жившие у детей боярских и у дворян, были особенно обременяемы, и за то, когда господа их уходили на службу,

разбегались, и, воротившись в имение со службы, владелец нередко находил его пустым. Отыскивание крестьян для владельцев было так же затруднительно, как и отыскивание холопов, в особенности тогда, когда крестьяне приставали к знатым владельцам; притом же, отыскавши и утвердивши вновь за собою крестьянина, владелец не всегда получал от этого выгоды, часто выходило наоборот: крестьяне подговаривали и других к новому бегству и тогда же сжигали владельческую усадьбу из мщения. Повсюду ходили так называемые бобыли и захребетники, то есть люди, не имевшие у себя ничего, кроме того что могло быть носимо за плечами; шатались не одни крестьяне, шатались и посадские: одни под именем старцев из монастыря в монастырь, другие -- нищею братиею, ибо общество, безжалостное к нуждам и скудости семейств, было милостиво для нищего, хотя неоднократно случалось, что такая нищая христова братия сталкивалась с боярскими холопами и производила пожар, чтоб потом грабить и красть в суматохе*.

* А. И., II, 167. IV, 537. V, 120.- Доп., III, 114. IV, 177.

ГЛАВА XV

Выезд из дома и путешествие

По старинным понятиям русских, ходить пешком для важного человека считалось предосудительным и неприличным, и хотя бы нужно было сделать несколько шагов от двора по улице, боярин или значительный дворянин почитал необходимым для поддержания своего достоинства ехать, а не идти. Мужчины по городу ездили летом верхом, зимою в санях. Русские седла делались из дерева и сухих жил; они были низкие, плоские, стремяна короткие; седло клалось на чепрак, который накладывался на попону и покровец. Края попоны или покровца выказывались из-под чепрака и поэтому красиво убирались; чепрак украшался различно, смотря по достатку и по случаю выезда. Седла чаще всего были обиты сафьяном с золотыми узорами, иногда же бархатом; луки позолачивали. Чепрак покрывался всегда другою материею. Узды делались с серебряными ухватами и с серебряными оковами на морде лошади и, сверх того, снабжались серебряными, иногда позолоченными цепочками, издававшими звуки при каждом движении лошади. Под морду лошади подвешивались ожерелья, составленные из ремней, унизанных серебряными, у богатых -- даже золотыми бляхами; ближе к голове лошади эти ожерелья были уже, а к концу расширялись до двух пальцев шириною; на ногах сверх копыт у верховой лошади привешивали маленькие колокольчики, а сзади у седла прикрепляли небольшие литавры, медные или серебряные: всадник ударял в них бичом для возбуждения охоты в лошади и для того, чтоб проходящие давали дорогу. Бичи делались из татарской жимолости (привозимой с берегов Волги); ручка их обделывалась медью или моржового костью. Молодцы, сидя верхом, гарцевали и красовались тем, что, ударяя в литавры,

заставляли лошадь делать внезапный прыжок, и при этом кольца, цепочки и колокольчики на ногах лошади издавали звуки.

Зимние мужские сани обыкновенно запрягались в одну лошадь и покрывались медвежьего шкурою, называемою медведно, а сверху закрывались полстью. Эта полсть была часто из простого войлока, а иногда суконная, с образцами или нашивками из бархата и другой какой-нибудь дорогой материи; к краям полсти привешивались ремни или снурки другого цвета, чем самая полсть, и обыкновенно одинакового с образцами. У знатных самые сани обивались атласом или адамашкою. На спинку саней, вообще не очень высокую, клали персидский или турецкий ковер; края его свешивались назад: в этом поставляли щегольство. Вообще русские сани были невелики, делались для одного только человека, редко для двух, но не более; они имели часто форму лодки с краями, загнутыми и спереди и сзади. Кучер -- обыкновенно молодой парень -- сидел верхом на той же лошади, которая везла сани, опираясь на дугу, невысокую и наклоненную назад. Голова лошади убиралась цепочками, колечками, разноцветными перьями и звериными хвостами -- лисьими, волчьими или собольими. Когда господин усаживался в сани, то у ног его становились на тех же санях два холопа; несколько холопов шло по бокам, а сзади бежал мальчик-козак. Царь Алексей Михайлович ездил парадно к обедне в санях, представлявших вид длинного ящика, который суживался к ногам, а с задней части сделаны были уступы, как полки в бане; сани были запряжены в одну лошадь, украшенную разными побрякушками и перьями. Два ближних боярина стояли на запятках, а два стольника -- по обеим сторонам царя, у его ног, на полозьях и поддерживали полсть. По сторонам шла толпа придворных и стрельцов с ружьями. Все были без шапок, и только ближние бояре держали их в руках*.

* Mejerb., 101, 198,- Барбер., 37, 51.- Olear., 48, 205.-Carlisle, 337,- Nad., 351.- Врем., XIII, 8,- А. И., И, 72,- Кильб., 32.

Кроме обыкновенного старинного способа ездить в санях на одной лошади, в XVII веке начали ездить в несколько лошадей в каретах и зимою и летом. В 1681 году было указано, что только бояре могут ездить на двух лошадях, а в праздники -- на четырех, во время

же свадеб и сговоров -- на шести. Все прочие, не исключая и стольников, должны ездить летом непременно верхом, а зимою в санях на одной лошади*. Вообще, езда в санях считалась почетнейшею езды на колесах; в торжественных случаях сани употреблялись и летом, особливо духовными лицами. Так, патриарх иерусалимский, приезжавший в Москву для посвящения в патриархи Филарета, ехал в Успенский собор в санях, хотя это было 24 июня. Архиереи обыкновенно езжали к обедне в санях и летом, как и зимою: спереди служба нес посох, позади шли служки**.

* С. Г. Гр., IV, 395.

** Доп., II, 215.

Жены и особы женского пола семейств боярских и дворянских ездили в закрытых экипажах и летом и зимою. Летние назывались колымаги, зимние каптаны. Колымаги делались на высоких осях, иногда с лестницами, иногда же вовсе без ступеней, как летние, так и зимние. Внутри они обивались красным сукном или червчатым бархатом и закрывались по бокам суконными или шелковыми занавесами, иногда с дверцами в них; в эти дверцы вставлялись маленькие слюдяные окна, задернутые занавесками. Боковые занавесы пристегивались плотно к краям экипажа, так чтоб ветер никаким образом не мог распахнуть их. У некоторых знатных особ такие экипажи были чрезвычайно богаты; например, у боярина Морозова была карета, ограбленная народом во время бунта: снаружи она была обложена золотом, обита внутри соболями высокого достоинства с окованными серебром колесами*.

* Olear., 255.- Коших., 14.- Das Gr. Reich, von Mosc, 208.

Закрытая отовсюду, знатная госпожа сидела в своей колымаге или каптане на подушке; у ног ее сидели рабыни. Таковую колымагу или каптану везла обыкновенно одна лошадь; но случалось, что знатные лица ездили и на нескольких: тогда лошади припрягались одна к другой не рядом, как делается теперь, а гуськом, одна спереди другой; построжки между последнею и предпоследнею на краю поезда были вдвое длиннее, чем между предшествовавшими. Лошади

обвешивались еще наряднее, чем в мужских поездах, волчьими, лисьими, соболями хвостами, кольцами, цепочками и круглыми шариками, в виде львиной головки, и покрывались попонами из бархата или обьяри, обложенными золотую и серебряною бахромою с кистями по углам. Кучер или сидел верхом на одной из лошадей, или шел пешком; вожжей у него чаще всего не было вовсе, а иногда они привешивались; идя возле лошадей, кучер помахивал арапником из заячьей кожи с набалдашником из сайгачьего рога. По бокам шли тридцать или сорок холопов, называемых скороходами. В числе их нередко находились и такие, которым, по приказанию господина, поручалась обязанность быть аргусами госпожи и смотреть, чтоб как-нибудь ее взоры чрез приподнятую занавеску не встретились со взорами молодых людей, способных, при случае, на всякую наглость. Если, таким образом, проезжалась сама царица, то экипаж ее везли двенадцать лошадей белой масти; с нею сидели боярыни; сзади провожали ее придворные рабочие женщины и прислужницы (мастерицы и постельницы), сидя на лошадях верхом по-мужски. Обычай женщин садиться верхом на лошадь по-мужски был в старину в среднем классе народа, но стал выходить в XVII веке*.

* Барбер., 50.- Olear., 215, 217, 255.- Petr., 307.- Коших., 26.- Кильб., 13.- Доп., IV, 103.

Лошади в Москве были в употреблении татарские, пригоняемые во множестве из Астрахани и ее окрестностей ежегодно. Они не отличались ни красотой, ни статностью; напротив, были даже дурны собою, узкобрюхие, с тяжелой головой, с короткой шеею, зато очень крепкие, бежали скоро и сносили всякий труд. Но так как эти достоинствагодились не столько для городской езды, сколько для дорожной, то у богатых были лошади персидские и арабские, очень красивые, хотя, по замечанию иностранцев, дурно выезженные. Русские щеголяли особенно белыми лошадьми. У зажиточных хозяев во дворах было всегда много лошадей разных разрядов: одни были исключительно верховые; другие запрягались в сани и назывались санники; третьи носили имя колымажных, потому что закладывались только в летние экипажи; четвертые служили для посылок и разъездов*.

* Коших., 65.- Olear., 28.- Mejerb., 101.

В дорогу отправлялись зимою в санях; женщины в закрытых каптанах; обыкновенно сани везли две лошади. Протяжения измерялись верстами: в версте считалось тысяча сажен; но в XVII веке возникла новая верста -- в 700 сажен; кроме того, существовала приблизительная мера днищами, употребительная в малонаселенных краях России. Русские дорожные сани были четвероугольной формы, напоминавшие собою гроб, назади шире, напереди уже. Их делали по большей части из древесной коры или лубья и предпочитали деревянным по легкости. Собственно мужские сани были нешироки и очень длинные, так что можно было лечь в них свободно человеку, а иногда и двум рядом. Сзади их обивали рогожею, на боках кожами и закрывали сверху мехами. Отправляясь в дорогу, русский одевался как можно теплее и сверху набрасывал епанчу -- в предохранение от снега и дождя; на голове у него была шапка, покрытая и подбитая мехом, на руках теплые рукавицы, на ногах меховые ноговицы, а за пазухой на цепочке или на ремне скляница с вином; сверху он укрывался медведном, или медвежьего шкурою. Путешественник вылезал из своей берлоги один раз в сутки поесть. Запасы хранились в тебеньках. Женские дорожные сани были такой же формы, снабжались по сторонам жердями, постановленными перпендикулярно со всех сторон по краям, на них навешивалось сукно; сани закрывались им сверху и с боков, и только на одной стороне оставалась для выхода задернутая узкая пола. Сани женские делались гораздо шире мужских, так что в них можно было сидеть и лежать двум или трем женщинам вместе, потому что госпожа не ездила без прислужниц.

Зимний путь считался удобнее и легче летнего, и все иностранцы отдавали честь скорой езде зимою. Только с начала зимы встречались неудобства, когда пролагались вновь зимние дороги; раз проложенная тропа оставалась в первоначальном виде на всю зиму. Если мужику случалось проехать в начале зимы и он выбирал непрямую дорогу, колея эта не изменялась, потому что искать новых путей по сугробам было опасно. При езде на ямских упряжки были очень велики, например, шестьдесят, семьдесят верст и более; однако русские ямщики бежали без отдыха, особенно когда возили царских гонцов.

Чтоб частному человеку ехать на ямских, нужно было взять подорожную: и его везли скоро и дешево, потому что подорожные в старину наводили страх. Когда ямщики везли по подорожной, то кричали и свистали в дудочки, давая этим знать, чтоб все встречные сворачивали с дороги, а опоздавшим отвешивали по спинам удары кнутом. Проехавши каждую версту, ямщик давал об этом знать пронзительным криком: верста! Подъезжая к яму, начинал ямщик свистать сквозь зубы и этим подавал знак; услыша сигнал, в яму начиналась беготня: одни выводили лошадей, другие несли упряжь. Вообще по подорожной ямщики брали до двух рублей за 350 верст. Что касается до частных лиц, если они не имели протекции для того, чтоб приобрести подорожную, то должны были нанимать частных ямщиков, которых везде было много; но тогда езда обходилась дороже.

Летом езда была несравненно хуже, ибо русские дороги представляли во все лето не только неудобства, но и опасность для жизни, не говоря уже о весне, во время водоразлития, когда целые села казались плавающими. Починка дорог возлагалась на жителей по сошному делению под надзором руководителей, называемых жожами, при выборных целовальниках, -- они обязаны были мостить мосты и гати, заравнивать овраги; но повинности эти исправлялись очень небрежно, и дороги были до крайности дурны. Проезжие летом старались избегать сухопутных поездок и чрезвычайно мало ездили, особенно с женщинами; самые ямщики летом пренебрегали своими обязанностями, и проезжий, достигавший яма, мог дожидаться несколько часов, пока соберут ямщиков и приведут лошадей из табуна или с полевых работ. У кого не было своего летнего экипажа, тому давался воз, покрытый рогожею; ковер и подушку проезжающий должен был возить с собою. По причине всех этих неудобств охотнее и чаще ездили по рекам на судах, которые можно было найти с гребцами везде, где дорога прилегала к реке; с казенною подорожною можно было пользоваться казенными стругами и гребцами, точно так же как ямщиками и их лошадьми. Величина стругов и количество гребцов на них соразмерялись с шириною реки и протяжением пути от одной пристани до другой. Струги, на которых усаживалось много пассажиров, напр. человек пятьдесят или шестьдесят, делались широкие, с одной мачтой и обыкновенно с шестнадцатью веслами; под палубой устраивались клетки и перегородки для пассажиров и их

багажа. К мачте привязывался огромный холщовый парус, распускаемый во время попутного ветра. Вместо руля употреблялся длинный и широкий шест, опущенный в воду; другой его конец прикреплялся к шесту, который утверждался неподвижно на струге. Рулевой шест имел при своем окончании две рукояти; когда нужно было поворотить струг, кормщик действовал посредством веревок, которые обвязывались около этих рукояток*. На волоках, то есть на переездах от одной реки до другой, стояли наготове ямщики для найма проезжающим и для возки тяжестей.

* De Bruyns, 76.

Величайшее неудобство русских дорог, как зимних, так и летних, было отсутствие гостиниц и всякого рода пристанищ для путешественников. Правда, кое-где при монастырях существовали гостиницы, служившие иногда облегчением для путешественника, но не могли входить в условия повсеместных дорожных удобств. Зимой останавливались в крестьянских избах, большею частью курных, где нестерпимый жар и вонь приводили в трепет иностранцев, но мало беспокоили русскую натуру. Летом не заходили в строения вовсе и готовили себе пищу на воздухе. Как зимою, так и летом проезжий брал с собою большой запас хлеба, сушеного мяса, рыбы, сала, меду, а другие припасы набирал от города до города*.

* А. И., II, 25. III, 107, 210. IV, 365.- А. А. э., I, 431.- Доп., III, 99, 103. IV, 13. -- С. Г. Гр., II, 61. -- Врем., XIII. Расх. кн. Никона.- Русск. Вестн., 1851, IX, 606.- Барбер., 38.- Petr., 283, 312, 319.- Olear., 152.- Borrow., 309.- Crull., 154.-De Bruyns, 19.

ГЛАВА XVI

Прием гостей, -- Обращение

В приеме гостей русские наблюдали тонкие различия сословных отношений. Лица высшего звания подъезжали прямо к крыльцу дома, другие въезжали на двор, но останавливались на некотором расстоянии от крыльца и шли к нему пешком; те, которые почитали себя гораздо низшими пред хозяином, привязывали лошадь у ворот и пешком проходили весь двор -- одни из них в шапках, а другие, считавшиеся по достоинству ниже первых, с открытой головою. В отношении царского этикета были подобные же различия: одни имели право только въезжать в Кремль, другие останавливались у ворот царского двора, и никто, под опасением кнута, не смел провести через царский двор лошади. Со стороны хозяина встреча гостя также соразмерялась с его сословным достоинством. Важных гостей сами хозяева встречали у крыльца, других в сенях, третьих в комнате. Существовал обычай делать несколько встреч прибываемым гостям. Таким образом, у ворот гостя встречает лицо низшего звания в доме; в другом месте, напр. у крыльца, другое лицо, выше первого; в третьем -- еще высшее или сам хозяин. На этом обычае устраивали при дворе почетные встречи: в одном месте встречал гостя стольник, в другом сокольничий, в третьем боярин. Когда отец Михаила Феодоровича, Филарет Никитич, возвратился из плена, то ему устроено было три встречи на дороге: первая в Можайске, вторая в Вязьме, третья в Звенигороде, где уже встречал его сам царь. Так же точно и по приезде его в Москву к церкви у саней встретили его архиепископ с двумя архимандритами, у дверей -- митрополит с архимандритами и двумя игуменами, а в церкви -- митрополит по степени достоинства выше предыдущего*.

* Доп., II, 215.- С.Г. Гр., III, 184.

В отношении права входить во дворец -- одни, ближайшие люди, пользовались правом входить в комнату государя; другие, ниже первых, только в переднюю; третьи ожидали царского выхода на крыльце; а люди меньших чинов не смели взойти и на крыльцо.

Подобные оттенки различия в приеме гостей наблюдались у частных лиц. Вообще старшие не ездили в гости к младшим; на этом основании и царь никогда не посещал подданного. Но если к хозяину приезжал гость, которого хозяин особенно чествовал и который по служебным, семейным или общественным условиям требовал уважения, хозяин расставлял слуг встречать гостя: например, у ворот его встречал дворецкий, у крыльца -- сын или родственник хозяина, а потом, в сенях или передней -- хозяин в шапке или с открытой головою, смотря по достоинству гостя. Других же гостей не встречали; напротив, сами гости ожидали выхода хозяина в передней. Вежливость требовала, чтоб гость оставил в сенях свою палку, и вообще -- говорить, держа в руке палку, а тем более опершись на нее, считалось невежеством. Сняв шапку, гость держал ее в руке с платком в ней. Вошедши в комнату, гость должен был прежде всего креститься, взирая на иконы, и положить три поясных поклона, касаясь пальцами до земли, потом уже кланяться хозяину; в поклонах ему соблюдалась также степень уважения к его достоинству. Таким образом, пред одними только наклоняли голову, другим наклонялись в пояс, пред третьими вытягивали руки и касались пальцами до земли; те же, которые сознавали свое ничтожество пред хозяином или зависимость от него, становились на колени и касались лбом земли: отсюда выражение "бить челом". Равные и приятели приветствовали друг друга подачею правой руки, поцелуем и объятиями, так что один другого целовали в голову и прижимали к груди. Хозяин приглашал гостя садиться или говорил с ним стоя, также соразмеряя степень его достоинства: на этом основании, не приглашая гостя садиться, и сам или стоял, или сидел. Самое почетное место для гостя было под образами; сам хозяин сидел по правую сторону от него. Гость из сохранения приличия воздерживался, чтоб не кашлять и не сморкаться. В разговоре наблюдалось тоже отношение достоинств гостя и хозяина; так, приветствуя светских особ, спрашивали о здоровье, а монахов о спасении; одним говорили вы, а себя в

отношении высших лиц называли мы; произносили разные записные комплименты, величая того, к кому обращались, а себя унижая, вроде следующих: "Благодетелю моему и кормилицу рабски челом бую; кланяюсь стопам твоим, государя моего; прости моему окаянству; дозвожь моей худости". В обращении с духовными в особенности изливалось тогдашнее риторство: говоривши с каким-нибудь архиереем или игуменом, расточали себе названия грешного, нищего, окаянного, а его величали православным учителем, великого света смотрителем и пр.* Вообще, желая оказать уважение, называли лицо, с которым говорили, по отчеству, а себя уменьшительным полуименем. Было в обычае гостю предлагать что-нибудь съестное во всякое время, а особенно водку и какие-нибудь лакомства, как, например, орехи, фиги, финики и проч. Прощаясь, гость обращался прежде всего к образам, полагал на себе троекратно крестное знамение с поклонами, потом целовался с хозяином, как и при входе в дом, если хозяин его удостоивал этим по достоинству, и, наконец, уходя, опять знаменовал себя крестом и кланялся образам. По мере достоинства хозяин провожал его ближе или далее порога.

* Доп., I, 27, 31.

В обращении с низшими себя по большей части русский был высокомерен, и часто тот, кто унижался и сгибался до земли перед старшим, вдруг делался надменен, когда богатство или важная должность отдавали ему в зависимость других. В русском характере было мало искренности; дружба ценилась по выгодам; задушевные друзья расходились, коль скоро не связывала их взаимная польза, и часто задняя мысль таилась за изливаниями дружественного расположения и радушным гостеприимством. Довольно было любимцу государя приобрести царскую немилость, чтоб все друзья и приятели, прежде низко кланявшиеся ему, не только прекратили с ним знакомство, но не хотели с ним говорить и даже причиняли ему оскорбления. Так, заточенную в монастырь великую княгиню Соломону оскорбляли не только словами, но и побоями*.

* Olear., 189, 205.- Mejerb., 75,- Herberst., Ю.- Tuberv., 435.- Барбер., 33.

В русском обращении была смесь византийской напыщенности и церемонности с грубостью татарскою. В разговоре наблюдались церемонии и крайняя осторожность; нередко случалось, что невинное слово принималось другими на свой счет; отсюда возникали тяжбы, которых смысл состоял только в том, что один про другого говорил дурно*; с другой стороны, при малейшей ссоре не было удержу в самых грубых излияниях негодования. Обыкновенно первое проявление ссор состояло в неприличной брани, которая до сих пор, к сожалению, составляет дурную сторону наших нравов; эта брань до того была обыкновенна, что позволяли ее себе духовные лица, даже монахи, и притом в самой церкви**. Самые женщины и девицы следовали общему обыкновению***, и даже дети, -- говорит Олеарий, -- рассердившись на родителей, повторяли слышанное ими от взрослых, а родители не только не останавливали их, а еще и сами бранили их так же. Церковь преследовала это обыкновение, и духовные поучали, чтоб люди друг друга не лаяли позорною бранью, отца и мать блудным позором и всякою бесстыдною, самую позорною нечистотою языки свои и души не сквернили****. Неоднократно цари хотели вывести русскую брань кнутом и батогами. При Алексее Михайловиче ходили в толпах народа переодетые стрельцы и, замечая, кто бранился позорною бранью, тотчас того наказывали*****. Разумеется, эти средства были недействительны, потому что сами стрельцы в свою очередь не могли удержаться от крепкого словца. Впрочем, очень часто вспыхнувшая ссора тем и ограничивалась, что обе стороны поминали своих родительниц и не доходили до драки; а потому брань сама по себе не вменялась и в брань: "Красна брань дракою" -- говорит пословица. Если же доходило дело до драки, тут русские старались прежде всего вцепиться один другому в бороду, а женщины хватать одна другую за волосы. Поединки на саблях и пистолетах, обычные на Западе, у русских были совершенно неизвестны. У нас были своего рода дуэли: поссорившись между собою, люди садились на лошадей, нападали друг на друга и хлестали один другого бичами. Другие бились палками и часто друг друга убивали до смерти; но самая обыкновенная русская драка была кулачная: противники старались всегда нанести один другому удары или прямо в лицо, или в детородные части*****. Смертные случаи

были нередки, но уменьшались с тех пор, как прекратились судебные поединки на палках и дубинах. Зато в XVII веке развилось другого рода мщение -- доносы, средство часто очень удачное. Стоило подать на недруга ябеду, чтобы втянуть его в разорительную тяжбу; хотя и самому приходилось терпеть, но зато такая тяжба имела некоторым образом характер поединка. Иногда из злобы подкладывали к недругу вещь, потом подавали челобитную о пропаже этой вещи и изъявляли подозрение, что она у того-то; производился обыск, и вещь находилась: тут начинался длинный процесс тяжбы, сопровождаемый пытками*****.

* Mejerb., 66,- Оп. Шуи, 945.

** Ворон, акты, I, 158.-А. II., III, 319.- Стогл., в. 29.

*** Москвит. 1848, I, 238.

**** А. А. э., III, 404.

***** Olear., 95.- Crall., 141.

***** Crull., 141. -- Olear., 190,-Strauss, 127.

***** Olear., 187

Во всех классах народа было множество ябедников и доносчиков. Одни из них промышляли собственно для себя. Таким образом посвящали себя этому занятию служащие люди и дети боярские: они разъезжали по посадам и селениям, заезжали к богатым жителям, заводили ссоры, потом составляли челобитные о боях, грабежах и обидах и, запугав крестьян, брали с них отступное во избежание проволочек и наездов приставов и рассыльчиков*.

* Доп., IV, 349.

Другие, напротив, работали для других и, точно как итальянские *bravi* кинжалом, служили своим искусством тем, которые у них его покупали. Хотя их и преследовали, и клеймили позором, но правительство вместе с тем покровительствовало само доносам, когда они касались его интересов. Таким образом, служилый человек, помещик или вотчинник если открывал за своим товарищем какие-нибудь уклонения от обязанностей службы, влекущие потерю поместья, то вознаграждался именно тем самым поместьем, которое

отнималось у того, кого он уличал. Оттого между служилыми людьми не было товарищества; все друг другу старались повредить, чтоб выиграть самим. Но всего действительнее для ябедника, всего опаснее для соперника было объявление слова и дела государева, то есть обвинение в нерасположении к царю. Обвиненного подвергали пыткам, и когда он в бреду страдания наговаривал на себя, то казнили, -- что нужды, что он мог быть невинен? Дело, касавшееся высокой особы, было столь важно, что невелика беда, если за него пострадают и невинные. Нигде не было откровенности; все боялись друг друга; негодяй готов был донести на другого: всегда в таком случае можно было скорее выиграть, чем проиграть; от этого в речах господствовала крайняя осторожность и сдержанность. Шпионов было чрезвычайное множество: в ряды их вступали те бедные дворяне и дети боярские, которые за уклонение от службы, тоже по доносу других, лишились своих поместьев; они вторгались всюду: на свадьбы, на похороны и на пиры, иногда в виде богомольцев и нищей братии. И царь, таким образом, многое знач. что говорилось при него подданными.

ГЛАВА XVII

Пиршества. -- Пьянство

Все, что в настоящее время выражается вечерами, театрами, пикниками и проч., в старину выражалось пирами. Пирь были обыкновенною формою общественного сближения людей. Праздновала ли церковь свое торжество, радовалась ли семья или провожала из земного мира своего сочлена, или же Русь разделяла царское веселье и славу побед -- пир был выражением веселости. Пиром тешились цари; пиром веселились и крестьяне. Желание поддержать о себе доброе мнение у людей побуждало каждого порядочного хозяина сделать пир и созвать к себе добрых знакомых.

Как все в русской жизни -- при резкой противоположности знатности и простонародности, богатства и бедности -- носило одинакие основания, русские пирь у всех сословий сопровождались одинакими чертами, приемами и обрядами. Русские пиршества были двух родов: собственно пирь и братчины; первые давало одно лицо, вторые были складчины многих хозяев и преимущественно существовали между поселянами. Пирь частных лиц давались в дни Пасхи, Рождества Христова, Троицы, Николина дня, Петра и Павла и Масленицы, при торжественных семейных случаях -- браках, рождении и крещении детей, при погребении, поминании усопших, в день именин, по случаю новоселья и при вступлении служащего лица в должность. Царские пирь, кроме семейных случаев и церковных торжеств, давались по поводу коронации, посвящения митрополитов и патриархов, при объявлении царевича народу и по случаю приема иностранных послов.

Когда домовитый хозяин учреждал пир и приглашал гостей, то звать одних посылал слуг, а к другим ездил сам, различая тех, кому он делает честь приглашением, от тех, у которых он должен искать чести

приезда в его дом. При семейных и приятельских пиршествах приглашались и жены гостей, но не к мужскому столу, а к особенному женскому, который жена хозяина учреждала в то же время гостям своего пола.

Комната, назначенная для пира, заранее убиралась, устилалась коврами; на окнах висели занавесы, на карнизах клали наоконники, постилали на столы и лавки нарядные скатерти и полавочки, заправляли свечи в паникадилы и уставляли поставец посудой. Для пира избиралась обыкновенно столовая, а иногда назначали для него сени, которые были просторнее всех покоев. Столы устанавливались вдоль стены перед лавками, а если было много гостей, то и рядами; место под образами в углу было для хозяина, дававшего пир.

Каждый из приглашенных гостей садился в шапке на место, сообразное своему званию и достоинству. Место по правую руку от хозяина считалось самым почетным. За ним другие места нисходили по степеням, так что одно было ниже другого, и, таким образом, существовало три разряда мест: высший, средний и низший, как это выражается в поэме XVII века "Горе-злочастие":

"А идет он в место середнее,
Где сидят дети гостинные!"

Сесть выше другого, считавшего себя выше достоинством, значило нанести ему оскорбление; на частных пирах наблюдался, как в царских пиршествах и в Боярской думе, обычай местничества. Скромный и благочестивый человек, исполняя буквально евангельские слова, садился нарочно на место ниже того, какое ему следовало, чтоб хозяин свел его оттуда и перевел на высшее. Напротив, заносчивые люди, встретясь с соперниками, с которыми у них давно не ладилось, пользовались случаем, чтоб насолить им, и садились выше их, заводили споры, поставляли хозяина в затруднение, и нередко доходило до драк.

Пред началом пира выходила жена хозяина и била челом гостям малым обычаем, то есть кланялась в пояс, потом становилась у дверей. Господин кланялся им до земли и просил целовать жену. В ответ на это каждый гость также кланялся до земли и целовался с хозяйкой, а отошедши от нее, опять делал поклон. Хозяйка подносила каждому гостю, по очереди, чарку вина. Первый гость получал чарку и отдавал ее хозяину, прося выпить прежде. Хозяин приказывал прежде начать

жене. Та отведывала и отдавала мужу. Муж выпивал. Тогда уже начинали пить гости, один за другим, и всякий раз, как только гость пил, кланялся ему до земли. Окончив эти церемонии, жена уходила в свое женское общество. Гости усаживались за столом. Тогда хозяин разрезывал хлеб на кусочки и из собственных рук подавал гостям, одному за другим, вместе с солью. Этот обряд символически означал радушие и гостеприимство. Существовало поверье, что хлеб-соль прогоняет вредное влияние злых духов. За обедом получать хлеб-соль от хозяина -- значило пользоваться его дружелюбием; есть вместе хлеб-соль -- вообще означало согласие и любовь. После раздачи хлеба-соли вносили кушанье обычным порядком.

Гости ели обыкновенно по два человека с одного блюда; хотя перед ними и становились тарелки, но они не переменились, как уже было сказано. Пред почетнейшими гостями становили опричные блюда, т.е. особые. Хозяину всегда подавали опричное блюдо; он раздавал с него куски гостям, сидевшим близко него, а тем, которым не мог подать, отсылал на тарелках с слугами. Эти куски означали расположение. В то же время сам хозяин накладывал кушанья в блюда и тарелки и отсылал отсутствующим, которые почему-нибудь не могли прибыть. Слуга, поднося подачу от хозяина, говорил: "Чтоб тебе, государь, кушать на здоровье!" Отвергнуть подачу считалось оскорблением.

Когда был пир во полупире, как выражаются песни, и приносили круглые пироги -- кушанье, составлявшее необходимую принадлежность пира, тогда двери из внутренних покоев растворялись; из них выходили жены сыновьев хозяина, братьев, племянников и вообще родственников, живших с ним не в разделе, с вином и чарками. Мужья этих женщин вставали из-за стола, становились у дверей и, кланяясь, просили гостей целовать их жен. Гости принимали от женщин чарки с вином и целовались с каждой с поклонами, как прежде с хозяйкой. У некоторых этот обряд исполнялся иначе. Жена хозяина не являлась пред началом пира, а приходила теперь, в сопровождении женских особ семейства и прислужниц, несших вино и сосуды. Хозяйка подносила почетнейшему гостю вино и немедленно удалялась, потом приходила снова, в другом уже платье, и угощала другого гостя, опять уходила и снова являлась, переряженная в иное платье, и потчевала третьего

гостя; то же делалось в отношении всех гостей поодиночке, и каждый раз хозяйка являлась в новом наряде. Эти переряживания служили для показания роскоши и богатства хозяина. Обнесши таким образом всех гостей, хозяйка становилась у стены, при крае стола, опустивши голову. Гости подходили к ней и целовались; иногда, после поцелуев, она дарила гостей ширинками, вышитыми золотом и серебром. Этот обычай целованья с хозяйскими женами очень древний; еще в XII веке не одобрял его Иоанн Пророк*; он удержался как памятник древней славянской свободы женского пола, несмотря на то что влияние Византии и татар изменило убеждение русского народа в этом отношении.

* Русск. достоп., I, 98.

Отличительная черта русского пиршества была -- чрезвычайное множество кушаньев и обилие в напитках. Хозяин величался тем, что у него всего много на пиру -- гостьба толсто-трапезна! Он старался напоить гостей, если возможно, до того, чтоб их отвезти без памяти восвояси; а кто мало пил, тот огорчал хозяина. "Он не пьет, не ест, -- говорили о таких, -- он не хочет нас одолжать!" Пить следовало полным горлом, а не прихлебывать, как делают куры. Кто пил с охотою, тот показывал, что любит хозяина. Женщины, в то же время пировавшие с хозяйкой, также должны были уступать угощениям хозяйки до того, что их отвозили домой без сознания. На другой день хозяйка посылала узнать о здоровье гостя. "Благодарю за угощение, -- отвечала в таком случае гостя: -- мне вчера было так весело, что я не знаю, как и домой добрела!" Но, с другой стороны, считалось постыдным сделаться скоро пьяным. Пир был в некотором роде война хозяина с гостями. Хозяин хотел во что бы то ни стало напоить гостя допьяна; гости не поддавались и только из Вежливости должны были признать себя побежденными после упорной защиты. Некоторые, не желая пить, из угождения хозяину притворялись пьяными к концу обеда, чтоб их более не принуждали, дабы, таким образом, в самом деле не опьянеть. Иногда же случалось на разгульных пирах, что заставляли пить насильно, даже побоями.

Пиршества были длинны и тянулись с полудня до вечера и позже. По окончании стола еще продолжалась попойка. Все сидели на

прежних местах. Хозяин наливал в чашу вина, становился посредине с открытой головою и, подняв вверх чашу, говорил напыщенное предисловие, а потом пил за чье-нибудь здоровье: начинали с царя, а потом пили за членов царского семейства, за бояр, властей и за разных лиц, смотря по цели, с которою давали пир. Выпив, хозяин оборачивал чашу вверх дном над головой, чтоб все видели, что в ней нет ни капли и как он усердно желает добра и здоровья тому, за кого пьет. После того хозяин возвращался на свое место и подавал каждому из гостей, по очереди, чашу с вином; каждый гость должен был выходить из-за стола, становиться посредине, пить за здоровье того, за кого предлагалось пить; потом все садились на свои места. При этих заздравных тостах пели многая лета тому, за чье здоровье пили. Можно представить, как долго тянулась эта церемония, когда, например, пивши за государя, следовало приговаривать его полный титул.

Во время пиров кормили и слуг, приехавших с гостями, и один доверенный слуга должен был наблюдать, чтоб эти низшего достоинства гости не передрались между собою и не наделали чего-нибудь вредного хозяину.

В обычае было после пира подносить хозяину подарки. Нередко русский делал пир и щедро поил и кормил гостей для того, чтоб потом получить от них подарков гораздо на большую сумму, чем какой стоило ему угощение. Так поступали в городах воеводы: они учреждали пиры и зазывали к себе гостей для того, чтоб выманить подарки. Случалось, что гости, не желая, поневоле, в угождение сильному человеку, являлись на пиршество. Впрочем, существовал обычай и хозяину дарить гостей. Воеводы обратили и такой обычай в свою пользу. Чтоб более обязать своих гостей, воевода созывал к себе на пир богатых посадских, сам делал им подарки, а те должны были отдавать за них вчетверо. Если же бы кто-нибудь был невнимателен и оставил без подарка начальственное лицо, учреждавшее пир, то у него без церемоний вымогали и насильно, потому что требовать подарков не считалось предосудительным. Поднося подарок, говорились: "Чтоб тебе, государь, здравствовать!" Обычай дарить соблюдался и в царских пирах, приглашенные на пир во время царских свадеб или по поводу коронации должны были подносить царю дары, а на праздничных

царских столах духовные, приглашенные к обеду, получали от царя подарки.

Праздничные и семейные пиршества у степенных и набожных особ отличались характером благочестия. Обыкновенно после литургии духовенство приносило в дом крест, иконы, частицы св. мощей, святили воду, мазали ею в доме все иконы, кропили во всех покоях, окуривали весь дом ладаном, иногда же приносили святую воду из церкви и кропили ею дом. По окончании молитвословия начиналась трапеза. Духовные лица занимали почетнейшие места между гостями. В одном старинном поучении говорится: "Посади их и постави им трапезу, якоже самому Христу; сам же им буди во службе, и жена твоя, и дети твои, аще ли нужда будет ти сести, то на нижнем месте сяди, и твори им имя твоя знаемо, да у олтаря Божия молитва за ты, яко темьян возносится". На столе, на возвышенном месте, ставили просфору Пресвятые Богородицы, как это делается в монастырях. Трапеза начиналась молитвою "Достойно есть..." При поставке на столе первого кушанья хозяин приглашал гостей ласковым и благочестивым словом. Во время всего пира дьячки пели духовные песни, приличные празднику или событию, по поводу которого учреждалась трапеза. В сенях и на дворе кормили нищих. Пируя с духовенством и гостями, хозяин высыпал своих сыновей и родных угощать эту меньшую братию. Некоторые очень благочестивые люди даже сажали нищих за один стол с собою и с гостями. По окончании обеда возносилась чаша Пресвятые Богородицы; все пили во славу Божией Матери, потом пили за здоровье царя, бояр, за воинство, за хозяина и гостей с пением всем многолетия, а также и за упокой усопших, если это согласовалось с целью пиршества или с значением праздника, когда пиршество отправлялось. После стола хозяин раздавал нищим, у него обедавшим, милостыню.

Не таков был характер пиршеств у разгульных людей. На этих пирах иногда не удаляли и женский пол; мужчины и женщины подавали друг другу питье и целовались, брались за руки и играли между собою. Хозяин приглашал гусяров и скоморохов: тут-то пелись старинные геройские песни; потом, когда хмель далеко заходил в голову, начинали петь песни удалые, срамные; скоморохи тешили компанию непристойными фарсами; часто забавлялись соблазнительными анекдотами, шумели, свистали, плескали один в

другого вином, а иногда и дрались; и часто хозяин вместе с слугой вытаскивал их, облитых кровью. Случались и убийства, особенно из-за мест. Вначале, когда сходятся на пир, говорит одно старое обличительное слово, каждому хочется сесть на высшее место, но надобно же кому-нибудь сидеть и на низшем; огорченный не хочет и скрывает гнев в сердце, пока трезв; когда же напьется, то в исступлении ума начинает словами задирать того, на кого сердится; если тот еще не напился, то промолчит; забияка отпустит ему еще что-нибудь похуже и доведет до того, что тот выйдет из себя, начнется брань и один другого шпырнет ножом. "Где бо слышано инако ножевого убийства, томко в пиянственннх беседах и играх, паче же о праздницех", -- говорит это обличительное слово*.

* Арх. ист. юр. св. Калач. Кн. II, пол. 2-я. Пирь и братч., 49.

Крестьянские пирушки, даваемые по поводу семейных праздничных торжеств хозяевами, назывались особым пивцом, потому что тогда дозволялось им варить пиво, брагу и мед для домашнего питья. Обыкновенно это позволение делалось четыре раза в год: на Великий день, Дмитриевскую субботу, на Масленицу и на Рождество Христово или в другой день, вместо какого-нибудь из этих праздников. Право это крестьянин имел на три дня, иногда же и на неделю; сверх того такое же разрешение давалось по поводу крестин и свадеб. Крестьянин должен был каждый раз испрашивать дозволения начальства, и это дозволение давалось с разбором -- только лучшим людям. По окончании льготного времени кабацкий голова печатал оставшееся питье до другого праздника.

Братчины носили название ссыпных братчин, или ссыпчин, и участники в братчине назывались ссыпцами, вероятно оттого, что в старину каждый жертвовал на варение пива и браги зерном. Так как ссыпцов могло быть много, то для распоряжения и соблюдения порядка выбирался староста. На братчинах происходили разные происшествия и споры, а потому братчинам издавна давали право самосуда. Так, в Псковской судной грамоте говорилось: "...и братчины судить, как судили". Это право предоставлялось братчинам и до конца XVII века. Однако в последнее время уголовные дела не подлежали их домашнему разбирательству. Братчины собирались по большей части в

праздники и потому назывались именами праздников, как-то: братчина Никольщина, братчина Покровщина, братчина Рождественская; на Пасху было в обыкновении по селам учреждать большую братчину в понедельник. В этих сельских братчинах участвовали не только крестьяне, но и владельцы вместе с ними зауряд. Братчины еще чаще, чем частные пиры, сопровождались бесчинствами, и на них нередко происходили драки и убийства, а потому благочестивые, люди не советовали участвовать на этих складчинах*.

* А. И., IV, 340.-А. А. э., I, 80, 421. III, 199.- Древн. Русск. вивл., VI.- Доп., 1,195. VI, 99.-Пек. суд. гр., 17.- Olear., 193,205, 260.- Mejerb., 63, 137.-Коших., 49,119.-А.Г. Шуи, 119.- Das Gr. Reich, von Mosc., 196, 203.- Carlisle, 148.

Русский народ издавна славился любовью к попойкам. Еще Владимир сказал многозначительное выражение: "Руси веселие пити: не можем без того быти!" Русские придавали пьянству какое-то героическое значение. В старинных песнях доблесть богатыря измерялась способностью перепить других и выпить невероятное количество вина. Радость, любовь, благосклонность находили себе выражение в вине. Если высший хотел показать свою благосклонность к низшему, он поил его, и тот не смел отказываться: были случаи, что знатный человек, ради забавы, поил простого, и тот, не смея отказываться, пил до того, что падал без чувств и даже умирал. Знатные бояре не считали предосудительным напиваться до потери сознания -- и с опасностью потерять жизнь. Царские послы, ездившие за границу, изумляли иностранцев своею неумеренностью. Один русский посол в Швеции в 1608 году, в глазах чужестранцев, обессмертил себя тем, что напился крепкого пива и умер от этого. Как вообще русский народ был жаден к вину, может служить доказательством следующее историческое событие: во время бунта в Москве, когда были убиты Плещеев, Чистов и Траханиотов, сделался пожар. Очень скоро дошел он до главного кабака... Народ бросился туда толпою; все спешили черпать вино шапками, сапогами, всем хотелось напиться дарового вина; забыли и мятеж; забыли и тушить пожар; народ валялся пьяный мертвецки, и таким образом мятеж прекратился, а большая часть столицы превратилась в пепел. До того

времени, как Борис введением кабаков сделал пьянство статьею государственного дохода, охота пить в русском народе не дошла еще до такого поразительного объема, как впоследствии. Простой народ пил редко: ему позволяли сварить пива, браги и меда и погулять только в праздники; но когда вино начало продаваться от казны, когда к слову "кабак" приложился эпитет *царев*, пьянство стало всеобщим качеством. Размножились жалкие пьяницы, которые пропивались до ниточки. Очевидец рассказывает, как вошел в кабак пьяница и пропил кафтан, вышел в рубашке и, встретив приятеля, воротился снова, пропил белье и вышел из царева кабака совершенно голый, но веселый, некручинный, распевая песни и отпуская крепкое словцо немцам, которые вздумали было сделать ему замечание. Эти случаи были часты в Москве; и в городах, и в деревнях -- везде можно было видеть людей, лежащих без чувств в грязи или на снегу. Воры и мошенники обирали их, и часто после того зимою они замерзали. В Москве на Масленице и на Святках в Земский приказ каждое утро привозили десятками замерзших пьяниц.

Распространению пьянства в народе способствовали кабацкие головы и целовальники, которые прибегали ко всевозможнейшим мерам, чтоб избавиться от наказания за недоборы в царской казне, если они держали кабаки на веру, или чтоб воротить заплаченное в казну, если брали вино на откуп. Они давали пьяницам в долг как можно поболее, а между тем прибавляли счет, пользуясь тем состоянием, когда пьяные не в силах уже были ни размышлять, ни считать; потом, когда, искушенные таким легким средством получать хмельное даже и без наличных денег, пьяницы порядочно запутаются в расставленной на них сети, кабацкие головы объявляют, что пора платить; оказывается, что платить нечем; тогда забирали имущество должников втрое дешевле настоящей его цены; при этом страдали и невинные, жившие не в разделе с должниками.

Случалось, что люди порядочного происхождения, то есть дворяне и дети боярские, запивались до того, что спускали свои поместья и пропивались донага. Из таких-то молодцов образовался особый класс пьяниц, называемый кабацкие ярыги. У этих удалцов не было ни кола ни двора. Они жили во всеобщем презрении и таскались по миру, прося милостыни; они толпились почти всегда около кабаков и в кабаках, униженно вымаливая у проходящих чарочку винца Христа

ради. Готовые на всякое злодеяние, они составляли при случае шайку воров и разбойников. В народных песнях и рассказах они представляются искушителями молодых неопытных людей. Некоторые пьяницы оправдывали себя тем, что они, напившись, ведут себя смирно: "То есть не пьяница, -- говорили они, -- иже упився ляжет спати, то есть пьяница, иже упився толчет, бьет, сварится". На это проповедники церкви отвечали им: "И кроткий упився согрешает, аще и спати ляжет: кроткий убо пьяница, аки болван, аки мертвец валяется, многжды бо осквернився и домочився смердит, егда убо кроткий пьяница в святой праздник лежит не могий двинути аки мертв, разслабив свое тело, мокр, нальався яко мех до горла; богобоязливым же, наслаждающим сердца в церквах пения и чтения, аки на небеси мнятся стояще; а пьяница не могий главы своея возвести, смрадом отрыгая от многа питья, чим есть рознь поганых"*.

Церковные наставники объясняли, что от пьяного человека удаляется ангел хранитель и приступают к нему бесы**;

пьянство есть жертва дьяволу, и отец лжи и зла говорит, что ему эта жертва милее, чем жертва идолопоклонников: "Николи же тако возвеселихся о жертве поганых человек, яко от пьяных крестьян: в пьяницах бо вся делеса моего хотенья: лучше ми от поганых крестьян и запоець, нежели от поганых идоломолец, яко и поганых Бог соблюдает, а пьяниц ненавидит и гнушается их; аз же радуюся о них, яко мои суть пьяни"***.

* Злат. мат. рук., л. 341. Сл. о посте.

** Румян, сборн., No 359.

*** Румянц. сб., 186.

Духовенство не только не отличалось трезвостью, но еще перещеголяло другие сословия в расположении к вину. На свадьбах священнослужители до того напивались, что надобно было их поддерживать.

Чтоб положить границы неистовому пьянству в кабаках, правительство вместо них завело кружечные дворы, где продавали вино пропорциями не менее кружек, но это не помогло. Пьяницы сходились в кружечные дворы толпою и пили там по целым дням. Другие охотники до питья покупали не только кружками, но ведрами, и продавали тайно у себя в корчмах.

Более всего пристанищем самых отъявленных негодяев были тайные корчмы, или ропаты. Под этим названием разумелись еще в XV и XVI веках притоны пьянства, разврата и всякого бесчинства. Содержатели и содержательницы таких заведений получали вино в казенных заведениях или курили тайно у себя и продавали тайно. Вместе с вином в корчмах были игры, продажные женщины и табак. Как ни строго преследовалось содержание корчем, но оно было до того выгодно, что многие решались на него, говоря: барыши, полученные от этого, до того велики, что вознаграждают и за кнут, которого можно было всегда ожидать, коль скоро начальство узнает о существовании корчмы*.

* Врем., IV. См., 58. V. Лет. Норманск., 4.- Доп., I, 55.- А. г. Шуи, 197.- Маржер., 16.- Olear., 194, 195, 258. -- Petr., 309.-Retch., 44.- Crull., 145 -- Mejerb., 139.-Strauss, 196, 214.

ГЛАВА XVIII

Увеселения. -- Игры. -- Забавы

У высших классов порывы всякой веселости были подчинены правилам церковного порядка. У тех, которые хотели быть и казаться благочестивыми, церковное пение было единственным развлечением. В старину существовали для него школы: мальчики учились у церковных дьячков и составляли певческие хоры. Нищие, прося милостыню, и колодники, которых выводили из тюрьмы собирать подаяние, с жалобными причетами пели песни нравственного и религиозного содержания и приводили в чувство тогдашнюю публику. Музыка преследовалась церковью положительно. Самые народные песни считались бесовским потешением. Православная набожность хотела всю Русь обратить в большой монастырь. Однако русский народ постоянно соблазнялся запрещенным плодом; даром, что инструментальная музыка возбуждалась не только церковью, но даже и светскою властью, славянская натура вырывалась из византийской рамки, в которую ее старались заключить. В поучении Ефрема Сирина, переделанном на русский лад, говорится, что Христос посредством пророков и апостолов призывает нас, "а дьявол зовет гусльми и плесце и песнями неприязненными и свирельми". Бог вещает: приидите ко мне вси, и никто не двинется; а дьявол устроит сборище (заречет сбор), и много набирается охотников. Заповедай пост и бденье -- все ужаснутся и убегут, а скажи "пирове ли, вечера ли, песни приязны, то все готовы будут и потекут, аки крылаты"*.

У русских были свои национальные инструменты: гусли, гудки (ящики со струнами), сопели, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (род литавр), волынки, ленки, медные рога и барабаны**. Всем этим тешили православный люд скоморохи, составлявшие у нас в некотором смысле особенный ремесленный цех, постоянно преследуемый ревнителями благочестия.

Иногда они образовывали вольную труппу из гулящих людей всякого происхождения, иногда же принадлежали к дворне какого-нибудь знатного господина. Они были не только музыканты, но соединяли в себе разные способы развлекать скуку толпы: одни играли на гудке, другие били в бубны, домры и накры, третьи плясали, четвертые показывали народу выученных собак и медведей. Между ними были глумцы и стихотворцы-потешники, умевшие веселить народ прибаутками, складными рассказами и красным словцом. Другие носили на голове доску с движущимися куклами, поставленными всегда в смешных и часто соблазнительных положениях; но более всего они отличались и забавляли народ позорами или действиями, т. е. сценическими представлениями. Они разыгрывали роли, наряжались в странное (скоморошное) платье и надевали на себя маски, называемые личинами и харями. Обычай этот, любимый народом, был очень древен, и еще в XIII веке митрополит Кирилл осуждал "позоры некаки бесовские со свистанием, и кличем, и воплем". В числе таких позоров было, между прочим, вождение кобылки, какое-то языческое торжество, называемое благочестивыми лицами бесовским. Без сомнения, все эти позоры заключали в своих основаниях остатки древней славянской мифологии, сильно искаженные в продолжение многих веков. Скоморохи ходили большими компаниями, человек в пятьдесят и более, из посада в посад, из села в село и представляли свои позоры преимущественно в праздники; "ленивые безумные невегласы дожидаются недели (воскресного дня), чтоб собираться на улицах и на игрищах", -- говорится в предисловии к слову о неделе св. Евсевия***, -- "и тут обрящеши ина гудяща, ина плещуща, ина поюща пустошная, пляшуща, ови борющася и помизающа друг друга на зло". В самый праздничный день гульба начиналась с самого утра, народ отвлекался от богослужения, и так веселье шло целый день и вечер за полночь; местами представлений были улицы и рынки; от этого самое слово "улица" иногда означало веселое игрище; и старые, и малые глазели на них и давали им -- кто денег, кто вина и пищи****. Скоморохи возбуждали охоту в зрителях, и последние сами принимались петь, играть, плясать и веселиться. Зимой разгулье скоморохов было преимущественно на Святках и на Масленице; тут они ходили из дома в дом, где были попойки, и представляли свои потехи; некоторые, не совсем разборчивые в средствах возбудить

веселье гостей, приглашали их на свадьбы; когда ехали к венцу, впереди бежали смехотворцы и глумцы, кричали и кривлялись, а на свадебном пиру гудочники и гусельники сопровождали звуками инструментов своих свадебные песни. Вообще же песни их были большею частью содержания, оскорбляющего стыдливость; их танцы были непристойны; наконец, их позоры также имели предметом большею частью что-нибудь соблазнительное и тривиальное, как это можно видеть из сохранных Олеарием изображений скомороха, сидящего верхом на другом скоморохе и представляющего, как видно, половое совокупление животных, и другого скомороха в самом отвратительном и непристойном образе. Веселость неразвитого человека всегда ищет потешного в том, что образованное чувство находит только пошлым.

* Рум. муз., рук. 186.

** Рум. муз., рукоп. No 374.

*** Румянц. Муз., No 182. Злат. мат., 210.

**** Слово о Христ. Ж. М. Н. Проев. 1854 г. Октябрь.

Правительство, следуя внушениям церкви, не раз приказывало воеводам ломать и жечь их инструменты и хари и бить батогами тех, кто созывал к себе песенников и глумцев. При Михаиле Феодоровиче однажды в Москве не только у скоморохов, но и вообще в домах музыкальные инструменты сжигали; таким образом их было истреблено пять возов. Лишенные всякого покровительства власти, скоморохи нередко терпели и от частных лиц; их зазывали в дома и, вместо того чтоб давать им, отнимали у них, что они получали, ходя по миру, да вдобавок еще колотили. Эти случаи побуждали их также прибегать к насильственным поступкам: принужденные для своей безопасности ходить большими ватагами, они также иногда нападали на проходящих и проезжих, грабили и убивали их. Было поверье, что под видом таких весельчаков ходили бесы: "Умысли сатана, как отвратити людей от церкви, и собрав беси, преобрази в человеки и идяше в сборе велице упестрене в град и вси бияху в бубны, друзии в козици и в свирели и инии, возложыше на яскураты, идяху на злоумысление к человеком; мнози же оставивши церковь и на позоры бесов течаху". Прозорливые мнихи видели, как лукавые бесы

невидимо били христиан железными палицами, отгоняя их от Божьего храма к играм и "ужами за сердце почевивше и влечаху"*.

* Погод, сборн., No 1288.- Оп. арх. Ив., 296, 298.- Стогл., вопр. 16, 18. -Русск. достоп., I, 114.-А. И., IV, 125, 355.- Оп. Шуи, 452,- Москв., 1843, 238.- Herberst., 42.- Olear., 93, 302.- Carlisle, 206.

В праздничные дни народ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примерные битвы происходили обыкновенно при жилых местах, зимою чаще всего на льду. Охотники собирались в партии, и таким образом составлялись две враждебные стороны. По данному знаку свистком обе бросались одна на другую с криками; для возбуждения охоты тут же били в накры и в бубны; бойцы поражали друг друга в грудь, в лицо, в живот -- бились неистово и жестоко, и очень часто многие выходили оттуда калеками, а других выносили мертвыми. Палочные бои имели подобие турниров и сопровождались убийствами еще чаще кулачных боев. Зато на них-то в особенности русские приучались к ударам и побоям, которые вообще были неразлучны со всем течением русской жизни и делали русских неустрашимыми и храбрыми на войне. Сверх того, молодые люди собирались в праздники -- боролись, бегали взапуски, скакали на лошадях вперегонки, метали копьем в кольцо, положенное на земле, стреляли из луков в войлочные цели и в поставленные шапки. В этих играх победители получали награды и выигрывали заклады. Вероятно, в старину существовал обычай увенчивать удалых и ловких, как это показывает старинная поговорка: "Без борца нет венца". Церковь карала отлучением предающихся таким забавам; в правиле митрополита Кирилла, вошедшем в Кормчую и, таким образом, постоянно служившем церковным законом, участники таких забав изгонялись из церквей (да изгнани будут от сынов божьих церквей); а убитые в примерных схватках, кулачных и палочных боях и вообще заплатившие нечаянно жизнью за удовольствие потешиться на этих турнирах "да будут, -- сказано в том же правиле Кормчей, -- прокляты и в сей век и в будущий; аще ли нашему законоположению кто противится, ни приношения из них принимать, рекше просфур и кутии, свечи; аще же умрет таков, к сим иерей не ходит и службы за

них не творит"*. Также, конечно, по церковному взгляду предосудительны были и все игрища.

* Публ. библ., рукоп. No 49.

Женщины и девицы, летом, в праздники водили хороводы и собирались для этого обыкновенно на лугах близ селений. Русские пляски были однообразны: они состояли в том, что девицы, стоя на одном месте, притопывали, вертелись, расходились и сходились, хлопали в ладоши, выворачивали спину, подпирались руками в бока, махали вокруг головы вышитым золотым платком, двигали в разные стороны головою, подмигивали бровями, -- все эти движения делались под звуки инструмента какого-нибудь скомороха. В высшем обществе пляска вообще считалась неприличною; но господа и госпожи по праздникам иногда заставляли пред собою плясать своих рабов, особенно литовских и татарских пленников. По церковному воззрению, пляска, особенно женская, почиталась душегубительным грехом: "О, злое проклятое плясание! (говорит один моралист); о лукавые жены многовертимое плясание! пляшущи бо жена любодейца дияволя, супруга адова, невеста сатанина; вси бо любящий плясание бесчестие Иоанну Предтече творят -- со Иродьею неугасимый огонь и неусыпаяй червь осудить!"*

* Злат. Мат. рук. публ. библ., стр. 341.

Даже смотреть на пляски считалось предосудительным: "Не зрите плясания и иные бесовских всяких игор злых прелестных, да не прельщены будете, зряще и слушающе игор всяких бесовских; таковые суть нарекутся сатанины любовницы"*. Любимое препровождение времени женского пола во всех классах были качели и доски. Качели устраивались двумя способами; первого рода качели делались очень просто: прикреплялась к веревке доска, на нее садились, а другие веревками качали; другого рода качели строились сложнее, как и в настоящее время делаются в городах.

* Публ. библ., рукоп. No 1,64.

В праздник Пасхи некоторые составляли себе из этого прибыточный промысел: устраивали качели, пускали качаться за деньги и за каждый раз брали по серебряной деньге с лица. Женщины простого звания, посадские и крестьянки качались на улицах, а принадлежащие к зажиточным и знатым семействам -- у себя в дворах и садах. Качанье на досках происходило так: на бревне клали доску, две женщины становились по краям ее и, подпрыгивая, подкачивали одна другую, так что когда одна подымалась, то другая опускалась. Сверх того, женщины качались как-то на колесе.

Зимнее увеселение мужчин и женщин было кататься на коньках по льду: делали деревянные подковы с узкими железными полосами, которые наперед загибались вверх, так что железо удобно резало лед. Русские катались на коньках с удивительною легкостью и проворством. Также зимою катались на салазках. Зимние праздничные вечера проводились в домашнем кругу и с приятелями: пелись песни, бахары (рассказчики) рассказывали сказки, собеседники загадывали загадки, наряжались, смешили друг друга, девушки гадали. Вообще и на эти увеселения церковь смотрела неблагосклонно: "Не есть закон христианину всякому баснословити, ибо рече Христос во Евангелии: о всяком глаголе праздне воздадут слово человеци в день единый"*.

Цари запрещали народу всякую веселость; но в то же время и царские семейства забавлялись песнями, которые пели им потешники, сказками, смотрением на пляску и даже разными действиями или сценическими представлениями. Во дворце были веселые гусельники, скрипичники, домрачеи, цымбальники, органисты; штат двора составляли, между прочими, дураки-шуты и дурки-шутихи, карлы и карлицы, потешавшие высоких особ своими шалостями. Это делалось даже и при благочестивом Феодоре Иоанновиче, несмотря на всю монашескую обстановку двора; точно так же и у знатных господ был свой подобный придворный штат шутов, шутих, сказочников, песельников, скоморохов, не знавших никакой другой обязанности, кроме той, чтобы в часы досуга потешать господ и гостей. Из таких потешников были такие, которых обязанность состояла в том, чтоб напиваться допьяна и делать всякого рода дурачества в пьяном состоянии**.

* Пог. Сборн. Публ. библ., No 1321.

Строгий и набожный царь Алексей Михайлович, при всем своем аскетическом благочестии, в дни рождения и крещения детей своих устраивал на дворе музыку из инструментов того времени, несмотря на то, что духовные называли такие инструменты бесовскими сосудами; а под конец своего царствования этот государь до того подчинился иноземному влиянию, что допустил у себя театр; сначала играли предметы из священной истории, а далее, узнавши, что другие монархи увеселяются танцами, царь отважился смотреть на балет "Орфей".

Игры, имевшие целью выигрыш, были в употреблении в России: зернь, карты, шахматы и тавлеи, или шашки. Зернь -- были небольшие косточки с белою и черною стороною. Выигрыш определялся тем, какою стороною упадут они, если будут брошены; искусники умели всегда бросать их так, что они падали тою стороною, какою хотелось. Эта игра, как и карты, считалась самым предосудительным препровождением времени, и в каждом наказе воеводам предписывалось наказывать тех, кто будет ею заниматься. При Алексее Михайловиче однажды жадность к деньгам пересилила эту нравственную боязнь власти; в Сибири в 1667 году зернь и карты отданы были на откуп, но в следующем году правительство устыдилось такого поступка и опять уничтожило откуп и подвергло их преследованию. Игры эти тем менее казалось возможным допустить, что они были любимым занятием лентяев, гуляк, негодяев, развратных людей; пристанище их было в корчмах или в кабаках, где им для игры отводили тайные кабацкие бани. Как бывает всегда со всем запрещенным, по мере больших преследований зернь и карты более привлекали к себе охотников. Игры эти были повсеместны, особенно между служащими людьми. Русские распространили употребление их между инородцами Сибири: остяками, татарами и другими, и так как русские играли лучше инородцев, то оставались всегда в выигрыше и приобретали от них дорогие меха. Карты были в меньшем употреблении, но как забава были допущены даже при дворе; так, при Михаиле Федорович для забавы маленькому Алексею Михайловичу с своими сверстниками куплены были карты. Что касается до шахмат, эта игра была любимым препровождением времени царей и бояр, да и

вообще русские очень любили их в старину, как и тавлеи, или шашки. Однако благочестие и эти игры причисляло к такой же бесовщине, как зернь, карты, музыку.

Наряду с зернью и картами считали непозволительным удовольствием табак; но как ни строго преследовали это бесовское зелье, однако в XVII веке он был всенародно распространен на Руси. Русские получали его отчасти от европейских торговцев, отчасти с Востока от греков, армян, персиян, турок, отчасти от малороссиян. Были такие охотники до табаку, что готовы были отдать за него последнюю деньгу и всегда почти платили за него вдвое и втрое против настоящей цены, потому что он был запрещен. Табаком по России торговали удалые головы, готовые рисковать и познакомиться с тюрьмою и с кнутом, лишь бы копейку зашибить. При продаже табаку его называли не настоящим именем, а каким-нибудь условным названием, например: свекольный лист, толченый яблочный лист. Табак курился не из чубука, а из коровьего рога, посредине которого вливалась вода и вставлялась трубка с табаком большой величины. Дым проходил чрез воду. Курильщики затягивались до того, что в два или в три приема оканчивали большую трубку и нередко ослабевали и падали без чувств. Несколько таких молодцов сходились "попить заповедного зелья табаку" и передавали друг другу трубку. "Ах, какое чудесное зелье табак! Нет ничего лучше в свете табаку; он мозг прочищает!" -- говорили они, очнувшись от одурения, сопровождавшего излишнее курение слишком крепкого табаку. Люди благочестивые и степенные, напротив, остерегали, что если "который человек начнет дерзати бесовскую и богоненавистную и святыми отреченными табаку, то в того человека мозг ускрутит и вместо того мозга впадет в главу его тая смердящая воня, изгубит в нем весь мозг его, начнет тако смердящая тая воня пребывати во главе его и неточию во единой главе его, но и во всех костях его тая смердящая воня вселится вместо мозгов. И аще ли кий человек которым ухищрением начнет творити таковое дело бесовское, таковому бо человеку не подобает в церковь Божию входить, и креста и Евангелья целовати, и причастия отнюдь не давати, свечи или просфоры или ефиману и всякого привошеша, и с людьми ему не мытися и не ясти, дондеже престанет от таковые дерзости"*.

* Рум. муз., рукоп. No 374.

В одной старинной легенде рассказывается, что бес достал семена табачные из глубины ада и посеял их на могиле блудницы. Воспитанные разложившимся ее телом, адские семена произвели траву, а бес научил употреблению ее людей, которые, сами того не зная, отдаются в державу дьявола.

Как зернь и карты, табак при Алексее Михайловиче однажды несколько времени служил корыстолюбию правительства и в Сибири был отдан на продажу от казны, но вскоре опять подвергся запрещению по убеждению духовенства.

Самою достойнейшею высшего класса забавою считалась охота, хотя благочестивые ригористы и на нее смотрели неблагосклонно. У нас она не была принадлежностью только высших классов, как на Западе, потому что зверей было слишком много; но простолюдины занимались ею для выгод и как повинностью. В XVI веке тяглые люди обязаны были ходить на волчьи, лисьи и медвежьи поля, что на тогдашнем языке значило гоняться за зверем. В XVI и XVII веках не раз государи выезжали из Москвы охотиться около Можайска, где было множество зайцев, и около Переяславля. В разных местах были устроены дворы для содержания собак и пойманных зверей, приготовленных для примерной травли. Владельцы имений собирали соседей, устраивали поля и приготавливали все необходимое для стола. Государь выезжал в поле с большою свитою князей и бояр, сам одетый в золотом терлике или чуге, с двумя продолговатыми ножами и кинжалом за поясом и с кистенем за спиною; в руках у него был хлыст длиною в локоть, с медным гвоздем на конце; ближние люди около него держали секиры и шестоперы. Половина охотников были одеты в черном, другая половина в желтом платье. Окружив рощу, все разом вскрикивали и пускали гончих собак, те выгоняли зайцев, а тут спускали других собак, называемых курцы (борзые), с пушистыми хвостами. Когда собаки ловили зайцев, охотники кричали: Уй! Уй! Таким образом затравляли до трехсот зайцев зараз. После того все отправлялись к деревянной башне, около которой были раскинuty шатры; шатер государя отличался, как и следовало, особым великолепием. Все входили в свои шатры. Государь переменил платье и приглашал гостей; подавали закуску, преимущественно из лакомств;

придворные подносили государю кушанье с подобострастием на коленях; по обычному столовому этикету, государь подавал и посылал от себя подачи; между закусками подавали напитки. Так описывается охота Василия Иоанновича*. Это описание может подать вообще понятие о ходе охоты и у частных лиц. Было в обычае ловить медведей и волков живых тенетами, чтоб потом устраивать зрелища их травли. Как государи, так и знатные господа любили эту забаву. По современным известиям, такие забавы владельцев были нередко очень тяжелы для крестьян и людей их. Насильно их сгоняли, "неволею было собираемо людское множество", держали по несколько дней, отбивая от земледельческих работ; приставники, т.е. холопы, близкие к господину, брали с них посулы, чтоб не гонять. И гоняли тех, кто не мог или не хотел дать: во время охоты, придираясь к чему-нибудь, били и истязали их; да вдобавок нередко такие увеселения оканчивались "многообразным человеком губительством на различных игрищах и в ловитвах**"; в лесах и в болотах снегом и студением померзаемы, дождемы и бурею пореваемы, всяческим же голодом извуряемы, и мнози человеки многими видами живота лишаемы, от зверей уязвляемы и умерщвляемы, и ины многи напасти содевахуся им таковыми в ловитвах злыми стремлении; их же в гресех непщеваху, о сем же и вины на ся не полагаху, но паче радовахуся, во утешение вменяху себе и глаголаху: вельми утешихомся; еще же и покаяния о сих не поминаху". Охотники, доставлявшие живых медведей, всегда получали награждения кубками и одеждами. Пойманных зверей содержали в клетках, пока господину не вздумается посмотреть на травлю. Заставляли медведей сражаться с собаками и с людьми. В последнем случае устраивалась арена, обнесенная стеною, над которою делались места для зрителей. На эту арену входили охотники, потом впускали медведя и запирали арену. Зверь становился на задние лапы и ревел; искусство бойца состояло в том, чтоб не допустить его броситься на себя: предупреждая нападение, он сам бросался на него, поражал между передних лап рогаткою и упирался в нее ногою; таким образом, случалось, что медведь погибал с первого удара. Победителя призывали перед господ и давали ему выпить, а потом жаловали материями или сукном***. Благочестивые пастыри тщетно вопили против таких увеселений и забав и грозили епитимиею не только тем, которые их устраивали, но и тем, которые смотрели на них: "Аще кто

медведя или иная животная различная игралища прехищряя, и глумы бья, и на позоры человеки собираяй, и ловитвам прилежаяй, и ристания творяй на конях и колесницах, и самоборства, и прочая борения и всякие скоморошества -- и не токмо сам кто сия творяй, но и слушаая, и то сих в слабость едино запрещение имать, еже сих с епитимиею каятися и престати от таковых"****.

* Herberst., 87.

** Рук. Рум. муз., No380.

*** Fletch., 203,-Strauss,-185.- Hefterst., 88,- Доп., I, 199, 205.

**** Рум. муз., No 380.

Соколиная и кречетная охота издавна считалась благородною забавою князей и царей. Птицы ловились в Сибири и на берегах Печоры посредством сетей, к которым привязывали для приманки голубей. Кречеты ценились в особенности; этот род соколов был огромного роста -- до двух футов, с необыкновенною легкостью в полете, цветов бурого, пестрого, серого, красноватого и белого; белые кречеты ценились выше всех по достоинству. Птиц этих следовало приучать и сделать ручными, то есть чтоб они, по желанию охотника, слетали с его руки, хватали налету добычу и возвращались к нему с нею. Чтоб довести их до такого состояния, несколько суток (трое или четверо) не давали им спать: для этого надевали им на ноги путы и сажали на кольцо, повешенное на веревку. Как только птица начинала засыпать, сокольник потрясал кольцо; от этого беспокойства она забывала прежнюю свободу и впадала в беспамятство. Однако после некоторого времени птица опять дичала и снова надобно было ее приучать. У царей этим занимались сокольники, составлявшие особый отдел в числе царской дворни. Звание это существовало в старину при князьях. Еще в XIV веке великие московские князья по договорам с Великим Новгородом посылали в Двинскую землю своих сокольников на промысел за птицами. Василий Иоаннович, любитель охоты, брал вместе с собаками на охоту и кречетов. При Иоанне Васильевиче сокольники получили правильную организацию; учреждено было звание сокольничего, начальника сокольников. Из Северо-Восточной Руси привозили царю ежегодно кречетов в больших коробах, обитых в середине овчинами. При царе Борисе охота с кречетами и соколами

составляла обычную царскую потеху. Но никогда соколиная охота не была в такой чести, как при Алексее Михайловиче. Этот царь любил ее до страсти. Сокольники поставлены были по достоинству выше стольников, а сокольничий был царев любимец. У него были помощник, называемый подсокольничим, и начальные сокольники; в ведении каждого из них были рядовые сокольники, а при них состояли поддатни, или ученики; царь облакал возведение их в должности византийскою обрядностью. Каждый из царских кречетов носил особое название; из таких названий некоторые были и нерусские (Гамаюн, Малец, Беляй, Смеляй, Умор, Ширяй, Промышляй, Мастер, Арбач, Буян, Армач, Ардач, Казак, Алай, Адар, Бумар, Амар, Любава, Людава). Любимое поле охоты у царя Алексея было в Коломенском селе; но иногда царь ездил с сокольниками по более отдаленным краям, например около Твери и Владимира. Охотились за всеми птицами; но преимущественнее царь любил охоту за такими, с которыми дело не обходилось без боя, и где его любимые соколы и кречеты одерживали победы. Каждая такая стычка называлась ставкою; царь особенно любил ставки с коршунами. Кречеты делали разные маневры: враги то расходились, то сходились; иногда воздушное поле битвы простиралось версты на три, и на этом пространстве происходило до семидесяти ставок в одну добычу. Случалось, что кречет залетал далеко и пропадал: тут наступало время досады и гнева; но зато наступало время радости, когда беглец возвращался. Царь записывал время знатных побед, одержанных кречетами, чилигами и соколами, их полеты кверху и книзу. Иногда царь посылал своих птиц в подарок посторонним государям, особенно в Персию, потому что шах персидский их любил. Русские птицы ценились до 1000 руб. за штуку.

ГЛАВА XIX

Праздники

Праздники были временем отклонения от обычного порядка повседневной жизни и сопровождались разными обычаями, укоренившимися в домашней жизни. Благочестивые люди вообще почитали приличным ознаменовать праздничное время делами благочестия и христианского благотворения. Ходить в церковь к установленному богослужению была первая потребность; кроме того, хозяева приглашали к себе духовенство, служили в доме молебны и считали долгом кормить нищих и подавать милостыню. Таким образом, цари учреждали трапезы на нищих в собственных своих хоромах и, покормивши их, из собственных рук раздавали деньги, отправлялись в богадельни, посещали тюрьмы и давали милостыню заключенным. Такие благотворительные путешествия происходили особенно пред большими праздниками: пред Пасхою и Рождеством Христовым, также на Масленице; но совершались и в другие господские и богородичные праздники. Обычай этот наблюдался повсеместно знатными господами и вообще зажиточными людьми. Алчных кормить, жадных поить, нагих одевать, больных посещать, в темницы приходить и ноги умыть -- по выражению времени, составляло самое богоугодное препровождение праздничных и воскресных дней. Были примеры, что за такие благотворительные поступки цари повышали в чины, как за службу. Дни праздничные считались приличнейшим временем для пиров, как уже было сказано выше. Законодательство русское помогало церкви, возбранявшей отправлять житейские труды в праздничное время*; запрещало судить и сидеть в приказах в большие праздники и воскресные дни, кроме, впрочем, важных нужных государственных дел; торговые люди должны были прекращать свои занятия накануне воскресного и

праздничного дня за три часа до вечера; и даже в будни, по случаю храмовых праздников и крестных ходов, запрещалось работать и торговать до окончания богослужения; но эти правила исполнялись плохо, и несмотря на строгую подчиненность церковным формам в жизни, несмотря на то, что русские даже время считали не иначе как праздниками, к изумлению иностранцев, они торговали и работали и по воскресеньям, и по господским праздникам. Зато простой народ находил, что ничем так нельзя почитать праздника, как пьянством; чем больше был праздник, тем ниже был разгул, тем более выбиралось в казну дохода в кабаках и кружечных дворах, -- даже во время богослужения пьяницы уже толпились около питейных домов. "Кто празднику рад, тот до свету пьян", -- говорил и говорит народ великорусский.

* Уложение X, п. 25.

В XVI и XVII веках новый год праздновался 1 сентября. Этот праздник назывался днем летопровождения. В Москве все духовенство собиралось в Кремль, тысячи народа толпились на площади. Патриарх с клиром и духовенством выходил на Красную площадь; выходил царь в сопровождении множества бояр и ближних людей, в великолепных нарядах. Патриарх целовался с царем в церкви, осенял его благословением, потом осенял весь народ на все стороны, призывая благословение на предыдущий год. Такое же благословение торжественно давали и епископы. День этот проводился весело русским народом.

В неделю пред Рождеством Христовым толпы привлекались на зрелище пещного действия, которое отправлялось во многих местах и долее сохранялось в Новгороде. Что оно некогда было и в Москве, указывает существование "халдеев", которые, по известию Олеария, дурачились по улицам во время Святков. Зрелище происходило в церкви*.

* Этот оригинальный обряд совершался в воскресенье пред праздником Рождества Христова. Если праздник приходился в понедельник или во вторник, тогда пещное действие совершалось в неделю св. праотец, а если праздник был в один из прочих пяти дней,

то в неделю св. отец. Приготовления к нему начинались еще за несколько дней, например в среду. Тогда в церкви разбирали паникадило над амвоном и готовили подобие печи. В субботу, после обедни, пономари по приказанию ключаря принимали амвон: на его место ставили печь и около нее большие железные шандалы с витыми свечами. Начинаясь вечерня; благовест к ней, ради торжественности, длился целый час. Тут в первый раз появлялись люди, которые должны были представлять действо чуда над отроками. Это были отроческий учитель с тремя отроками и халдеи. Отроки одеты были в стихари с вендами на головах, халдеи в странном одеянии, называемом халдейским платьем, в шлемах, с трубками, в которые была вложена плавающая трава, с свечами и с пальмами. Когда святитель входил в храм, впереди его шествовали отроки с зажженными свечами; один халдей шел по правую руку, другой по левую. Во время входа в алтарь святителя халдеи оставались в трапезе, -- отроки входили в алтарь северными дверьми и пели вместе с поддьяками. В заутрени, за 6 часов до рассвета, происходило представление. Святитель входил в храм также с отроками и халдеями в том же порядке, как и накануне, в вечерне; отправлялась заутреня, отроки все это время находились в алтаре. Но когда оканчивали седьмую песнь канона, посвященную, как известно, воспоминанию события трех отроков, тогда начинали петь особый канон в честь их, где ирмосы и причеты были составлены применительно к повествованию пророка Даниила об отроках. На седьмой песне этого канона отроческий учитель творил по три поклона пред образами и, поклонившись святителю, говорил: "Благослови, владыко, отроков на уреченное место предпоставити!" Святитель благословлял его по главе, говоря: "Благословен Бог наш, изволивый тако!" Тогда учитель отходил, обвязывал отроков по шеям убрусами и, по знаку святителя, отдавал халдеям; халдеи, держась за концы убрусов, шли: один впереди, другой позади отроков; отроки держались друг друга руками. Дошедши до приготовленной печи, один из халдеев, указывая на печь пальмою, говорил: "Дети царевы!., видите ли сию печь, огнем горящу и вельми распаляему!" Другой добавлял: Сия печь уготовася вам на мучение". Один из отроков, представлявший лицо Анании, говорил: "Видим мы печь сию, но не ужасаемся ея: есть бо Бог наш на небеси, ему же мы служим, -- той силен изъяти нас от печи сея!"

Представляющий лицо Азарии продолжал: "И от рук ваших избавит нас"; а Мисаил доканчивал: "А сия печь будет не нам на мучение, но вам на обличение". Потом протодиакон зажигал свечи отроческие и стоял на царских дверях, а отроки пели: "И потщимся на помощь", как бы готовясь к мучению. По окончании пения протодиакон, стоявший со свечами, вручал их святителю; отроки подходили к нему и каждый получал от него свечу, целуя руку святителя. Учитель развязывал каждого отрока пред получением святительского благословения. После того начинался такой диалог между халдеями: "Товарищ!" -- "Чево?" -- "Это дети царевы?" -- "Царевы". -- "Нашего царя повеления не слушают?" -- Не слушают, -- "А златому телу не поклоняются?" -- "Не поклоняются", -- "И мы вкинем их в печь?" -- "И начнем их жечь", -- Тогда брали под руки Ананию и вкидали в печь, потом говорили Азарии: "А ты, Азария, чево стал? И тебе у нас то же будет". Тоже брали Азарию и вели в печь. Наконец, таким же образом поступали и с Мисаилом. Чередной звонарь являлся с горном, наполненным угольями, и ставил под печь. Протодиакон возглашал: "Благословен еси Господи Боже отец наших! Хвально и прославлено имя твое во веки!" Отроки повторяли этот стих, а халдеи ходили около печи с трубкою, со свечами и с пальмами, метали из трубок плавучую траву, примериваясь пальмами, как будто раздувая огонь. Протодиакон читал песнь отроков: "И прави путие твои, и судьбы истинны сотворил еси". За ним пели дьяки; когда же протодиакон возглашал: "И распаляшеся пламень над пещию", -- отроки пели: "Яже обрете о пещи халдейстей". Тогда ключарь принимал от священника благословение ангела спускати в печь. Дьяконы брали у халдеев трубки с плавучей травой и огнем; протодиакон громко возглашал: "Ангел же Господень сниде купно со Азариною чадио в печь", и когда доходил до стиха: "Яко дух хладен и шумящ", тогда являлся ангел, держа свечу и спускаясь сверху с громом в печь; халдеи, державшие в это время свои пальмы высоко, падали, а дьяконы опаляли их свечами. Отроцы зажигали в венцы свои три свечи ангела. Халдеи между собою вступали в такой разговор: "Товарищ!" -- "Чево?" -- "Видиши ли?" -- "Виджу", -- "Было три, а стало четыре"... Грозен и страшен зело, образом уподобися Сыну Божию". -- Отроки в пещи держали ангела -- два за крылья, а один за левую ногу. Потом ангел подымался и бросал отроков сверху. Протодиакон читал песнь отроков; отроки пели ее в

пещи, а вслед за ними повторяли ее дьяки правого, потом левого клироса: халдеи зажигали вновь потухшие свечи и стояли с поникшими головами; когда же песнь доходила до места "Благословите трие отроцы", ангел снова спускался с громом и трясением в пещь, а халдеи от страха падали на колени. По окончании всей песни ангел поднимался вверх; халдеи подходили к пещи, отворяли двери пещи, стояли без шлемов, или. туриков (которые спадали у них при первом появлении ангела), и вели между собою следующий разговор: "Анания! гряди вон из пещи!" -- "Чево стал? Поворачивайся, -- неимет вас ни огонь, ни солома, ни смола, ни сера", - - "Мы чаяли -- вас сожгли, а мы сами сгорели!" -- После того халдеи выводили за руки отроков из пещи, одного после другого, сами надевали на себя турики, брали в руки свои трубы с плавучею травой и огнем и становились по обе стороны отроков. Обряд оканчивался многолетием царю и всем властям. Заутреня продолжалась обычным порядком. После славословия протопоп с отроками входил в пещь и читал там Евангелие. По окончании заутрени пещь принималась и ставился снова амвон на прежнее место (Древн.-русск. вивлиоф., VI, 371 и дал.). Новгородская халдейская пещь до нашего времени сохранялась в главе собора Св. Софии и в настоящем (1860) году перевезена в Императорскую академию художеств. Это, так сказать, полукруглый шкаф без крышки, с боковым входом, на подмостке. Стены ее разделены на части продольными колонками, очень искусно украшенными резьбою. По стенкам находились некогда изображения, теперь несуществующие. Резьба была позолочена.

Особенностью празднества Рождества Христова было славить Христа. Священники ходили из дома в дом. В самый день Рождества было в обычае печь крупичатые калачи или перепечи и посылать приятелем в дома. Вечера Святков, как и теперь, были временем гаданий и девичьих забав. В простонародье сохранились в эти дни заветные обряды язычества. В навечерие Рождества Христова бегали по городу или по селу и кликали коледу и усень, или таусень; в навечерие Богоявления кликали пугу. Эти обычаи наблюдались не только по разным глухим местам Руси, но и в столице, у подножия Кремля. Вообще время от дня Рождества Христова до Богоявления проводилось разгульно; пьянство доходило до бесчинства, тут-то чаще

происходили кулачные бои; по улицам ходили толпы песельников, а халдеи, отправлявшие пред праздником действо чуда над отроками, бегали в своих нарядах по городу и обжигали встречным бороды. На праздник Богоявления некоторые купались в реке, после окончания водоосвящения; в особенности подвергали себя такой пытке те, которые во время Святков позволяли себе разные увеселения и переряживания.

На Масленице бесчинства было еще более; тогда ночью по Москве опасно было пройти чрез улицу; пьяницы приходили в неистовство, и каждое утро подбираемы были трупы опившихся и убитых. В воскресенье перед постом родные и знакомые посещали один другого и прощались. Равным образом и встретясь на улицах говорили друг другу: "Прости меня, пожалуй!" Ответ был: "Бог простит тебя". Тогда, после обедни, вспоминая родителей, ездили по церквам и монастырям и прощались с гробами усопших. С наступлением Великого поста начинались дни воздержания; те самые, которые в мясоед и на Масленице позволяли себе неумеренность в пище и питье, теперь питались одним кусочком хлеба с водою в день; мужья убегали жен; встречаясь друг с другом, знакомые напоминали один другому о христианском житие и посте в ожидании светлого праздника. В старину как принадлежность поста существовал обычай посылать друг другу так называемые укрухи с разными фруктовыми лакомствами и вином. Это делалось, как видно, по праздникам и субботам, когда церковь ослабляет строгость Великого поста. День Вербного воскресенья привлекал зрителей на оригинальную церемонию ведения осла, принадлежащую к сфере церковных обрядов. Пасха праздновалась, как и теперь, всю неделю, и крашеные яйца, как и теперь, составляли особенность праздника. Всю Страстную неделю повсюду толпились продавцы красных яиц; другие расписывали их золотом; некоторые яйца были гусиные или куриные, вареные, а иные деревянные; при христосовании считали необходимым дать яйцо, а если христосовались люди неравного достоинства, то яйцо давал высший низшему. В этот праздник существовал обычай, по которому бояре, а за ними и другие сословия являлись к царю и подносили подарки; точно так же подносили дары крестьяне господам. Эти подарки назывались великоденскими припасами; с своей стороны и господа их дарили, когда целовали*.

* De Bruyns, 33.

На Святой неделе по улицам городов и посадов господствовала крайняя пестрота одежд и всеобщее удовольствие; всю неделю звонили в колокола, веруя, что этот звон утешает на том свете усопших. Русские, встречаясь между собою, целовались: никто не мог отказаться от пасхального поцелуя; однако высшие не всегда позволяли это низшим себя; так, царь не христосовался ни с кем, исключая патриарха, а давал целовать свою руку. В старину существовал обычай христосоваться с мертвыми, теперь почти уже вышедший из употребления. В день Пасхи, после заутрени, ходили на могилы родителей и родственников и восклицали: "Христос воскрес!" и бросали яйцо на могилу. Так точно и царь христосовался с усопшими предками в Архангельском и Вознесенском монастырях. Благочестивые люди старались святыне дни воскресного праздника провести в делах милосердия, и в эти дни особенно кормили нищих, раздавали милостыню, посылали пособие заключенным. Но в массе простого народа духовное торжество воскресения Христова уступало место материальной радости: толпы наполняли кабаки, на улицах шатались пьяные, и так же, как на Масленице, по ночам случались убийства.

Из церковных праздников в простом народе суббота перед Троицыным днем и рождества Иоанна Предтечи сопровождалась полуязыческими обрядами. Троицкая суббота, день всеобщего поминовения усопших, была вместе с тем днем забав и веселий. Народ собирался на кладбищах (по жальнику): сначала плакали, голосили, причитывали по родным, потом появлялись скоморохи и гудцы и причудницы: плач и сетование изменялись в веселье; пели песни и плясали*. В праздник Купала во многих местах народ бессознательно праздновал языческую ночь, проводя ее в забавах. Мы имеем любопытное описание такого народного праздника в Пскове в 1505 году. Когда наступал вечер 23 июня, весь город поднимался; мужчины, женщины, молодые и старые, наряжались и собирались на игрище. Тут являлись неизбежные скоморохи и гудцы с бубнами, сопелями, дудками и струнными гудками: начиналось, по выражению современника, ногам скаканье, хребтам вихляние. Женщины и девицы

плясали, прихлопывая в ладоши, и пели песни, принадлежащие этому празднику. По известию монаха, который считал эти забавы угождением бесам, в эту ночь происходило много соблазнительного по поводу сближения молодых людей обоих полов.

* Стогл., вопр. 27.

ГЛАВА XX

Домашние обряды. -- Родины и крестины. -- Брак. -- Новоселье. -- Смерть. -- Погребение

Пиршества и увеселения сопровождали семейные события. Рождение младенца ознаменовывалось всегда домашним торжеством. Зажиточные люди учреждали родинные столы, а крестьяне приготавливали особое пиво и брали для того разрешение от начальства*. Родильницы получали от гостей подарки, обыкновенно деньгами: это соблюдалось и у знатных, но только для исполнения обычаев, ибо родильнице в доме боярском давали по золотому, хотя такая сумма не могла чего-нибудь составить для тех, кому дарили**.

* А. А. э., 1,421.

** Mejerto., 159,161.

Русские спешили крестить; и чаще всего крещение совершалось в восьмой день по рождении, но иногда в сороковой, так как эти числа напоминали в младенческой жизни Иисуса Христа события Обрезания и Сретения; имя нарекали чаще всего случайно, по названию святого, которого память случалась в день крещения. Крещение происходило у всех сословий в церквях и допускалось в домах только в крайнем случае, по болезни новорожденного, да и тогда соблюдалось, чтоб обряд происходил непременно не в той комнате, где дитя родилось*. Исстари, как показывают это Вопросы и ответы Кирика, комната, где родился младенец, несколько дней считалась оскверненной. Выбор восприемников падал чаще всего на духовного отца или родственника. При крещении на младенца надевали крест медный, серебряный или

золотой, который оставался на нем во всю жизнь как символ его принадлежности к христианскому обществу. Восприемнику священник возлагал на шею белый платок и связывал его обоими концами; а по окончании обряда платок этот снимался и оставался в церкви**. После обряда в тот же день учреждался крестинный стол, и при этом, кроме гостей, кормили и нищих. Царь в день крещения своего дитяти делал торжественный стол для патриарха, духовных властей и светских сановников; по окончании обеда духовные благословляли новорожденного, а прочие гости подносили ему дары. В царском быту это был единственный раз, когда царское дитя показывали до совершеннолетия; с тех пор оно оставалось на долгое время погребенным в глубине постельных хором. Крещение царского младенца не ограничивалось одним обычным крестинным столом. По городам и монастырям ездили жильцы с грамотами, возвещающими о рождении царского детища, и все монастыри спешили везти новорожденному подарки; тем, которые мало давали, замечалось, что они мало желают добра царским детям. В свою очередь, однако, по случаю рождения дитяти царь прощал виновных и оказывал различные милости***. Духовное рождение считалось значительнее телесного, и оттого день рождения оставался незаметным, а день ангела, или именины, во всю жизнь праздновался каждым, кому состояние позволяло. С утра именинник или именинница рассылали гостям именинные пироги; знатность лица, которому посылались пироги, измерялась величиною посылаемого пирога. Гости по приглашению сходились на именинный стол и приносили именинникам подарки; духовные благословляли именинников образами, а светские подносили материи, кубки или деньги****. В царском быту царь в день своих именин, по выходе из храма от обедни, раздавал из своих рук именинные пироги; то же делала царица у себя на свои именины. Совершеннолетние царевичи сами за себя раздавали пироги, а в день именин царевны или малолетнего царевича раздавал их за именинников царь; но все-таки почиталось необходимым, чтоб от именинника были розданы пироги. Если боярин или окольничий был именинник, то являлся с пирогами к царю; царь принимал пирог и спрашивал именинника о здоровье, потом именинник представлялся царице и также подносил ей пироги*****.

* Strauss, 217.

** Стогл., гл. 45.

*** Дон., I, 119.

**** Доп., 1, 141. -- Врем., XIII. Расх. кн. Никона, 10, 30 и дал.

***** Котоших., 25.

С другой стороны, царю, как и частным лицам, на именины подносили подарки, и эти подарки, как и подносимые царю и в других случаях, уже обратились в закон. Все торговые люди необходимо должны были поднести царю подарки, которые отсылались на казенный двор и с казенного двора продавались; нередко случалось, что купец покупал на казенном дворе ту самую вещь, которую когда-то подарил царю, и теперь подносил ее государю в другой раз. За именинными столами приглашенные гости пели многолетие, а после стола именинник, с своей стороны, иногда отдаривал гостей: по крайней мере так водилось у царей*.

* Дом. Б. Русск. Цар. От. Зап. 1854 г. Январь, 33.

Несмотря на предпочтение духовного рождения плотскому, у русских долго было в обычае кроме христианского имени иметь еще прозвище, или некрестное имя; обычай этот водился в удельные времена между князьями, которые кроме крещеного имени всегда имели еще княжее старославянское и более были известны под последним. В XVI и XVII веках мы встречаем множество имен или прозвищ, которые существовали вместе с крещеным именем и употреблялись чаще последнего, так что и в деловых бумагах назывался человек не христианским своим именем, а прозвищем; напр., Первый, Смирный, Девятый, Злодей, Козел, Паук, Русин, Злоба, Шестак, Неупокой, Нехорошко, Беяница, Дунай, Май, Пospelка, Роспута, Мясоед, Кобяк*.

* А. И. 5 II, 213. III, 192. IV, 19, 75.- Доп., I, 76, 83, 85. II, 154,- Врем., XVIII. См., 54.

Даже священники носили такие имена*. Иногда было три имени: прозвище и два крещеных имени -- одно явное, другое тайное,

известное только тому, кто его носил, духовнику да самым близким. Это делалось по верованию, что лихие люди, зная имя человека, могут делать ему вред чародейственными способами, и вообще иногда легко сглазить человека**. Поэтому в глазах людей прикрывались чуждым именем, скрывая настоящее. Случалось, что человека, которого все знакомые знали под именем Дмитрия, после кончины, на погребении, духовные поминали Федотом; и только тогда открывалось, что он был Федот, а не Дмитрий. Случалось, что крещеное имя переменялось на другое по воле царя; напр., девицу Марию Хлопову, взятую в царский двор в 1623 году с намерением быть ей невестой государя, переименовали в Анастасию; но когда государь раздумал и не захотел взять ее себе женою, тогда она опять стала Мария***. Другие, особенно беглые, самопроизвольно переменяли свои имена, прозвища, и оставались навсегда с новыми и так были записываемы****. Нередко цари давали почетные прозвища людям, и эти прозвища оставались навсегда и потом переходили в фамильные прозвания; например, в 1564 году одного мордвина царь нарек Дружиною*****.

* Доп., I, 392.

** Это сведение, как кажется, нигде не напечатанное, открыто Н.В. Калачовым, сообщившим его мне.

*** С. Г. Гр., III, 261

**** П. С. З., I, 596

***** Врем., V. См., 52.

Прозвища классические, столь обыкновенные впоследствии в семинариях, были в употреблении еще в XVII веке, ибо в 1635 году встречается фамилия Нероновых*.

* А. И., III, 333.

Брак сопровождался самыми затейливыми обрядами, и никогда семейная жизнь не облакалась таким блеском, как в эти торжественные минуты жизни.

Русские женились вообще очень рано. Бывало, что жених имел от 12 до 13 лет*. Русские как будто спешили уйти от соблазнов холостой жизни. Редко случалось, чтоб русский долго оставался неженатым,

если только не болезнь была этому причиною, или какое-нибудь горе не мыкало им в разные стороны, или если он не расположен был вступить в монастырь. При ранней женитьбе совершенно было естественно, что жених и невеста не знали друг друга до брака: и тот и другая, будучи еще детьми, играли страдательную роль под влиянием родителей и удалены были от людского взора. Вообще нравственные понятия того времени не позволяли молодым людям обоих полов видаться и уговариваться между собою. Жених не смел даже сказать, что желает жениться; родителю предоставлялось распоряжаться его судьбою. Только тогда, когда жених вступал во второй брак, или был уже в зрелых летах, или не имел родителей, приступ к бракосочетанию делался им самим лично. Иногда же первый шаг начинался и со стороны родителей невесты. Желая сбыть дочку, родители засылали к жениху близкого им человека сватом: он обыкновенно начинал речь похвалою честному имени рода жениха и невесты, говорил о взаимной любви двух родов и представлял выгоды, какие могут произойти от соединения их родством. Если родители жениха соглашались, то приступали к сватовству обычным порядком**. Сами цари действовали таким образом, -- Михаил Федорович предлагал дочь свою за датского принца***. Иногда браки начинались по воле высших лиц; так, цари и великие князья женили своих бояр и ближних людей и сами выбирали им невест, а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая их согласия. При царе Алексее Михайловиче правительство, желая умножить народонаселение в Сибири, хотело непременно, чтоб пашенные крестьяне, там поселенные, отдавали дочерей своих за ссыльных; но как честные поселяне не хотели брать себе в зятья мошенников и воров, то их принуждали к тому силою и брали за послушание большую пеню****.

* Jenkins. Had., 360.

** Petr., 321.

*** С. Г. Гр., III, 406.

**** А. И., IV, 60.

Родители, вознамерясь женить сына, советовались с близкими родственниками и часто не говорили об этом самому жениху ничего. Избравши дом, с которым не стыдно было породниться, они посылали

к родителям невесты свата или сваху для предварительного объяснения. Если родители невесты не желали вовсе отдать дочери за предлагаемого жениха, то отговаривались обыкновенно тем, что она еще молода или подобным предлогом. Если же были согласны, то не заявляли об этом тотчас, но говорили, что посоветуются с роднею, и назначали день решительного ответа. Когда наконец давалось согласие, сват или посредник просил дозволения видеть невесту. Случалось, что такое дозволение не получалось, иногда от гордости, иногда оттого, что невеста была дурна собою. Но чаще случалось, что родители позволяли видеть девицу, и тогда посылалась какая-нибудь родственница жениха или же ехала сама его мать: во всяком случае эта женщина называлась смотрительницею. Показ невесты происходил различным образом: иногда смотрительницу вводили в убранную комнату, где невеста стояла в лучшем своем наряде с лицом, закрытым покрывалом; иногда же невеста сидела за занавесом, и занавес отдергивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась с нею по комнате, заговаривала с нею, стараясь выпытать, умна ли она, хороша ли, "не безъязычна ли и речью во всем исполнена"*. Бывало, если у родителей дочь-невеста урод, то вместо нее приводили меньшую и выдавали смотрительнице за невесту, а если не было другой дочери, то подставляли служанку. Жених не имел права сам видеть невесты до брака и, следовательно, должен был довольствоваться теми известиями о ней, какие передавала ему смотрительница. Он узнавал обман не прежде как после венчанья. Обманутый жених мог жаловаться духовным властям; производился розыск; спрашивали соседей, знакомых и дворовых людей, и если обман открывался, то виновного наказывали кнутом и брак расторгали; но это случалось очень редко; гораздо обыкновеннее подводили дело так, что жених поневоле должен был жить с своею суженой, и ему говорили позднее нравоучение: "Не проведая подлинно, не женись!" Зато муж в таком случае, в утешение себе, колотил жену, принуждал ее постричься, а иногда тайно умерщвлял: поэтому некоторые женихи, чувствуя в себе довольно силы и значения перед семьею невесты, настаивали, чтобы им самим дозволено было видеть невесту, и родители позволяли, если дорожили женихом; но тогда уже отделаться жениху было трудно. Правда, если невеста ему не нравилась, он не женился; зато должен был убегать всякого разговора о своих

прошедших отношениях, а иначе родители невесты, злясь на него, могли подать жалобу духовным властям о том, что он их бесчестит: дурно говорит о невесте и отбивает женихов; такая жалоба могла последовать даже и в таком случае, когда жених вовсе ничего не говорил; жениха принуждали жениться, или заплатить бесчестье, если он уже успел жениться на другой**.

* Котоших., 120.

** Котоших., 126.

Впрочем, если жених и видел невесту -- и тогда он не мог уберечься от обмана, ибо он ее после того уже не видал более до самой свадьбы, и родители невесты, если были бесчестные люди, могли все-таки подменить невесту, как и в том случае, когда видела ее смотрительница. Один молодой человек (вероятно, не имевший родителей) задумал жениться и поручил свату найти ему невесту. Приятель условился с одним посадским обмануть его; у этого посадского была кривая на один глаз дочка. Родитель этой красавицы обещал приятелю награду, если он сбудет ее за охотника. Сват отправляется к жениху и говорит, что он может увидеть невесту из окна, когда она пройдет по улице. Девуцу провели во всем убранстве, и жених смотрел на нее из окна; девица, идя, держалась так, чтоб жениху виден был один ее здоровый глаз. Жених не заметил другого и согласился жениться. Плохое житье было и мужу и жене: выиграл зато один сват*.

* Strauss, 199.- Колл., 11.

Великокняжеские, а впоследствии царские свадьбы начинались смотром девиц. Собирали из разных сторон девиц дворянских фамилий, и царь смотрел на них и выбирал себе по вкусу. Когда великий князь Василий Иванович собирался жениться, то на смотр к нему собрали тысячу пятьсот девиц*. Иван Васильевич Грозный приказывал князьям, дворянам и детям боярским отовсюду свозить дочерей своих девок. В Новгородской области из всех пятин должны были помещики свозить их в Новгород к наместнику, а наместник обязан был доставлять их к царю по требованию. Это была

обязанность всех отцов, и кто оказывался виновным в непослушании и медленности, тот подвергался опале и казни**.

* Herb., 19.

**С. Г. Гр., II, 43.

Эта честь вообще не слишком соблазняла отцов, ибо тогда многие вяземские и дорогобужские дворяне получили выговор за промедление. При втором бракосочетании царя Алексея Михайловича девицы были собраны в доме Артамона Сергеевича Матвеева, и царь -- в противность принятому издавна обычаю не посещать домов подданных своих -- смотрел на них в окошко из потаенной комнаты. Он выбрал трех и приказал доверенным женщинам освидетельствовать их душевные и телесные достоинства, а потом уже, по рекомендации этих смотрительниц, избрал Наталью Кирилловну. Избранную царскую невесту брали во дворец, облакали в драгоценные одежды, нарекали царевною, и она жила в совершенном отчуждении от царя до самого брака; ибо и цари, подвергаясь общим народным нравственным обычаям, позволяли себе только однажды видеть невесту.

После смотра происходил сговор -- первая часть брачного праздника, или вступление к торжеству. Сговорный день назначался родителями невесты. Родители жениха, сам жених и его близкие родственники приезжали к ним. Это случалось иногда до обеда, иногда после обеда, вечером, смотря по тому, как угодно было назначить хозяевам. Тут родители невесты принимали гостей с почестями, выходили к ним навстречу, кланялись друг другу до земли, сажали гостей на почетных местах в переднем углу, а сами садились подле них. Несколько времени они молчали, глядя друг на друга: так следовало по приличию. Потом женихов отец или его старый родственник говорил церемониальную речь и в ней выражал, что они приехали для доброго дела, а родители невесты отвечали, что рады такому приезду. Тогда составлялся уговор, писалась рядная запись, где означалось, что обе стороны постановляли: в такое-то время жених обязывался взять себе в жену такую-то, а родственники ее должны были ее выдать и дать за ней такое-то приданое. Сроки были различные, смотря по обстоятельствам: иногда свадьбы совершались и

через неделю после сговора, а иногда между сговором и венчанием проходило несколько месяцев. Приданое всегда было важным условием русской свадьбы и состояло в постели, платьях, домашней утвари и украшениях, в рабах, в деньгах и недвижимых имениях, если девица была дворянского происхождения. От жениха ничего не требовалось; старинный обычай давать за невесту вено в XVI и XVII вв. совершенно исчез*. Обыкновенно приданое доставлялось в дом новобрачным после свадьбы; но недоверчивые родители жениха нередко требовали, чтоб оно было доставлено до свадьбы, держась пословицы: "Денежки на стол, девушку за стол". Все писалось в рядные записи подробным образом, и в обеспечение верности условий назначалась неустойка, или попятное**. Та сторона, которая отступала, обязывалась платить известную сумму: такие суммы были велики, смотря по состоянию, и всегда таковы, что могли быть тягостны для несоблюдающего обязательство. Рядную запись писал подьячий, которого нарочно при этом приглашали***, иногда в той же рядной записи прибавлялось условие, чтоб мужу не бить жены своей***, и в случае нарушения условия ее родители могли искать судом на зяте, который без того не обязывался к такой кротости по одному своему званию супруга. Невесты не было при сговоре. Но по окончании условий одна из женщин, из семейства или из родни невесты, приносила жениху и его родственникам подарки от имени невесты. Сговор имел юридическую силу. Отказаться после него от брака -- значило оскорбить семью.

* Fletch., 240. On. г. Шуи, 415.

** Petr., 321.

*** Колл., 11.

Долго ли, коротко ли было время от сговора до свадьбы, только жених не видал своей невесты, как выше сказано. Когда день, назначенный для бракосочетания, приближался, у жениха и у невесты делались приготовления; собирали поезжан, снаряжали разные свадебные чины, по духу времени составлявшие необходимость брачного торжества; они должны были исполнять разные символические должности как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Свадебные обряды изображали вступление жениха и невесты

в иную жизнь и представляли как бы торжественное возведение их в новое достоинство. Они имели подобие с возведением старинных князей в достоинство их власти, а потому-то жених носил название князя, а невеста -- княгини. Главный чин со стороны жениха был тысяцкий, точно так же как некогда существовала должность с подобным названием во времена удельно-вечевые. Он сопровождал повсюду жениха, так что без него жених не ступал шагу. Затем следовали посаженные отцы и матери, если не было родных, в противном случае их должность исполняли настоящие родители. Отец и мать жениха благословляли его на брак; отец и мать невесты выдавали невесту. С обеих сторон выбирались старшие и меньшие дружки и две свахи из замужних женщин: одна сваха женихова, другая невестина. С обеих сторон выбирались сидячие бояре и боярыни, которые должны были образовывать почетный совет; также с обеих сторон назначались свадебные дети боярские, или поезжане, сопровождавшие шествие жениха и невесты и во время церемоний представлявшие второй класс гостей после бояр. Наконец, к свадебному чину принадлежали лица, выбранные из прислуги: свечники, каравайники и фонарщики. Сверх всех свадебных чинов был один, очень важный, которого должность была отпускать свадьбу от всякого лиха и предохранять ее от колдовства и порчи, ибо свадебное время считалось особенно удобным для порч и колдовских лиходейств. Он назывался ясельничий, или конюший*.

* Оп. г. Шуи, 456.

Накануне свадьбы собирались к жениху его гости, а к невесте гости, составлявшие ее поезд; и те и другие пировали. В царских свадьбах царь сидел с невестой за одним столом и все приносили поздравление. У простых же в эти дни выбранные свадебные чины с обеих сторон находились отдельно. У посадских и у крестьян велось в обычае, что жених в то время посылал невесте в подарок шапку, пару сапогов, ларец, в котором находились румяна, перстни, гребешок, мыло и зеркальце*; а некоторые (XVI века, а может быть, также и в XVII) посылали еще принадлежности женских работ: ножницы, нитки, иглы, а вместе с ними лакомства, состоявшие в изюме и фигах, и розгу. Это было символическим знаком того, что если молодая жена будет

прилежно работать, то ее станут за это кормить сладостями и баловать, а иначе будут сечь розгами**.

* Olear., 215.- А.г. Шуи, 63.

** Дженк., 560.

Венчание происходило большею частью вечером. Утром в день торжества (иногда же накануне) сваха невесты отправлялась в дом жениха готовить брачное ложе. Существовало верование, что лихие колдуны и колдуньи могут внести порчу и нагнать злых духов в тот дом, где рядят свадьбу. Против этого наблюдали разные средства. Между прочим, сваха обходила кругом хоромину, где устраивалось брачное торжество, и кровать, где постилалось брачное ложе, с рябиною в руках, на которой нарезывались символические знаки*. Ее шествие совершалось церемонно. За свахою человек пятьдесят, а иногда и до ста прислужников несли на головах разные принадлежности брачного ложа и брачной комнаты. Брачною комнатою избирался сенник, часто нетопленный. Необходимо было, чтоб на потолке не было земли, чтоб, таким образом, брачная спальня не имела никакого подобия с могилою. Сенник обивался по стенам и устилался по помосту коврами; под стенами всегда были лавки с полавочниками; по четырем углам комнаты втыкалось по стреле, а на стрелы вешали соболей, в княжеских и царских свадьбах по сороку, а в других по одному соболю; да сверх того на оконечности стрелы втыкался калач. На лавках по углам ставили по оловянику питейного меда; над дверьми и над окнами, как внутри, так и снаружи, на стенах прибивали по кресту. Когда в этот покой вносили постель, то впереди несли образа Спаса и Богородицы и большой крест. Постель готовилась на кровати или на широкой скамье таким образом: сперва настилали снопы (в царских свадьбах число их было тридевять, то есть двадцать семь, а в обыкновенных свадьбах по сорока: то и другое число имели символические значения и, вероятно, употреблялись по произволу); на снопы клали ковер, а на него перины; на свадьбе Михаила Феодоровича положено было семь перин, одна на другую**; у простых клали иногда по две перины и более, по желанию. На перины клали изголовье и две подушки; на подушки натягивались шелковые наволоки; постель была застлана шелковою

простынею, на нее сверху постилали холодное одеяло; в довершение всего клали на подушку шапку, а в ногах теплое одеяло, соболие и кунье, с оторочкою из более богатой материи, чем самое одеяло, -- шубу и ковер, и закрывали простынею***. Вокруг постели устраивались тафтяные занавесы. Над постелью ставились образа и крест, те самые, которые предшествовали при вносе постели. Образа были задернуты убрусами или застенками, смотря по их величине. Возле самой постели ставили кади или открытые бочки с пшеницею, рожью, овсом и ячменем. Это означало обилие, которого желали новобрачным в их новом домоводстве****. На царских свадьбах сенник устраивался во дворце. Между тем и у жениха и у невесты пекли свадебные хлебы или караваи и готовили стол.

* Буслаева. О нар. поэт., 32.

** Др. Русск. вивл., XIII, 169.

*** Оп. г. Шуи, 187,403.

**** Olear., 211.

Когда время венчания приближалось, невесту начинали одевать в самое лучшее платье и навешивали на нее сколько возможно более украшений; в это время девицы пели ей свадебные песни. Между тем в парадно убранной комнате ставили столы, накрывали их брачными скатертями, уставляли укусницами, солоницами и перечницами, устраивали поставец, как водилось вообще на пирах, и убирали место для жениха и невесты на возвышении, или рундуке. На этом месте клали бархатные или камчатные золотые изголовья, а сверху покрывали их соболями; подле самого места становилось одно лицо из свадебных чинов: это лицо держало в руке пук соболей; его должность была опахивать новобрачных. Перед местом ставили стол, накрытый тремя скатертями, одна на другой; на них клали соль в солонице, калач или перелечу и сыр. Над местом прибавляли икону, и, кроме того, в комнате, назначенной для торжества, ставили во всех четырех углах по одной иконе.

В то же время жених в доме своих родителей собирался с своими поезжанами. Убравшись в венчальный наряд, он ожидал, как ему дадут знать, что пора ехать за невестою. С гостями его находился непременно и священник, который должен был венчать.

После того как в доме невесты все было готово и сама невеста одета, ей на голову возлагали венец -- символ девичества и вели с торжественным шествием в залу, где было устроено место для нее с женихом. Впереди шли женщины-плясицы, которые плясали и пели песни. За ними каравайники несли на полках, обшитых богатыми материями, караваи. На караваях лежали золотые монеты, называемые в описании царских свадеб пенязями. Потом следовали свечники с свечами и фонарщики с фонарями для свеч. Как у жениха, так и у невесты было по свече; два свечника несли одну свечу, потому что они были массивны: например, женихова в три пуда, невестина в два пуда. На свечах надевались серебряные или серебряно-вызолоченные обручи и бархатные или атласные кошельки. Возле свеч несли обручальные свечи и богоявленскую (водокрещенную) свечу, которою зажигали брачные свечи. В царских свадьбах, отправляемых во дворце, свечи жениха и невесты несли разом пред будущею царицею. В частных свадьбах жениховы караваи, свечи и фонари несли перед ним, когда он прибывал к невесте. За каравайниками, свечниками и фонарниками невесты шел дружка и нес опахало: то была большая металлическая миса; в ней лежали на трех углах хмель, собольи и беличьи меха, платки, шитые золотом, червонцы и деньги. Двое по сторонам предшествовали княгине или невесте и держали пут, чтобы никто не перешел дороги. За ними две свахи вели невесту в венце под покрывалом. За невестою следовали сидячие боярыни, составлявшие ее свадебный чин: две из них держали по мисе или по блюду. На одном лежала кика -- головной убор замужней женщины с принадлежностями, как-то: подубрусником, или волосником, гребешком и чаркою с медом, разведенным в воде или вине. На другом лежали убрусы, назначенные для раздачи гостям. Блюдо с осыпалом и с убрусами ставилось на столе перед главным местом, где лежала перепечка с сыром. По бокам становились каравайники, свечники и фонарники. Невесту сажали на место, а возле нее сажали какое-нибудь лицо, чаще всего брата или родственника, иногда мальчика возрастом. Все составлявшие чин невесты садились по своим местам, каждый по своему чину.

Когда все усаживались, отец и мать невесты, действительные или нареченные, посылали дружку к жениху. Приходя, он извещал, что время ему идти по невесту.

Священник первый вставал с места и провозглашал: "Достойно есть!" Вставали родители, брали по образу и становились рядом. Жених кланялся им в ноги, целовал образ и получал родительское благословение. Вслед за тем поезд отправлялся; в таком торжественном шествии впереди шли каравайники с караваем, свечники и фонарники с своими принадлежностями, потом священник с крестом, потом бояре, за ними жених, которого вел под руки тысяцкий, за ними поезжане, то есть все составлявшие чин жениха. Они садились на лошадей верхами или в сани. Когда таким образом шествие достигало двора невесты, родители невесты выходили к ним навстречу. Они входили в приготовленный покой, где уже сидела невеста. Жених молился, знаменуясь крестом, и кланялся образам на все четыре стороны, потом вместе с дружкой подходил к своему месту; следовало выкупить это место у того мужчины или мальчика, который сидел подле невесты; последний, получив несколько монет, уступал свое место, и жених садился подле невесты на одну подушку с нею. В царских свадьбах лицо, сидевшее подле невесты, сводили с места, взявши под руки.

Эти обычаи сходки жениха с невестой были одинаковы и в царских свадьбах, с тою разницею, что на свадьбе у царей все это происходило в одном и том же дворце. Царь собирался в одной из палат, царица в другой; сначала царица шла в Грановитую палату; ей предшествовал священник и кропил святою водою место, где она садилась. На этом месте лежало сорок соболей, которые были подмяты, когда она садилась: возле нее садился какой-нибудь из знатных князей. Когда все было устроено, посылали дать знать царю. Царь отправлял прежде своего нареченного отца; тот, вошедши в царицыну палату, кланялся на все стороны ударял челом будущей государыне и садился на большом месте возле жены своей, если она была здесь. Посидев немного, этот нареченный отец посылал к царю одного боярина с речью: "Государь царь и великий князь всея России! Боярин такой-то велел говорить: прося у Бога милости, время тебе идти, государю, к своему делу". Государь вставал, принимал благословение митрополита и со всем своим поездом шел в Грановитую палату. Впереди его шли двое духовных особ -- благовещенский протопоп с крестом и крестовый недельный священник. Священники кропили водою путь, тысяцкий вел царя под

руку, за ним следовали стольник с колпаком и стряпчие. Прибывши в палату и благословившись, царь подходил к своему месту, большой дружка подымал посаженное близ невесты лицо, а царь садился на его место возле будущей жены.

Когда, таким образом, усаживались, начинали разносить кушанье и ставить на столы. Гости ели, но, впрочем, как говорит Котошихин, не для того, чтоб наестся, а только для чина. Едва ставили на стол все блюда первого кушанья, как священник прочитывал "Отче наш", потом молитву покровения главы. По окончании последней молитвы сваха подходила к отцу и матери невесты и просила благословения невесту чесать и крутить. "Благослови Бог!" -- отвечали родители. Зажигались свадебные свечи богоявленскими свечами; свечники, поставив свои свечи, держали протянутый между женихом и невестою большой кусок тафты с нашитым крестом, так что жених и его поезжане, которые сидели на одной с ним стороне, не могли видеть невесты. Сваха снимала с невесты покрывало, потом венок; другая женщина подносила мису с кикой и гребнем. Сваха омокала гребень в чарку с медом и расчесывала невесту, потом свивала или скручивала ей волосы и надевала волосник, кикку и подзатыльник и, наконец, закрывала, иногда тем же покровом, который разделял ее от жениха. Венок отдавался на сохранение на память о девичестве. После того подносили свахе мису с осыпалом; она осыпала невесту и жениха и опахивала сорока соболями, которые держал, как выше сказано, один из свадебных чинов, называемый держальником. У посадских людей во время расчесывания был такой обычай: когда жених и невеста сидели, отделенные друг от друга покровом, им приказывали приложить щеки к покрову. Перед ними держали зеркальце, и жених здесь мог увидеть в зеркале лицо своей будущей жены и дружелюбно ей улыбнуться; в то же время один из гостей подходил к ним в вывороченном шерстью вверх тулупе и желал невесте столько детей, сколько было шерстинок в тулупе.

Во все продолжение обряда укручивания невесты сидячие боярыни и девицы пели свадебные песни, а дружка, взяв нож, подходил к отцу и матери невесты и говорил: "Благословите резать перелечу и сыр". "Благослови Бог!" -- отвечали те. Дружка резал перелечу и сыр на мелкие куски, клал на большое блюдо, накладывал туда же множество ширинок и отдавал подружему, или меньшему

дружке; сам получал от невесты вышитый ее руками убрус и подносил его жениху, а меньшей дружка разносил и раздавал всем гостям куски перепечи и ширинки, также посылал отцу и матери жениха, остававшимся в своем доме. В то же время сваха осыпала свадебных бояр и гостей, то есть бросала в толпу их горстями все, что было на осыпале, -- серебряные деньги, хмель, куски материи и проч., и всяк на лету хватал, что успевал схватить.

Между тем подавали другую яству, за нею подавали третью: как только она появлялась на столе, сваха подходила к родителям невесты и просила благословения -- *молодых везти к венцу*. "Благослови Бог!" - - отвечали те. Все вставали. Родители брали по образу, обыкновенно в окладах, с драгоценными украшениями. Подле них становился священник. Новобрачные кланялись и принимали благословение. Отец и мать разменивали их кольцами и, взяв дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь друг другу. Наконец, отец брал плеть и ударял ею свою дочь, говоря: "По этим ударам ты, дочь, знаешь власть отца; теперь эта власть переходит в другие руки; вместо меня за послушание тебя будет учить этою плетью муж!" С этими словами он передавал плеть жениху, а тот, приняв плеть, говорил: "Я не думаю иметь в ней нужды, но беру ее и буду беречь, как подарок". Он закладывал ее за кушак.

Между тем в продолжение этого обряда каравайники и свечники выходили. За ними выступали свадебные гости. Устилался путь кусками материи, и новобрачные шли по этим кускам к дверям. Женихова и невестина свахи вели невесту за руки, все еще закрытую. Тысяцкий устраивал порядок шествия. Между тем те, которые держали сорок соболей, взятых с места, где сидели новобрачные, клали их опять на то же место, а скатерть, на которой резали перепечу и сыр, складывали и отдавали ключнику.

На дворе перед крыльцом стояло множество оседланных лошадей и колымаг, или каптанов. Когда свадьба происходила у бояр, близких особ царя, то им на этот торжественный день давались царские лошади и экипажи.

Сани невесты убирались как можно понаряднее, поволакивались атласом, а на сидалище клалась бархатная подушка; богатый ковер спускался со спинки; под дугою привешивались, как водилось, лисьи и волчьи хвосты. К таким саням подводилась невеста; в санях сидело

другое лицо: его следовало свести, точно так как сводился сидевший подле невесты вместо жениха. Невеста садилась в сани вместе с двумя свахами. Над нею держали соболей. Подобный обряд наблюдался и в отношении жениха: у крыльца стоял его аргамак, а на аргамаке сидел другой; и когда являлся жених, тот вставал и шел пешком, а жених садился на аргамака и ехал к венчанью. Если же, по причине непогоды, нельзя было ехать верхом, то жених садился с тысяцким в сани или в коляску, а тот, кто прежде сидел в санях, шел пешком. Жених должен был ехать с своим поездом вперед и прибыть в церковь ранее невесты. В самых простых свадьбах новобрачные ездили, а не ходили пешком. В царском бракосочетании путь до церкви устилался камками, и двадцать человек детей боярских царицыных наблюдали, чтоб никто не переходил пути между женихом и невестой. В простонародных свадьбах впереди поезда пели свадебные песни и забавники отпускали шутки. Это не одобрялось церковью, и духовные называли вообще свадебные песни нелепым криком и козлогласованием.

Когда молодые входили в церковь, ясельничий с своими двумя помощниками стерег коня и сани, чтоб кто-нибудь не перешел дороги между верховым конем жениха и санями невесты и чтобы вообще лихие люди не наделали чего-нибудь дурного колдовством.

Путь от церковных дверей до налоя устилался кусками материи; самое место перед налоем также устилалось и, сверх того, на нем клали соболей. Когда свадьба была вечером, то жених и невеста тотчас после прихода в церковь становились на свои места; но иногда свадьбы бывали после обедни: тогда жених и невеста становились у церковных столбов, слушали литургию и по окончании ее подходили к налою. В царских свадьбах XVI века венчание происходило после обедни, а в XVII -- вечером, и тогда высокая чета венчалась тотчас по прибытии в храм. После венчания невесту раскрывали, и священник читал новобрачным поучение: в нем обыкновенно наставлял их ходить часто в церковь, слушаться своих духовников, хранить посты и праздники, подавать милостыню, а мужу повелевал учить жену палкою, как подобает главе. Потом он брал жену за руку, вручал мужу и приказывал им поцеловаться. Жена иногда в знак повиновения припадала к ногам супруга и касалась челом его сапога, муж же покрывал ее полою платья в знак будущего покровительства и защиты*. Наконец, священник давал новобрачным деревянную чашу с

вином; муж принимал, отпивал и давал жене; та отведывала и передавала опять мужу. Таким образом, оба пили три раза, наконец муж допивал, бросал под ноги чарку и топтал ее разом с женою, приговаривая: "Пусть так под ногами нашими будут потоптаны те, которые станут посеять между нами раздор и нелюбовь". Существовало поверье, что кто из супругов прежде успеет наступить ногою на чашу, тот над другим будет сохранять первенство; но как ни старались воспользоваться этим жены, однако редко им удавалось. Подходили свадебные гости и поздравляли обвенчавшихся, а между тем тысяцкий уже посылал дружку вперед к отцам жениха и невесты и к оставшимся в доме свадебным чинам известить, что молодые обвенчались в добром здоровье. В то же время дружка разрезывал каравай, и священник отсылал его (вероятно, через того же дружку) отцам обоих семейств как символ будущего их свойства и родственной приязни**, и оба рода давали обет быть людьми одного стола и одного хлеба -- хлебосолами и жить дружно, как зерна одного колоса. Об этом обычае рассказывает Флетчер как о происходившем в церкви, но, как известно, родители в церкви не бывали, следовательно, обычай соблюдался через посылку. Впрочем, вероятно, он не всегда наблюдался, а в царских свадьбах никогда, ибо там равенства между семьями не было и быть не могло.

* Fletch., 247.

** Retch., 247.

При выходе из церкви сваха осыпала новобрачных семенами льна и конопли, желая им счастья; другие дергали жену за рукав, показывая вид, будто хотят разлучить ее с женихом, а жена тесно прижималась к своему суженому. На знатных свадьбах существовал обычай бросать окружающим монеты*. Из церкви весь поезд отправлялся в дом мужа, у простого народа -- с свадебными песнями, криками и плясками.

* Паэрле, 50.

После венчания весь поезд отправлялся в дом мужа, а на царской свадьбе -- в тот покой, где было окручивание; но когда в XVI веке свадьбы происходили после обедни, то царица отправлялась в свои

покои; свечи и караваи уносили в сенник к постели, а царь ездил по монастырям и, возвращаясь домой, посылал звать жену и всех гостей к обеду. Вероятно, на свадьбах частных людей, если венчание было после обедни, новобрачные разъезжались по своим домам, а уже к вечеру жену привозили в дом мужа и там происходило брачное торжество. Если же, как чаще случалось, венчание было вечером, то все, как выше сказано, ехали прямо к жениху. Когда поезд прибывал в его дом, навстречу выходили отец и мать жениха с образом и с хлебом-солью и благословляли новобрачных. При входе в дом потешники, по распоряжению ясельничего, играли в сурьмы и бубны "чинно, немятежно, благолепно, доброгласно". Тогда новобрачные садились за стол; все также садились на свои места. Невеста была уже открыта и должна была непременно плакать, выражая разлуку с родителями и страх нового образа жизни, а женщины и девицы пели печальные песни. Ни жених, ни невеста ничего не должны были есть, хотя перед ними и ставили кушанья. Когда гостям подавали третью перемену -- лебедя, перед новобрачными ставили жареную курицу; дружка брал эту жареную курицу и обвертывал скатертью, второю из трех скатертей, положенных на столе перед новобрачными до венчанья. Он обращался к отцу и матери и говорил: "благословите вести молодых опочивать". Те отвечали: "Благослови Бог!" и шли к дверям; отец останавливался у дверей, а мать уходила к сеннику. Тогда дружка уносил символическую курицу в сенник, за ним шли свечники и каравайники и ставили свечи в кадь с пшеницею, стоявшую у изголовья брачного ложа. Тысяцкий, дружка, свахи вставали. Вставали жених и невеста и подходили к дверям; отец брал за руку невесту и говорил жениху: "Сын наш! Божиим повелением (если же свадьба устраивалась по приказанию царя, то прибавлялось: и царским жалованьем) и благословением нашим и матери твоей велел тебе Бог сочетатися законным браком и понять такую-то, приемли ее и держи, как человеколюбивый Бог устроил в законе нашей истинной веры, и святые апостолы и отцы предаша". Сын брал свою жену за руку, выходил с нею из дверей и шел до сенника; тут встречала их мать или сваха в вывороченной вверх шерстью шубе и осыпала новобрачных. Таким образом новобрачные входили в сенник. Гости уходили в покой, откуда вышли, и продолжали пировать, а дружка и сваха вступали с

новобрачными в сенник и раздевали их: дружка жениха, сваха невесту, и сами потом уходили к гостям.

Тогда в старину между женихом и невестою происходил обряд разувания, очень древний обряд, дошедший к русским от времен язычества. Он состоял в том, что жена, в знак покорности, должна была снять с мужа сапоги. В одном из сапогов была монета. Если ей удавалось снять прежде тот сапог, в котором была монета, это значило, что ей будет счастье; в противном случае значило, что ей придется угождать мужу и разувать. При этом муж, в знак своей власти, ударял будущую спутницу своей жизни по спине плетью, полученною от тестя.

Когда молодые были в сеннике, а гости пировали в комнате, около сенника ходил или ездил ясельничий с обнаженным мечом для предохранения от всякого лиходейства. По прошествии некоторого времени отец и мать посылали дружку узнать о здоровье новобрачных; если жених через дверь отвечал, что он в добром здоровье, это значило, что между ними доброе совершилось, и тысяцкий тотчас посылал к родителям невесты сказать, что новобрачные в добром здоровье; дружка за то получал подарки, и все свадебные гости отправлялись в сенник кормить новобрачных. Как жених, так и невеста ничего не ели в тот день; теперь пищею для них была та самая курица, которую дружка прежде их уносил в сенник, обернувши скатертью; кроме этого символического блюда давали еще и другие кушанья. На царских свадьбах государя кормили перед сенником в сенях, а царицу в самом сеннике. Взявши курицу, новобрачный должен был, по старинному обряду, отломить у нее ножку и крыло и бросить через плечо назад. По другим известиям, этот обряд совершался пред положением в постель. Во время кормления новобрачных муж подавал гостям вино и все пили с поздравлениями. Потом новобрачных снова укладывали в постель, а гости возвращались в прежнюю комнату и продолжали веселиться; тогда веселие часто переходило в оргию и нередко забывались всякие приличия. Музыки не было; только трубили в сурьмы, били в бубны и наркомы.

На другой день новобрачных вели, при звуке сурьм и литавр и пении песен, в отдельные мыльни. В мыльнях их мыли вином и медом. Жена шла в мыльню с свахою и матерью жениха и показывала знаки своего девства; с нее снимали сорочку и вместе с простынею прятали

как свидетельство целомудренного поведения. Муж мылся с тысяцким и дружкой; тогда молодая жена присылала ему в мыльню сорочку, обыкновенно унизанную жемчугом. На царских свадьбах цари кушали в мыльне, а царицы в избушке. По выходе из мыльни новобрачный шел вперед в сенник, за ним приходила новобрачная. Тут являлись женщины, а впереди них сваха несла горшочек или два горшочка, поставленные на одном блюде и обернутые соболями; в этих горшках была каша; сваха кормила ею и мужа и жену; перед мужем держал горшочек дружка, перед женою сама сваха; этот обычай наблюдался и у царей и у крестьян. На царских свадьбах происходил в это время обряд раскрывания; боярин, нареченный отец царский, раздвигал стрелою покров, заслонявший царицу; до того времени даже и после венчания ее никто не видал; только после этого обряда все подходили к ней и могли иметь счастье увидеть ее светлые очи. После этого все шли к столу. В частных свадьбах этот последний обряд не наблюдался; и после кормления кашею жених, вместе с своим родителем, с тысяцким, дружкой и со всеми свадебными поезжанами, ехал к родителям невесты. Вступая к ним в дом, новобрачный бил челом и благодарил за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, его жену, и ласково приглашал их к себе на обед со всеми гостями невестина чина. Тогда у жениха был торжественный пир, называемый княжим: это название было и у крестьян, которые никогда не равнялись князьям, и у царей, которые всегда были выше всех князей. Когда в конце пира подавали на стол овощи и разные лакомства, отец и мать благословляли новобрачных образами и все гости дарили их разными вещами и тканями. Все ели, пили в изобилии и веселились. Но если бы случилось, что невеста не сохранила своего девства, общее веселье омрачалось. Посрамление ожидало бедных родителей новобрачной. Отец мужа подавал им кубок, проверченный снизу, заткнув отверстие пальцем; когда сват брал кубок, отец жениха отнимал палец и вино проливалось на одежду при всеобщем поругании и насмешках, и тогда самая печальная участь ожидала в будущем их дочь в чужой семье. Впрочем, этого избегали, если бы и так случилось. Котошихин говорит, что в подобных случаях новобрачный тайно пенял тестя и тещу. Вероятнее, что такие случаи не только в высших кругах, но даже и между посадскими были очень редки, тем более что девиц отдавали молодыми.

В этот день новобрачный, если он имел к царю доступ, после посещения родителей невесты являлся во дворец со всем поездом, состоявшим обыкновенно из лиц, имевших право являться к царской особе. Государь принимал их сидя и в шапке. Все кланялись в землю. Государь милостиво спрашивал их о здоровье (такой вопрос считался большою милостью), поздравлял жениха с законным браком, благословлял его с женою образами и жаловал подарками, состоявшими обыкновенно в соболях и разных материях или серебряных сосудах, а в заключение приказывал подать всем по кубку романи да по ковшу вишневого меда: все выпивали и уезжали домой. Новобрачная не ездила с мужем к царю, а посылала к царице и царевнам подарки, шитые золотом и серебром тафтяные убрусы. Царица и царевны, принимая эти знаки челобитья, спрашивали их о здоровье. Если же бы случилось, что невеста не сохранила девства, то муж, имевший несчастье взять за себя такую жену, не смел явиться царю на глаза.

На следующий день, т.е. на третий день после брака, было пиршество у родителей невесты. При окончании стола отец и мать невесты благословляли новобрачных, а гости дарили их. На свадьбах редко дарили деньгами, а по большей части вещами, также скотом и лошадьми. По окончании пиров дары отсылались на рынок и оценивались, потом жених должен был отдаривать за них подарками равного достоинства. Герберштейн говорит, что, по обычаям, жених должен был в течение года непременно отдарить всех, которые ему поднесли подарки после свадьбы; иначе же если он в продолжение этого времени не исполнил своего долга, то должен был дарить вдвое. Если же он не отсылал принятых вещей к ценовщикам, то отдаривал по желанию тех, которые ему дарили. В эти послесвадебные дни пиршеств невеста почти ничего не говорила, кроме формальных обрядных речей. Ее малословность считалась достоинством. Зато все другие женщины, приглашенные на свадебное торжество, пользовались большою свободою, чем когда-либо, и часто случалось, что доходили до безумия: женщины, в обыкновенное время скромные и целомудренные, тогда напивались, позволяли себе смелые выходки и даже невольно впадали в грешки среди общего смятения. В эти-то минуты разгула, по народным верованиям, всего удобнее колдуны могли портить людей, не огражденных молитвою и богомыслием от их

наветов. Тогда вдруг на кого-нибудь находила скорбь. На одной посадской свадьбе, в XVII веке, мать жениха, а потом и сноха вдруг начали кликать без ума и памяти. Явился знахарь, взялся их поставить на прежнюю степень, но, набравши за это денег, не сделал ничего хорошего, и они подали на него челобитную.

Царские свадебные торжества продолжались несколько дней. На другой день отправлялся княжий стол, на третий -- стол от царицы: нареченные родители благословляли высокую чету, а гости подносили дары; на четвертый день царь делал стол духовенству, и при окончании обеда патриарх и власти благословляли новобрачных образами и все гости дарили им кубки и ковши, а потом царь отдаривал их деньгами, тканями и чествовал подачами. В следующие дни делались столы другим сословиям: стольникам, стряпчим, дворянам, гостям, иноземным людям и выборным посадским, которые нарочно к царскому торжеству приезжали с поздравлениями. Все подносили царю дары. Зато и царь в эти светлые в его жизни дни изливал обильно щедроты: несколько дней кормил простое духовенство на дворе, раздавал ему деньги, посылал в города деньги и молебные грамоты, ездил с молодою царицею по монастырям, кормил и дарил чернецов; везде чернецы приветствовали царя и царицу окладными образами и подносили хлеб и соль. Царь не забывал угнетенных и нищих, посещал богадельни и тюрьмы и отпускал на свободу узников, посаженных за долги или за неважные преступления. Не всегда, впрочем, подносимые царям дары принимались; так, при бракосочетании царицы Натальи Кирилловны царь их не принял.

Свадебные обряды были одинаковы как у первобрачных, так и у тех, которые женились или выходили замуж в другой и третий раз; но второй брак не имел уже той святости, какую облакался первый. Если оба из супругов были вдовцы, то на них не возлагали венцов на голову, а держали на плечах. Церковный обряд третьего брака состоял в одном молитвословии, без венчания, и вообще третий брак не одобрялся церковью. Фотий в одном из своих посланий, писанных в начале XV века, приказывает священникам и вообще не допускать мирян до третьего брака, приводя слова Григория Богослова: "Первый брак -- закон, второй по нужи прощение слабости ради человеческие, третий - - законопреступление, четвертый -- нечестье, понеже свиньское есть житие"*. Несмотря на воспрещение четвертых браков церковью они

случались, и правительство дозволяло детям, рожденным от четвертого брака, пользоваться правами законных детей в отношении наследства**. Некоторые сходились для брачного сожития без всякого благословения церкви***, и жены таких назывались невенчанными. Эти браки были в обычае у Козаков****. В старину некоторые, вопреки коренным основаниям христианских понятий о семейной нравственности, имели у себя две жены разом, вероятно по языческому обычаю*****.

* Доп., I, 329.

** П. С. З., I, 828.

*** А. А. э., I, 462.

**** А. И., III., 43, 1615 года.

***** Р. Дост., 91.

Новоселье в старой русской жизни было торжественным событием; хозяин, входивший в новопостроенный дом, приглашал духовенство освящать его и созывал родных и знакомых. Гости являлись непременно с хлебом и солью -- символами желания обилия и благополучия; русские верили, что приносимый хлеб с солью в новом доме изгонял влияние злого духа*. Люди, не чуждавшиеся колдовства и ворожбы, напротив, являлись на новоселье с черною кошкою, с черным петухом, тащили растворенную квашню и катали три хлеба, а потом замечали, как эти хлебы ложились, и записывали "на хартиях, и ключи в псалтырь вложат, оттуду ложная вещующе"**.

* D. Gr. R.v. Mosc., 200.

** Рум. муз., рукоп, No 374.

Надобно было умеючи выбирать самое место, на котором хотят строить новый дом; для узнания, хорошо или дурно место, наблюдались разные гаданья: например, клали дубовую кору и оставляли ее на три дня; на четвертый поднимали и замечали, что под корой: если там находили паука или муравья, то считали место лихим; напротив, если находили червяков или черную мурашку, то можно было ставить дом безопасно. Гадали еще о том же посредством трех хлебов, которые спускали на землю из-под пазухи: "Если все три

хлебца лягут кверху коркою верхнею, то место добро; тут с Божией помощью, ничего не боясь, ставить избу и всякие хоромы; если же лягут вверх исподнею коркою, тут не ставь и то место покинь. Когда же только два хлебца лягут кверху верхнею коркою, еще ставь -- добро, а когда же падет один хлебец кверху своим верхом, а два к исподу, то не вели ставить на том месте"*.

Во время пиршества на новоселье комната устилалась травой, и на большом столе, покрытом скатертью, клали принесенные хлебы и ставили в солоницах соль. После пиршества каждый из гостей должен был что-нибудь подарить хозяевам.

* Буслаев, О нар. поэз., 35.

Смерть человека сопровождалась заветными обычаями. По понятию русских, умирать среди семейства в полной памяти считалось благодатью небесною для человека. Чувствуя приближение смерти, русский составлял завещание, распределял свое состояние и вместе с тем назначал для успокоения своей души какие-нибудь добрые дела. Богоугодными делами, достойными великой минуты смерти, почиталось раздавание милостыни, наделение монастырей и в особенности освобождение рабов*. Пред смертью вспоминалось увещание церкви, которая хотя и терпела рабство, но, в сущности, не одобряла его и поучала, что "все есми создание Господне, все плоть едина, и все миром едином помазаны, и все в руке Господни, его же хочет обнищать"**. Так, в завещаниях князей наших всегда почти есть распоряжения об отпуске рабов***. То же соблюдалось до позднейших времен господами. Нередко господин не только отпускал на волю всех холопов, но еще раздавал отпущенным по несколько рублей, что называлось выделкою****. Также благочестивым делом считалось платить и прощать долги*****. Иногда умирающий учреждал после себя монастырям кормы и кормы на нищую братию, сам раздавал попам разные вещи и суммы на церкви*****, назначал по себе чтение псалтыря. Все это называлось строить душу. Все это соединялось с верованием, что человек будет осуждаем после кончины по тем поступкам, с которыми застанет его смертный час: "В коем бо деле вѣдосить тя смерть, в том же осужден будеши, ли в посте, ли в бдении, ли в лености"*****.

* Herberst., 30.

** Доп., I, 361.

*** С. Г. Гр., I, 51, 82.

**** А., отн. до юр. б., I, 551, 556, 565,- А. г. Шуи, 136.

***** С. Г. Гр., I, 272, 303.

***** С. Г. Гр., I, 32.

***** Погод. Сборн., No 1298.

Около умирающего собиралось семейство, слуги и близкие знакомые; ему подносили образа, и он каждого благословлял особым образом; в числе окружавших его смертную постель непременно находился духовный отец*. Многие для большей верности спасения души облекались пред смертью в монашескую одежду, а иные принимали и схиму, как это делали цари. Если больной после того жил несколько времени, то уже ничего не вкушал и на земле находился как бы за пределами земной жизни; и если бы случилось ему выздороветь, то непременно должен был поступить в монастырь**. Когда начиналось предсмертное томление, тогда читалась отходная. Когда умирал царь или особа из царской семьи, звонили в колокола и пели великий канон; бояре, думные и ближние люди являлись во дворец в черных платьях.

* А. А. э., II, 86.

** Mejerb., 483.

Как только человек испускал дыхание, на окне ставили чашу с святой водой и мису с мукой или с кашей* (вероятно, с кутьей). Это был какой-то остаток язычества, существовавший не у одних русских, но и у татар. Мертвеца обмывали теплою водою, надевали сорочку и завертывали в белое покрывало или саван, обували в сапоги или башмаки, а руки складывали крестообразно. На царя надевали царское одеяние, на голову ему возлагали корону. Толпы знакомых стекались в дом умершего; начинался плач и причитание. Жена покойника обыкновенно заводила первая, причитывая: "Ах ты мой милый, мой ненаглядный! Как же ты меня покинул! На кого меня, сироту, оставил? Али я тебе нехороша была; али нехорошо наряжалась и убиралась?"

Али мало тебе детей народила?" Другие вопили: "Зачем тебе было умирать? Ты был такой добрый, щедрый! Али у тебя не было чего съесть и спать? Али у тебя женушка некрасива была? Али царь тебя не жаловал?" Посылали собирать духовенство, и при этом обычай требовал каждому духовному лицу, приглашаемому на погребение, послать в подарок водки, меда и пива. Тело лежало на столе, пока изготовлялся гроб. Обыкновенно гроб делался деревянный, как у богатых, так и у бедных, с тою разницею, что у богатых обивался внутри и снаружи материями разного цвета: например, внутри червчатым, а снаружи вишневым бархатом. Когда мертвеца клали в гроб, некоторые, по какому-то поверью, привешивали к гробу кафтан покойника, а в рот ему клали несколько мелких монет, как будто для издержек в дальней дороге на тот свет. Летом русские хоронили очень скоро -- обыкновенно в течение двадцати четырех часов по смерти, и нередко скончавшийся утром был уже погребен при захождении солнца. Если по какому-нибудь случаю, напр., ожидая прибытия родных, погребение откладывалось, то труп вносили в ледник для предупреждения зловония. Мертвеца выносили из дому закрытым гробовою крышкою, сверху покрытою покровом или же шубою; так, на погребение князьям Черкасским выдавались из казны соболя шубы**.

* Колл., 7,-Strauss, 207.

** А. И., IV, 300.

Гроб не везли, а несли на руках, обыкновенно шесть человек, и если покойник или покойница успевали принять монашество, то непременно монахи или монахини. В таком случае обыкновенно хоронили в монастырях. Для эффекта нанимались плакальщицы, которые шли впереди и по бокам похоронного шествия с распущенными волосами и нарочно искаженными лицами. Они кривлялись и вопили, то громко вскрикивали и заливались плачевными причетами, то заводили тихим, пискливым голосом, то вдруг умолкали и потом заводили снова; в своих причетах они изображали заслуги покойника и скорбь родных и близких. Все сопровождавшие гроб шли с зажженными свечами, обвязав платками головы. Мертвого иногда

вносили в церковь и оттуда по совершении панихиды выносили на кладбище.

Когда гроб готовились опустить в могилу, крышу приподнимали и все должны были подходить к телу и целоваться с мертвым, впрочем позволялось прикладываться и к гробу. Жена должна была вопить и причитывать, а плакальщицы показывали свое искусство хором. Священник давал в руки мертвого отпустительную грамоту, которую иностранцы, по неведению, почитали рекомендательным письмом -- сами не знали к кому, кто думал -- к св. Петру, а кто, к св. Николаю. После опущения гроба в могилу все целовали образа, а потом ели кутью, непременно каждый три раза, наблюдая такой порядок, что прежде всего подходила к кутье жена, за нею дети, потом родственники, наконец гости, слуги и все посторонние.

Зимою не спешили хоронить, и особенно знатных и богатых предавали земле не в первый день после смерти. Тело выносили в холодную церковь и ставили там иногда дней на восемь; в это время духовенство служило каждодневно литургию и панихиды. Уже на восьмой день предавали мертвого земле. Для людей бедного и даже средственного состояния было чрезвычайно дорого нанимать копать могилу зимою; поэтому мертвецов ставили в усыпальницу или притворы при колокольнях и там держали до весны. Весною семейства разбирали своих мертвецов и хоронили на кладбищах. Должность эту исправляли особые рабочие, которые назывались гробокопателями. Они получали плату с каждого погребения. Бедняки, которым не на что было похоронить своих родных, просили милостыни на погребение, и благочестивые зажиточные люди считали богоугодным делом похоронить бедняка; также из христианской благотворительности отправляли погребение содержащимся в тюрьмах преступникам.

Кладбища располагались отдельно за городом, но часто хоронили близ церквей в селениях и посадах. По понятию русских, место для кладбища было свято, и тревожить прах мертвых считалось преступлением. Так, когда Иоанн III перестроил Москву и переставляли церкви и монастыри, его поступок возбудил негодование архиепископа Геннадия. "А ведь тое для, -- писал он, -- что будет воскресение мертвых, не велено ни с места двинута, опричь тех великих святых". Ограды около церкви и кладбища были лишены

деревьев. Это считалось нечестием на основании слов Второзакония: "Не насадиши садов, ни древа подле требника Господа Бога твоего"*.

Неприкосновенность кладбищ долго наблюдалась свято, и в 1672 году, когда до сведения царя дошло, что в Архангельске на месте, где было кладбище, поставили торговые амбары, царь велел их снести**. В самой Москве повсюду при церквях были могилы, и земля под кладбищами считалась церковною; духовные, пользуясь этим, строили на ней свои лавки и амбары; но в 1681 г. опять велено прекратить такие постройки***.

* Посл. Генн. А.А.э., 1,481.

** Доп., VI, 208.

*** А. И., V, 117.

Издавна могилы родителей и предков были святыней для русского народа, и князья наши, заключая договор между собою, считали лучшим знамением его крепости, если он будет произнесен на отцовском гробе*.

* С. Г. Гр., I, 35.

Утопленников и удушенных не хоронили на кладбищах; напротив, существовало даже верование, что если где-нибудь похоронят утопленника или удушенника, то за это весь край постигает бедствие; на этом основании в старину народ, приведенный в волнение каким-нибудь несчастием, напр. неурожаем, выгребал таких мертвецов из могилы*. Но вообще их хоронили в убогом доме, если они не были самоубийцы. Убогие дома были не только в Москве, но и в других местах. В них хоронили вообще отверженных, которые не считались достойными быть погребенными на кладбище. Так, и воров и разбойников, казненных или умерших от ран, хоронили в убогом доме** без отпевания. Самоубийц зарывали в лесу или в поле, но даже и не в убогом доме***.

* Поездка в Кирилл. -- Б. монаст., 2, 37.

** Врем., XI. См., 35.

*** Врем., XI. См., 34.

Царское погребение совершалось через шесть недель после смерти. Тело государя шесть недель стояло в домовый церкви в гробу: крестовые дьяки денно и нощно читали над ним псалтирь, и попеременно дневали бояре, окольные и стольники над усопшим. Между тем по всему государству посылались гонцы, которые во все монастыри и церкви возили деньги для служения панихид; в праздники при служении панихиды ставили кутью; эти панихиды по всем церквам и монастырям царства Русского служились в течение шести недель, каждый день, исключая воскресеньев. В сороковой день после кончины совершалось погребение царственной особы. Отовсюду стекались в Москву духовные власти, архимандриты и игумены. В погребальной процессии впереди шло духовенство; наблюдалось, чтоб важнейшие особы, архиереи и патриарх, шли сзади прочего духовенства, а за духовными следовали светские сановники, бояре и окольные, за ними царское семейство, а за ним боярыни. Множество народа толпилось за гробом, без чинов и различия достоинства.

Прощания с царственными особами не происходило при опущении гроба; с ними прощались ближние прежде, при выносе в домашнюю церковь после кончины. Опустив тело в могилу, не засыпали его землею, а закрывали каменною доскою. Пышность и издержки на погребение соразмерялись с значением усопшей особы, так что погребение царя производилось великолепнее, чем царевичей, а погребение царевичей -- великолепнее погребения царевен.

Вообще у всех классов сорок дней после смерти определялись на поминовение. Семейные нанимали духовных читать псалтирь по усопшим. Чтение это у иных происходило в двух местах разом: в доме, где умер покойник, и на могиле; для этого устраивался на могиле деревянный голубец, покрытый сверху рогожею; там стоял образ, и каждое утро при зажженной свече монах или церковный дьячок читал псалтирь*.

* Olear., 316.

Семейные носили скорбное платье цвета черного или синего, и непременно худое и изодранное; быть одету опрятно и прилично в это

время считалось неуважением к памяти усопшего. Вместе с молитвами об усопших отправляли кормы, или поминальные обеды; таких было, смотря по обстоятельствам и желанию семейных, не менее двух и не более четырех -- в третий, девятый и двадцатый и, наконец, очистительный в сороковой день, так называемый сорочины: тогда снимался траур. Чаще всего поминали три раза; толковали, что троекратное поминовение совпадает с переменами, какие испытывает тело покойника в гробу; в третий день изменяется его образ, в девятый распадается тело, в сороковой истлевает сердце. Это троекратное поминовение совпадает с верованием о путешествии души на том свете: в третий день ангел приводит душу на поклонение Богу. "Яко ж бо от царя земного послани будут воины привести некоего и связавше его поведают ему повеление цареву, трепещет же и держащих и ведущих его немилостивно к путному шествию, аще и ангелы от Бога послани будут пояти душу человеку". Если в этот третий день совершаются приношения памяти усопшего в церкви, то душа получает "утешение от скорби прежь бывшие ей от разлучения телесного, и разумеет от водящего ю ангела, яко память и молитва ее ради в церкви Божией принесена, и так радостна бывает". С тех пор начинаются путешествия ее с ангелом, который показывает ей блаженство рая и муки ада. В девятый день ей дается отдых. Душа, сохраняя еще земные привязанности, слетает то к дому, где жила с телом, то к гробу, где лежит тело, в котором была заключена; душа добродетельная посещает место, где она "имеяше обычай делать в правду". Тогда душе грешной указывает ангел места, где она согрешала, и ей необходима для ободрения молитва церкви. Наконец, в сороковой день ангел приводит ее снова к Богу, и тогда ей назначается место по заслугам: "Добре держит святая церковь в четыредесятый день, память сотворяя о мертвом"*. Кутья была главною принадлежностью постного обеда. О кутье говорилось так: "Кутья благоверная святым воня; святии бо не ядят не пьют, но вонею и благоуханием тем сыти суть"**. Обычай поминовения был и во времена язычества, и потому к нему примешивались посторонние обряды, не одобряемые церковью. Так, преподобный Феодосий запрещает ставить по усопшим обеды и ужины, класть на кутью яйца и ставить воду; без сомнения, яйца и вода были символами древнего языческого поминовения.

ГЛАВА XXI

Верования

В наших летописях принятие христианства выставляется как бы без борьбы; кажется, будто Русь, омывшись в купели крещения, тотчас же забыла свой прежний языческий мир со всеми творениями его вымысла. Не совсем так было на деле. К сожалению, нам остались такие отрывки духовного противодействия остаткам язычества со стороны духовных пастырей, что мы по ним не можем себе уяснить теперь ни сущности языческих верований, ни степени их перерождения, ни истории их изменений, ни приложения к разным видам внутренней и внешней жизни. Духовные равным образом порицали и преследовали все, что носило на себе память язычества, -- были ли то действительные верования и убеждения или только наружные обряды, игрушки, забавы, потерявшие уже прежний смысл и серьезное значение, так точно как теперь купальный огонь, вожанье козла на Масленице или малороссийское колядованье. Из многого, что осталось и теперь, мы не знаем, то ли значение оно имело в XVI и XVII веках, как в XIX. Выше было показано, что в XVI веке купальское празднество, как народная забава, с примесью таинственного верования, отправлялось во всей силе. Точно так же и языческое веселье: призывание мертвых выразилось в обряде жечь солому и кликать мертвых, осуждаемом "Стоглавом". В XVII веке во многих местах отправлялись разные увеселения -- остатки язычества. В 1620 году царь Михаил Федорович велел кликать клич чрез бирючей, чтоб люди не ходили с кобылками, не сходились на игрища мирские "и коледы б и овсеня и плуги не кликали"*. Но соединялся ли с этими забавами какой-нибудь смысл для народа и в какой степени -- неизвестно. Долее и полнее всех языческих верований сохранялись, кажется, остатки поклонения роду и роженицам. По свидетельству

"Домостроя", в XVI веке еще верили в *родословие*, рекше в *рожаницы***. По толкованию в слове св. Григория в сборнике, хранящемся в Кирилло-Белозерском монастыре***, видно, что ученые люди старого времени признавали род и рожениц божествами славян-язычников наравне с упырями и берегинями (известными нам из чешских памятников), Перуном, Хорсом, Мокошью (о которых упоминает нам Несторова летопись) и вилами, нимфами, о которых фантастические предания сохранились у сербов. Обряды, сопровождавшие поклонение роду и роженицам, состояли в приношении этим фантастическим существам в жертву хлеба, сыра, меда, кур и какого-то смешанного питья (Вопросы Кириковы из парамейного списка XV века). Обряды эти имели смысл как для рождения, так и для смерти человека. Бабы (воспринимавшие младенцев) варили кашу *на собрание роженицам*; в честь им стригли первые волосы с детей; а в память умерших ставили роду и роженицам особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя в то же время готовили кутейную трапезу, принятую церковью. Трапеза называлась трапезою роду и роженицам****.

* А. И., III, 96.

** Врем., I. Домостр., 43.

*** Поездка в Кирилло-Белоз. мон., 2, 93.

**** Ст. Срезневск. в "Архиве Калачова", II, 1, 102, 103.

Из слова Христороубца, хранящегося в Румянцевском музее (No 181), можно заключить, что поклонение роду и роженицам сопровождалось разными увеселениями: пляскою, музыкою, песнями, зажиганием огней; по крайней мере, об этом говорится разом: "Не подобает крестьянам игор бесовских играти: иже есть плясьба, гудьба, песни бесовские, и жертвы идольские, иже огневи молятся и вилам, и Мокоши и Симу реглу и Перуну и роду и роженицам и всем тем, иже суть им подобна".

Что при поклонении роду и роженицам действительно пели песни, видно из Троицкого сборника XVI века, где в укор говорится: "А вы поете песнь бесовскую роду и роженицам". В одном старинном переводе пророка Исайи, в тех местах, где еврейский народ порицается за поклонение идолам, эти идолы несколько раз названы родом и

роженицами с очевидным намерением переводчика применить место пророка к современным заблуждениям: это показывает, что верование роду и роженицам держалось долго и сильно. Что, собственно, разумелось в языческие времена под этими именами, объяснить трудно, и было бы здесь неуместно, если б существование этого остатка язычества не удерживалось в описываемое нами время. Под родом, кажется, следует понимать вообще судьбу или участь -- долю (греческое слово $\cdot \text{H} \text{H} \text{a} \text{H} \text{H} \text{H}$ переведено словом рождение). Род употребляется всегда в единственном числе, и, следовательно, по древнему верованию существовал один род для всех; напротив, роженицы всегда в множественном числе, и это показывает, что для каждого полагалась своя роженица. Существовало верование, что в тот день, когда рождался младенец, по влиянию роженицы давался ему нор и осуд. Это верование совпало вместе с астрологическими верованиями о влиянии планет на рождение человека; ибо в одном азбуковнике о роженицах говорится, что "роженицами еллины называли семь звезд, называемых планиты, и кто в какую планиту родился, тот по той планите любопрятся предвозвещати нрав младенца". Несомненно, что роженицы были гении -- хранители жизни. Их изображали кумирами, как это видно из выражения: "Служат Богу и волю его творят, а не роженицам -- кумирам суетным". Перед этими-то кумирами отправлялись празднества и трапезы роду и роженицам.

Что поклонение частным семейным языческим божествам оставалось долее других верований язычества, это понятно и естественно, потому что человек из сферы мифологии долее удерживает то, что относится к его личности и к тесному кругу жизни, и, напротив, легко забывает предания и склад понятий о существе мира, творении земли, историю богов и героев. Мы, однако, не знаем, в какой степени и где именно и между кем в XVI и XVII веках удержались эти поклонения старым божествам.

Полнее обрисовываются для нас языческие обычаи у финских народов, населявших Северную Русь. Таким образом, в XVI веке в Водской пятине (нынешней Санкт-Петербургской губернии) сельские жители были только по имени христиане. Они совершали моления деревьям и камням и приносили жертвы, сопровождаемые пированьем. Вместо священников, они призывали к себе чудских

колдунов арбуев: рождался ли младенец -- прежде позовут арбуя, тот наречет новорожденному имя, а потом уже родители зовут христианских духовных. Не носили хоронить мертвых на кладбища, а погребали их на курганах и коломищах (?). Эти полухристиане не соблюдали постов и в особенности не терпели Петрова поста, -- вероятно потому, что тут у них было время языческих празднеств, -- убегали христианского брака и предпочитали жить с женщиною по взаимной любви, без венчания. Архиепископ Макарий обратил внимание на такие уклонения от церкви, приказывал священникам сжигать мольбища, венчать тех, которые соединились браком без обряда, освящать их святою водою, как бы возобновляя утраченную благодать, принятую некогда в таинстве крещения, и увещевать арбуев, а непослушных из них отправлять в Новгород. Дети боярские, поселенные в этих местах, были обязаны наблюдать, чтоб народ не убегал от церковных обрядов. В Пермской земле в XVI веке* люди ходили на поклонение истукану -- золотой бабе; когда кого постигало бедствие или болезнь, перед истуканом колотили в бубны и этим думали помочь своей беде. Таким образом, финские народы на просторном севере тогдашней России были в таком же положении, как теперь чуваш и черемисы или как в прежние, более отдаленные века были крещенные русские, когда, по свидетельству Иоанна Пророка, приносили жертвы болотам и колодцам и без благословения пастырей сходились и расходились с женами**. Около Казани и во все стороны в ее окрестностях в XVI веке так называемые новокрещенные чуваш, черемисы и вотяки не ходили в церковь, не соблюдали постов и призывали к родильницам не попов, а баб; хоронили на кладбищах татарских; по необходимости повенчавшись в церкви, совершали еще раз брачные обряды дома, или вместо жен держали у себя пленных ливонок***.

* Chensl. Nacl., 213.

** Прав. Иоан., 94.

*** А. А. э., I, 436.

В описываемое нами время русский народ если и потерял старые формы язычества, но сохранял его дух в самых христианских верованиях. Без знания законов, без малейшего понятия о

существовании их неразвитый человек находится под влиянием таинственных сил и во всем окружающем ищет чего-то такого, на что хочет опереться в своей бессилии. Обычные явления природы наводили страх: явление кометы, затмение солнца, падающие камни производили волнение умов и уныние*. В народном воображении существовали разные фантастические существа, помещаемые в природе. Обыкновенно отдаленные страны служили для воображения местопребыванием таких существ и сценою чудесных событий. Так, на севере России, мрачном, лесистом, суровом, народная фантазия помещала пещеру змеи аспиды, змеи крылатые с птичьим носом и с двумя хоботами -- эта пестрая змея живет в отдаленных печорских горах, не садится на землю, а на камень, а куда полетит, может всю землю опустошить. Но есть заклинатели-знахари -- обаянники, которые умеют ее заговаривать**.

* А И., IV, 331.

** Аспид, змия крылата, нос имеет птичий и два хобота, и в коей земле вселится -- ту землю пусту учинит; живет в горах каменных, не любит ни трубного гласа: пришедше же обаянницы обаяти ю и копают ямы и сажаются в ямы с трубами и покрываются дном железным и замазываются сунклитом и ставят у себе углие горящее: да разжигают клещи, и егда вострубят, тогда она засвищет яко горе потрястися, и прилетевши к яме, ухо свое приложит на землю, а другое заткнет хоботом, и нашед диру малу, начнет битися; человецы же ухвативши ю клещами горящими держат крепче; от ярости же ее сокрушаются клещи не едины, не двои и не трои, и тако сожжена -- умирает; а видом она пестра всякими цветы и на земли не садится, только на камень. (Погод. Сборн. Публ. Библ., 1344).

Пустынные берега широкой Волги также представлялись в народном воображении в чудесном свете. Говорили, что выше Саратова есть гора Змиева, где обитал шестиглавый дракон, налетающий на Русь и причинявший опустошения; но богатырь убил его, а дракон превратился в камень*. Русские уверяли иностранцев, что на низовьях Волги растет животное-растение -- баранец; оно приносит плод, похожий на ягненка. Стебель его идет через пупок и возвышается на три пяди; ноги мохнатые, рогов нет, передняя часть

как у рака, а задняя совершенное мясо. Оно живет, не сходя с места, до тех пор, пока имеет вокруг себя пищу. Показывали меховые шапки и уверяли удивленных западных европейцев, что эти шапки из меха "баранца".

* Olear., 361.

С утратою мифологических образов, с потерей антропоморфических представлений сил природы еще долго остается прежний взгляд на природу, и народ ищет в окружающих его явлениях таинственного относительно к себе, смысла, не давая уже себе отчета, откуда истекает этот смысл, или привязывая его к новым верованиям. На этом основании удерживаются в народе приметы и гаданья. Можно сказать, что жизнь каждого русского, по мере большей или меньшей личной склонности к мистической созерцательности, вся была управляема приметами. Предвещательность и знаменательность явлений для него была так широко развита, что обратилась в систему. В числе запрещенных книг ходили по рукам волховники, или сборники примет и гаданий, в назидание людям. Вот, например, какого рода приметы имели знаменательность для воображения: храм трещит (треск в стене), ухозвон, кости под колпиками свербят -- путь будет; длани свербят -- пенязи иметь; очи свербят -- плакать будут; воронограй, куроклик (пение курицы) -- худо будет; утица крикнет, гусь гогочет, окомиг (дрожь в ресницах), огонь бучит (треск дров), пес воет, мышеписк (писк мышей), мышь порты (платье) грызет, кошка в окне мышья держит, сон страшен, слепца встретить -- изгорит нечто; огонь пищит, искра из огня, кошка мяукает -- падет человек; свеча угаснет, конь ржет, вол ревет, трава шумит, дерево скрипит, сорока поцекочет, дятел желна (долбит дерево), стенощелк (червячки в стенах), жаба воркует*. Некоторые приметы служили к предузнанию погоды и физических явлений: дым высоко в избе ходит (в курной) -- к погоде; мышь в жилье высоко гнездо сошьет -- снег велик будет и погода будет. Другие служили признаками войны, голода и других народных бедствий; наприм. "берег подымается и море дичится, и ветры сухие или мокрые тянут, и облака дождевые и снежные и ветряные, и гром гремит, и буря веет, и лес шумит, и дерево о дерево

скрипает, и волки воют, и белки скачут -- мор будет, и война восстанет, и вода пребудет, и плодов в лете в коем не будет или умалится"***.

* Русск.Вестн.,1842,2,259.

** Рум. Сборн., рукоп. No 374.

Вот сколько примет, и сверх того втрое было больше, чем здесь означено; а из них многие сохранились до сих пор. Верили в сон и составляли обширную систему знаменательных истолкований; верили в чох, в полаз (вероятно, насекомых -- вывод предвещаний из различных их движений), верили в встречу*, то есть считали встречу с одними предметами счастливым, с другими -- несчастным предзнаменованием. К несчастным в древности принадлежали встреча с монахом, с лысым конем, с свиньею.

* А. И., IV, 125. С. Р. Барбер., 43.

Преподобный Феодосии в XII веке укорял* тех, которые при таких встречах ворочались назад. Эти примеры из XII века, без сомнения, существовали в XVI и XVII веках, потому что сохранились и в наше время. Кроме множества гаданий, которые и теперь служат святочной забавой, в старину были целые системы гаданий, записанные в книгах и гадальных тетрадах. Они носили общее название Рафли**. К таким книгам принадлежали "Аристотелевы врата", "Шестокрыл" и астрологические гаданья, занесенные к нам с Запада: "Острономы", "Зодей", "Альманах", "Звездочетье" -- сущность последних состояла в отыскании влияния, какое имели на судьбу человека и на обстоятельства его жизни небесные светила, дни и часы: "О злых часех и о нарождении человечеством в которую звезду или час, добр или зол, и получая счастков и богатству и нищеты и в нарождении добродетелей, и злобам, и долголетству жития и скращения смерти -- и сия вся кошуны и басни суть"***. В этих разнообразных учебниках волшебства заключались, по выражению одного иерарха****, такие вещи, "их же не подобает не точию описывати, но ниже помышляти, ради хулы, и многие скверности и отступничества". К этой категории гаданий относились так называемые рождественные волхвования, которые производили

чародеи по призыву матерей над младенцами, узнавали и определяли их судьбу****. Смелая и суеверная женщина, будучи беременна и желая узнать, кого она родит, давала из рук своих медведю (конечно, ручному, которых часто водят скоморохи на потеху людям) хлеб и прислушивалась к голосу, какой издаст зверь: если он рыкнет -- значит она родит девицу, а если замычит, то мальчика*****. Об образовании младенца составились полуязыческие, полухристианские верования. Одно писание говорит, что человек состоит из восьми частей: "сердце от камня, тело от персти, кости от облак, жилы от мглы, кровь от Чермного моря, теплота от огня, очи от солнца, дух от Свята Духа"*****. Другое писание объясняет, что во время беременности женщины ее ангел-хранитель берет части "у земли, или у воды, или у железа, или у камня, или у дерева, или у огня, или у всякие вещи смертные, и возмет от того ангел материн и кинет на отроча то, и от того зараждается в нем дух"*****.

* Изв. Акад., VI, 278.

** А. А. э., III, 259. Стогл., вопр. II, 22.

*** Пог. Сборн., No 1294.

**** Прав. Собеседн. 1855. Кн. 11, 64.

***** Ст. Срезн. Арх. Калач., II, 1, 105.

***** Рукоп. Румянц. муз., No 374.

***** Рукоп. Румянц. муз., No 358.

***** Погод. Сборн. публ. библ., No 1315.

Человеческие свойства зависят от преобладания какой-нибудь из восьми частей состава его тела: "От земли -- тело: тот человек темен, неговорлив; от моря -- кровь в человеке и тот человек прохладен; от огня -- жар: тот человек сердит; от камня -- кость: тот человек скуп, немилостив; от солнца -- очи: тот человек богатыреват и бесстрашен; от ветра -- дыхание: тот человек легкоумен; от облака -- мысль: тот человек похотлив; от света -- свет: тот человек свят, не мыслит земного, но мыслит небесная"*. К другим гаданьям прибегали в разных предначинаниях, чтобы узнать, удачно ли они пойдут, в разных неудачах и бедствиях, чтоб узнать, чем помочь. Один из старинных родов гаданий назывался получай**. Как он совершался -- неизвестно, но его название заставляет думать, что цель его была -- отыскание

средств к приобретению. Самое распространенное верование было в могущество человеческой воли и выражающего ее слова. Все, собственно, так называемое наше старое чародейство основывалось главным образом на убеждении в силе воли и слова. Волшебник или чародей в обширном смысле был человек, который силою своего слова мог производить желаемое, узнавать будущее, изменять направление обстоятельств, властвовать над судьбою других людей и даже повелевать силами природы. Заговор, или *примовление*, играл главную роль в волшебстве. Правда, волшебники действовали и посредством разных вещей; но народное понятие приписывало силу не самым вещам, а слову, которое им сообщало эту силу. Сила исходила не из природы, а из человека, из его души. То была сила духовная. Даже самое лечение или отравы людей посредством трав приписывались не целебному или вредоносному свойству самых растений по их природе, а человеку, который сообщал им это свойство своею волею, и потому лечение травами преследовалось церковью наравне со всякими другими волшебствами под именем *зеленийничества*. Полагали, что растение совершенно безвредное может быть убийственно, если волшебство сообщит ему злокачественную силу. В 1632 году, во время войны с Литвою, запрещено ввозить в Московское государство хмель, потому что лазутчики донесли, что какая-то *баба-ведунья* наговаривает на хмель, чтобы тем хмелем, когда он будет ввезен в Московию, произвести моровое поветрие***. Волшебники носили разные наименования, которые имели свои особые оттенки, хотя часто значение их смешивалось. Между такими видами волшебников были волхвы, чародеи, чаровницы, зеленщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звездочеты, облакопрогонники, облакохранительники, ведуны, ведуньи, лихие бабы****. Обаянниками назывались фокусники, которых призывали или посещали, "хотяще некая от них увидети неизреченная"*****.

* Там же.

** Врем., I, Домострой, 43.

*** А.А.э., III, 252.

***** Доп. к Суд. Д. И., 1, 252.

***** Врем.. I. Домострой, 43.

Они же заклинали змей и злых животных. Кудесник совершал разные заклинания и чародейственные обряды (кудесы бьют) и предвещал будущее. Сновидцы рассевали в народе разные предзнаменования на основании виденных ими снов и уверяли, что они приняли извещение свыше. Иногда они толковали сны другим, приходившим к ним. Иногда рассказывали о собственных видениях. Во время народных бедствий они толковали народу причины несчастия, часто указывали на какие-нибудь лица, называя их виновниками, и обрекали их народному мщению. Облакопрогонники, как их называет "Домострой", были волшебники, которые, по народному понятию, повелевали дождем и ведром и через то самое могли насылать урожай или неурожай. Верование это очень древнее, как видно из наших летописей по рассказу о избиении в Ростове в XI веке и в Суздале в 1124 году женщин за то, что будто бы они спрятали в себя хлебное жито и съестные запасы. В XVI веке рассказывали, что во время осады Казани, в 1552 году, татарские колдуны и колдуньи, стоя на стенах города, махали одеждами на русское войско и насылали ветер и дождь. Столь же древнее было верование в волшебников, снедающих солнце и луну ("погибе солнце и бысть яко месяц, его же глаголит неведгласи снедаемое солнце". Ип. лет.). В Кормчей книге эти волшебники называются волкодлаками ("влькодлаци луну изедоша или слънце". Арх., II, стр. 48). Ведунами и ведуньями назывались вообще лица обоего пола, ведавшие тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Все лица, занимавшиеся волшебством, составляли в иных местах как бы особые цехи, передавали одни другим свое искусство и промышляли им, помогая тем, которые к ним прибегали в житейских нуждах. Иногда этим занимались и мужчины*, но чаще пожилые и старые женщины.

* Правосл. Собес. 1855, кн. II, 64.

Во всех местах России можно было отыскать их. Особенное уважение существовало к тем, которые жили на севере, в Карельской Земле. Там искал их великий князь Василий Иоаннович, когда, женившись в другой раз на молодой Глинской, хотел иметь детей и прибегал к чародеям, чтоб они помогли ему к плодотворению. В самой Москве жило множество колдуний, и преимущественно в

Замоскворечье. Так, в первой половине XVII века там были известны жонки Улька, Наська Черниговка, Дунька, Феклица, Машка Козлиха, как видно из дела, возникшего в 1638 году по поводу подозрения в порче царицы Евдокии*.

* О ворожбе, Забелина. Ком., 491 -- 492.

Эти чаровницы предлагали свои услуги посредством наговоров над какою-нибудь вещью. Таким образом, к московской чародейке Наське Черниговке прибегали женщины, страдавшие от побоев, которыми наделяли их мужья. Колдунья должна была *отымать сердце и ревность у мужьев*; а когда жены жаловались на холодность мужьев, приворожить их и отнять *сердце и ум*. Она наговаривала на соль, мыло и белила, приказывала женщине умываться мылом и белиться белилами, а соль давать в питье и в еству мужьям, брала у женщины ворот рубашки и сжигала его, наговаривала на пепле и приказывала также сыпать его в питье мужу. Завораживая соль, чародейка говорила: "Как тое соль люди в естве любят, так бы муж жену любил". Над мылом говорилось: "Сколь скоро мыло с лица смоеся, столько бы скоро муж жену полюбил"; когда сжигался ворот рубашки, колдунья говорила: "Какова была рубашка на теле, таков бы муж до жены был". Сожженный ворот рубашки служил также слугам для умилоствления господ: надобно было этого пепла насыпать на след, когда господин или госпожа будут идти. Одна из таких жертв обмана наивно сознавалась, что после того, как она исполнила над своим мужем все, чему научила ее колдунья, муж ее, вместо ожидаемой перемены поведения и ласки, чуть не убил ее; тогда она, увидя, что нет помощи от чародейства, бросила с досады наговорные вещи. Ревнивые мужья хотели от ворожей узнавать о неверности своих жен. Ворожею призывали в дом: она присматривалась к сердцу женщины, которую муж подвергал испытанию; если ворожея замечала, что у жены сердце трепещет, то укоряла ее в неверности и отдавала невинную на произвольную расправу мужа. Если в доме случилась пропажа, призванная ворожея пристально присматривалась к брюху. Другие колдуньи своими наговорами помогали купцам, когда у них заляжется товар. Тогда колдунья наговаривала на мед, приговаривая: "Как пчелы ярося роятся, так бы к такому-то торговому человеку купцы для его

товару сходились". Потом она приказывала торговому человеку умываться этим медом. Мужчины-колдуны заговаривали ратным людям от стрельбы и от меча, когда те шли на войну, "к ласковости от человек", когда подначальный хотел расположить своего начальника; охотникам -- на ловление зверей, а охотникам до прекрасного пола -- на блуд*. Если на кого царь или князь гнев держит -- надобно при себе носить под левою пазухою правое око орла, завязав в ширинку. Этого орла нужно поймать непременно на Иванов день о вечерне, понести на распустье между дорог и заколоть острою тростию. Левый глаз того же орла, смешанный с коровьею кровью, рекомендовался охотникам и рыболовам: "Левое око его добро смешать с коровьею кровию и селезеневою, да все то изсуши, да завяжи в синий плат чистый. И когда хочешь ловить рыбу, и ты привяжи к цепу и наловишь рыбы много. Та же вещь ко многим ловушкам годна -- ко звериным и птичьим и ко всякой ловле"**. Начиная судиться или позванный через пристава или недельщика к судебному ответу спешил к колдуну, который заговаривал язык и сердце противной стороне***. Идя на суд, надобно снять с березки перепер, который трясется, и говорить: "Так, как сей перепер трясется, так бы мой супостат (имярек) и его язык трепетался"****. Когда еще в обычае были судебные поединки, чародеи являлись на помощь; нередко спорщики готовы были помириться, но чародеи начинали пред ними бить кудесы и разжигали снова*****. Чародеи советовали таким образом запастись силою для судебного поединка: "Убей змею черную саблею или ножом, да вынь из нее язык, да вверти в тафту зеленую и в черную, да положи в сапог в левой, а обуи на том же месте. Идя прочь назад, не оглядывайся. А кто тебя спросит, где был ты, и ты с ним ничего не говори. А когда надобно и ты в тот сапог положи три зубчика чесноковые, да под правую пазуху привяжи себе утиральник, и бери с собою, когда пойдешь на суд или на поле битвы". Когда холоп обкрадывал господ и бежал, призывали ворожею, и она произносила заклятие над бежавшим.

* Прав. Собес. 1855, кн. II, 64.

** Бусл. О нар. поэт., 31.

*** Арх. Калач., II, 2. Отд. шестое, 50.

**** Бусл. О народ, поэт., 30.

Невозможно перечислить всех вещей, над которыми ведуны и ведуньи совершали свои таинственные заклинания и примолвления, но между прочим они совершались над кореньями, зельями, водою, огнем, костями, громовыми стрелами, камнями, над медвежьим ноготком, над мертвою рукою, над рубашкой мертвеца, над выбранным из-под человеческой ноги следом, над ветром, над зеркалом, над узлами и проч. Вера в чудодейственную силу кореньев была распространена в России повсеместно. Цари и сильные мира боялись от кореньев не только вреда своему здоровью, но даже политических перемен. Влюбленные и охотники до прекрасного пола прибегали к колдуньям просить приворотного корешка или приворотных зелий, собираемых, как думали, в таинственную ночь Купала. Приворотный корень назывался "обратим", т.е. обращающий*. Колдунья давала этот корень женщине, та должна была положить его на зеркало и смотреться в него. "Как смотрюсь в зеркало да не насмотрюсь (приговаривалось при этом), так бы такой-то на меня не насмотрелся". В одном из травников XVII века подобное приворотное свойство приписывается нескольким травам, например траве кукоос: "В ней корень на двое, один мужичок, а другая женочка: мужичек беленок, а женочка смугла. Когда муж жены не любит, дай ему женской испить в вине, и с той травы станет любить". То же приписывалось траве одолен: "Кто тебя не любит, то дай пить, -- не может от тебя до смерти отстать; а когда пастух хочет стадо пасти и чтоб у него скот не расходился -- держать при себе, то не будет расходиться; похочешь зверей приучить -- дай есть, то скоро приучишь"**. К числу верований о приворотных средствах принадлежит очень странное о траве "симтарине", которую называли во травах царь трава о шести листах: "Первый синь, другой червлен, третий желт, а четвертый багров; а брать вечером на Иванов день, сквозь золотую гривну или серебряную; а под корнем той травы человек, и трава та выросла у него из ребр. Возьми человека того, разрежь ему перси, вынь сердце. Если кому дать сердца того человека, изгаснет по тебе. Если муж жены не любит, возьми голову его и поставь против мужа, -- только что увидит, будет любить пуще прежнего. Десная рука его -- добро; если которая жена

мужу не верна или муж жене, стерши мизинным перстом, дай пить"***.

* Доп., 1,18.

** Арх. Кал. 1858,1,78,81.

*** Буслаева О народн. поэт., 31.

Насылка на ветер и выбор следа были чародейства злые: они производились с целью сделать зло человеку, и потому их боялись особенно. В подкрестных записях на верность царю верноподданный присягал, между прочим: *ведомством по ветру никакого лиху не насылати на следу не вынимати*. Насылка по ветру состояла в том, что лихой колдун, знавший искусство возбуждать ветры и направлять их куда угодно своими заговорами, производил ветер, потом бросал по ветру пыль и примолвлял, чтоб так по ветру понесло пыль на такого-то человека, чтоб его корчило, мяло, раздувало, сушило и проч., и проч. Если обреченная жертва попадалась под такой ветер, то с ней сбывалось все, чего желал ей колдун. Выбор следа из-под ноги сохраняется до сих пор. Выбранный след замазывали в печи или сжигали, и оттого иссыхал тот, из-под чьей ноги был взят след. Впрочем, выбирали след и не для злой цели, а для того, чтоб приворожить к себе. Заговоры над мертвыми человеческими костями, рукою и зубами, совершались на воровство: *на татьбу мертвого зубы воливлением**. Тогда, как и теперь, воры употребляли руку трупа для усыпления хозяев в доме, когда хотели их обокрасть. В старину также наговаривали на просфору. Приносили просфору к ворожее, которая произносила над ней примолвления, и этой просфоре сообщалась сила давать успех в делах тому, кто ее держит у себя**. Один из самых обычных способов передачи волшебной силы были наузы, или узлы; над ними наговаривали и отдавали желающему: им приписывали силу предохранять от разных несчастий. Матери брали от волшебников чародейственные узлы и навязывали их на детей ("Баба начнет на дети наузы класти, смеривати, плюющее на землю, рекше беса проклинать"). Этот древний обычай высказан в нашей старой летописи, в повествовании о Всеславе, которого мать даже родила при участии волшебства (от волхвования); ему волхвы навязали науз на голову; он носил его всю жизнь, и влиянию этого чародейственного

узла приписывались его воинственность и жестокость ("того ради немилостив на кровопролитие"). Многие приходили к ворожеям и брали от них наузы для предохранения от всякого рода опасностей ("некая бесовская обаяния наузы").

* Прав. Собес. 1855, кн. II, 64.

** А. А. э., I, 228-229.

В старину узлы навязывали на оружие и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противного оружия, как это видно из старинного заговора: "Завяжу я по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалях, на луках, и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищаля, спутайте все луки, повяжите все ратные оружия; в моих узлах сила могуча!" На этом основании верили, что некоторые из ратных людей умели так завязывать чужое оружие, что их самих не брали ни пули, ни сабли. Такое мнение существовало и сохранилось в предании о Стеньке Разине. Наузы давались от влияния злых чародеев и от зломыслия врагов вообще, как видно из заклятий: "Завяжи, Господи, колдуну и колдунье, ведуну и ведунье, и упирцу, на раба Божия (такого-то) зла не мыслити от чернца, от черницы, от красной девицы, от беловолосого, от черноволосого, от рыжеволосого, от русоволосого, от одноглазого, разноглазого, и от упирца"*.

Конечно, от этого старинного верования во всемогущество наузов осталось выражение: завязать, в мысль не допустить, преградить. Это особенно видно в малороссийском языке, в выражениях вроде следующих: "завязанный свит!", "мини як завязано" (т.е. не удастся). Видно, что наузы давались не столько для того, чтоб сообщить какую-нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтоб предохранить от враждебного действия и уничтожить его силу. Чаще всего наузы давались против болезней не как лекарство, а как предохранительное средство.

* Арх. Калач., кн. II, полов. 2. Отд. шестое, 53.

Народное воображение всегда старалось отыскивать фантастические причины болезней. Вообще болезни происходили от влияния злых духов, или даже сами были злыми духами, или от злого

умысла и силы слова, которое может управлять природою человека как на добро, так и на зло. Лихорадка, обыкновенная болезнь, представлялась бесом-трящею ("недуги лечат чарами и наузы, некоторого беса глаголемого трящую прогоняюще". Арх. Кал., II, полов. 2). Этому бесу тряске подвластны выходящие из огненного столба двенадцать (по другим, семь) простоволосых девиц, дочерей Иродовых (Невея, Синя, Легкая, Трясуница, Желтуница, Мученица, Огненная, Акилед, Временная, Безымянная. Вешняя, Листопадная). Имена семи - - нерусские: Лилия, Хортория, Зыгрия, Невея, Тухия, Нешия, Жыднея, еще старшая Трясавица; "а инышии все повинны нас слушати" (вероятно каждая из нас). Их прогоняли заговорами, завязывали наузами и отписывали письменами. В этих письменах писались эллинские имена лихорадок; записочки давали носить больным; другие писали имена лихорадок на яблоке и яблоко клали в церкви во время литургии. Множество разных болезней приписывалось урокам, призорам и сглазам. Под уроками разумелись злодейственные речи, под последними -- недобрые взоры*. Лечение состояло в том, чтоб отогнать и уничтожить действие враждебной губительной силы. Ворожеи употребляли наузы, примолвления, разные манипуляции и зелья**. Наузы, как выше сказано, были более предохранительное средство; они не допускали враждебную силу действовать, когда придет случай ("Хотя мало поболит, или жена, или дитя, то оставльше Бога, врача душам и телам, ищем проклятых баб чародейниц наузов... глаголюще нань наузы навязывати"). Примолвки и заговоры употреблялись как для предотвращения болезней, так еще более как прямое средство против недуга, уже поразившего болящего. Иногда заговоры говорились без особенных обрядов и без посредства вещей, но чаще ворожеи наговаривали на какие-нибудь предметы, особенно съедомые и испиваемые, и сообщали им силою своего желания целительное свойство. Вода играла в этих случаях главнейшую роль, особенно в тех болезнях, когда признавалось, что они постигли болящего от призора или сглаза: тогда надобно было смыть или обрызгнуть прочь призор, то есть влияние дурного взора. Бросив в ковш с водою три угля, ворожея в своем примолвлении уговаривала воду обмыть с хвораго "хитки и притки, уроки и призеры, скорби и болезни, щипоты и ломоты, злу худобу, и понести за сосновый лес, за осиновый тын". Кроме целящего свойства, воде, употребляемой с

знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-ведуньи советовали купаться в реках и озерах во время грозы и в новолуние, умываться с серебра, а потом встречать молодой месяц, и этими средствами хотели предохранить от недугов на будущее время***. Время пред восходом солнца считалось особенно знаменательным: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертели масло и делали другие домашние работы, думая, что сделанное до солнечного восхода имеет что-то особенно важное****.

* Арх. Калач., II, 2. Отд. шестое, 56.

** А. А. э., 1, 462

*** А. И., IV, 125.- Арх. Кал., II, 2, 51.

**** Рум. муз., рук. No 374.

Кроме воды, очень часто ворожеи наговаривали на вино, на чеснок, на уксус, на соль; а когда заговаривали грыжу, то употребляли медвежий ноготок и громовую стрелу, обмывали их и приговаривали: "Как старой женке детей не раживать, так бы у такого-то грыжи болезни не было". Громовые стрелки*, то есть камешки наподобие стрел, которые почитались упавшими с неба во время удара молнии, служили у ворожей средством при многих лечениях; но церковь преследовала их, как и всякие другого рода средства. "Стрелки, топоры громовныи -- нечестивая, богомерзкая вещь; аще недуга и подсывания и огненные болести лечит, аще и бесы изгоняет, и знамения творит -- проклята есть, и ти исцеляеми ею"**. Если у кого-нибудь случалась жаба в горле, ворожея лечила тогда *придавливаниями* с примолвлениями; когда больной жаловался на боль в желудке, ворожеи называли это вообще *нутряною* болезнью и лечили разными манипуляциями, между которыми самый обыкновенный способ был накидывать горшки с примолвлениями. Для всяких болезней были свои особые примолвки и свой обряды, по правилам патологии знахарей. Наружное обмывание или мазание больного тела было обычным приемом волхвов: для мазания употреблялись всевозможнейшие вещи, какие только могли прийти необузданной фантазии: "Мастию, кою либо мажут или скипидаром, или нефтью, или мышьяком, или кровию человеческою, или млеком, женским и

скотским, или медом, или росой, или серою, или дегтем, или хмелем"***.

* Врем., I. Домостр., 38.

** Румянц. муз., рук. No 231. Кормч.

*** Румянц. муз., рукоп. No 374.

К симпатическим средствам принадлежали в XVII веке орлов камень, рога единорога и змеиные рожки. Орлову камню, по современному суевию, "Бог дал дивные угоды таковы, что несведущим людям нельзя про него и веры взять". Воображали, что этот камень находят в орловом гнезде. "А держит орел тот камень в своем гнезде для оберегания детей своих, потому что тот камень оберегает от всяких притчей, от поветрия и от всяких зол"*.

Рог единорога считался редким и драгоценным средством не только для исцеления от тяжелых болезней, но и для поддержания цветущего здоровья вообще на всю жизнь. Это верование о роге единорога распространили иностранцы в XVII веке, и сам царь Алексей Михайлович в 1655 году соглашался за три таких рога заплатить десять тысяч рублей соболями и мягкою рухлядью**. Говорили, что он длиною до шести пядей и светел, как светло*. Небогатые не могли доставать таких дорогих средств и употребляли так называемые змеиные рожки. Их толкли в порошок и давали пить в случае какой-нибудь "нутряной" болезни. Эти змеиные рожки очень часто (и вероятно, всегда) были не что иное, как простые кости****. Некоторые предохранительные симпатические средства назначались для скотины: "Около скота волхвует: и с камнем, и железом, и сковородою, и с иконами спускают скоты свои"*****.

* Буслаева О народн. поэзии, стр. 28.

** А. И., IV, 242.

*** Рум. муз., рук. No 374.

**** А. И., II, 46.

***** Рум. муз., рук. No 374.

"Если хочешь скота много держать, то медвежью голову пронеси сквозь скот на Иванов день до солнца и вкопай посреди двора, и скот

будет вестися; а если у кого скот мрет, и ты с умерлого вели кожу содрать и продать, и что возьмешь за кожу и ты вели на те деньги купити сковороду железную и вели на ней печь что хочешь, мясо или рыбу, и ешь с той сковороды что хочешь, а скот твой с тех мест не мрет и здоров будет. Кто животину купит приводную, мерина или корову, и приведши ко двору велеть растянуть пояс женский от вереи до вереи, да замок положить к верее, а колоду замочную к другой верее, и проведши животину сквозь замок, замкнуть и пояс взять опоясаться, и через мужской пояс животину водят же от вереи до вереи растянувши"*.

* Бусл. О нар. поэзии, 35.

К числу чародеев принадлежали, как выше было сказано, и зеленщики -- знатоки силы трав и корней: у них был свой травник, который они передавали друг другу. Эти травники переходили из рук в руки в списках. Травы собирались *знаючи*, то есть с таинственным умением доставать их: в каких местах, в какое время и каким способом. Купальская ночь признавалась лучшим временем для этого; некоторые травы считались целительными в известных болезненных припадках. По приказанию Алексея Михайловича один сибирский знахарь сообщил чрез воеводу правительству подмеченные им свойства некоторых трав. Из этих известий и из других мы узнаем, что у знахарей были травы на все болезни и на все случаи. Из донесения упомянутого выше знахаря видно, что в грыже давали семя травы, называемой зеленщиками -- *елкий*, настоенное для взрослых в вине, а для детей в молоке; другие советовали пить в уксусе траву *ушко*; в болезнях застоя мочи и в трудных родах давали в окуневой теплой ухе или в молоке траву *колун*. Корень *девясилы* употреблялся для жевания от зубной боли; *ирной корень* настаивался на водке и давался от удушья; от запоров давали *губку лиственницы*, называемую *кимана*, в вине или в горячей воде; от той же болезни сибирский знахарь рекомендовал корень травы, называемой *земляная свечка*. Из травы под названием *петушковы пальцы* делали припарку против желваков и других затвердений. От побоев и ран лечили питьем из *зверобоя* на водке; в тех же случаях употребляли винный настой травы *излюдин* и

травы *мартья*. По другому травнику, от побоев и ран рекомендовали травы *девятисил* (или девясил), *хмельник*, *ужик* и *папутник**.

* Арх. Кал. 1858, I, 82.

Настой последней травы давали пить внутрь и примачивали им больные места снаружи. Иногда знахари лечили микстурою из разных трав, кореньев и животных веществ; вот, например, образчик знахарского рецепта: "Знает (он) около Якутска масло, ростом кругло, что яблоко большое и малое, ходит живо, а живет в глухих и глубоких озерах; будет какой человек болен нутряною красною грыжею или лом в костях, или мокрота бывает нутряная, и сидети в бане и после того банного сиденья сделать состав: часть того масла, большую часть нефти, часть скипидару, часть деревянного масла, да добыти полевых кузнечиков зеленых, что по травам скачут, да наловить коростеликов красных, что летают в полях, и те статьи положить в горячее вино, и дать стоять ден одиннадцать или тринадцать; и после того банного сиденья велеть того больного человека тем составом тереть по всему телу, и велеть быть в теплой хоромине, пока тот состав войдет; а делать так не по одно время; и то масло едят и пьют от многих нутряных болезней"*.

Некоторым травам приписывалось чародейственное влияние против душевных недугов и вредоносного действия зависти одного человека к другому. Тот же сибирский знахарь советует настаивать на вине или на уксусе земляные груши и есть их сырые в случае тоски или сердечной болезни; а против испуга или дурного влияния, оставленного осуждением завистливого человека, указывает, как на целительное средство, на траву, называемую *ероя*: следует болящего окуривать этой травой, тереть его по лицу и, намоча в воде, давать есть**.

Были травы, которым приписывали значение универсальных лекарств; так, в одном травнике XVII века*** о траве *излюдин* (растет по старым росчистям, ростом в пядь, собою мохната и листочки мохнаты) говорится: "Кто тое траву ест, и тот человек, живучи, никакая скорбь не узрит телу и сердцу". Траву *кудрявый купыр* имела силу предохранять от отравы того, кто ее ел натошак. О траве *плакун* говорится, что ее надобно заранее приобрести для того, чтоб искать всякую другую траву, "а без тое травы никакой травы не рвет, потому что от них помощи не будет". Существовало поверье о

разрыве-траве, с помощью которой узники ломали свои оковы и воры отпирали замки. Такая трава в травнике, о котором упомянуто выше, называется бель: растет в воде, а корни добры; возьми и положи в замок, то отомкнется. Другим травам приписывали предохранительную силу; о траве *Петров крест* говорится, что от нее "никакая скорбь не вяжется, помилует Бог от всякие пакости; а в пир поедешь, возьми ее с собою от еретика и напрасные смерти". То же думали о *паперте*, которую доставать следовало только в Купальскую ночь и потом носить всегда при себе; "где пойдет -- на того человека никто сердит не бывает, хотя и не друг, а на зло и не помыслит". О траве *полотой ниве* существовало такое наставление: "Надобно кинуть золотую или серебряную денюгу, а чтоб железного у тебя ничего не было; а как будешь рвать ее, и ты пади на колени, да читай молитвы, да стоя на колени хватать траву ту, обвертев ее в тафту, в червчатую или белую, и беречь ту траву от мерзкого часа; а хочешь идти на суд, или на бой, ино никто тебя не переможет"****.

* Доп., VI, 364.

** Ibid., 361, 364.

*** Арх. Кал. 1858, I, 78-83.

**** Бусл. О нар. поэт., 30.

Траву *осот* рекомендовали держать торговым людям: "Хочешь богат быть -- носи на себе; где ни поедешь, и во всяких промыслах Бог поможет, а в людях честно вознесешься". Зелье *попутник*, повешенное на дворе, отгоняло всяких гадов и вредных насекомых. Траве *перенос*, кроме таких же предохранительных свойств от укушения гадов и действия нечистых духов, приписывалась такая сила, что если из нее "сердечко положи в рот и поди в воду, то от него вода расступитца"; а травы *прострел* (сон-травы) и *укрой* предохраняли дома, где их держали, от нечистых духов. Когда рвать прострел, то следовало положить на то место, откуда взят корень, великоденское яйцо. Подобные средства употреблялись против порчи: под этим именем в обширном смысле разумелось вообще нанесение вреда человеческому здоровью от злоумышления или зложелательства, при участии нечистой силы; но в тесном смысле сюда относились по преимуществу те нервные болезни, которые внезапно и исключительным ужасом

припадков потрясают воображение, настроенное к таинственным толкованиям. Не только верили, но даже избегали сомнения в том, что причины таких явлений надобно искать исключительно во влиянии злых духов, а не в обыкновенной природе. Очень часто в разных местностях появлялись беснующие и кликуши; в особенности они толпились там, где была какая-нибудь чудотворная икона или мощи святого, -- вообще места, прославленные религиозною святостью. Кликушами они назывались оттого, что выкликали или кликали на кого-нибудь, то есть указывали, что такой-то их испортил. Припадки их усиливались во время литургии: тут, по выражению века, они *мечтаются всякими казнодействы*. Женщины страдали этим преимущественно. О таких беснующихся ходили изустные и письменные истории самые мрачные и вместе самые затейливые. В одном из сборников XVII века есть замечательная повесть в этом роде об одной священнической дочери, в первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бесов, потому что муж ее неосторожно вышел, оставив дверь отворенною и не осененною крестным знаменiem. Бесы таскали ее на болото, терзали и мучили. Она делалась беременною и рождала чудовищ наподобие змей, которые сосали ее до крови. После несказанных мучений эта страдальца исцелилась спасительным влиянием чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо от несчастных, которые действительно страдали нервными недугами, несравненно более было таких, которые или усвоили себе эти припадки от воображения, или же притворялись; выкидывая разные фарсы, показывали толпе вид, будто пророчествуют. Стоглавый собор просил царя, чтоб он повелел жителям гонять от себя лукавых пророков и пророчиц, которые являлись тогда во множестве. То были преимущественно старые девки: они бегали босые, с распущенными волосами, тряслись, падали, коверкались, бились, и таким образом предсказывали будущее и возвещали народу разные заповеди вроде следующих: "Бабы, не прядите и печей не топите по средам и по пятницам: святые апостолы и святая пятница нам являлись и не велели". Другие же подушались людей на всякие пороки. Появление кликуш в городах было истинным наказанием для всего общества; их указания часто принимались и преследовались судом. По одному клику беснующейся женщины брали обвиняемого ею человека и подвергали пыткам; иногда притворные кликуши служили орудием

корыстолюбивым воеводам и дьякам; последние нарочно подушдали их обвинять богатых хозяев, чтоб потом придираяться и обирать последних; а если кто-нибудь, обезумленный страданиями пытки, наскажет на себя, что он действительно колдун, того сжигали в струбе. Между тем правительство, получив известие о распространении порчи и появлении кликуш в каком-нибудь крае, посыпало туда нарочных сыщиков отыскивать и выводить ведунов и ведуний: всеобщее зло удваивалось. Часто обыкновенная болезнь человека служила началом дела о колдовстве*.

* А. г. Шуи, 95.- Опис. Шуи, 337, 340.

Больное воображение искало причин болезни и тотчас нападало на ту мысль, что болезнь происходит от супостат*. Томит сухота сердечная, есть-пить не хочется, свет белый не мил -- верно, напустили, может быть из-под ветру или со следа, а может быть, зелия чревоотравного дали, что чаровница собирала в ночь Купала. Домашние придумывали, от кого бы могла случиться беда. Они имели право указывать на ведуна и просить сыску; а нужно, чтоб только заподозрили в ведовстве, -- до пытки недалеко, особенно если у истцов есть средства расположить в свою пользу правосудие. В 1606 году в Перми производилось дело о том, что некоторые ведуны напускали на людей икоту. Обвиняемых жгли, давали на пытках по три встряски, потом сажали в тюрьму. Если после всех операций подсудимый не признавался, то наряжали обыск: священники, посадские, старосты и целовальники с выборными обывателями подавали голоса для окончательного обвинения или оправдания. И обвинители, и обвиняемые равно бесполезны были для воевод и дьяков. Самый ничтожный факт, если его не могли объяснить, был достаточен, чтоб обвинить человека в колдовстве. Таким образом, во время пожара в Москве, при Михаиле Федоровиче, хотели сжечь, как колдуна, одного немца живописца за то, что нашли у него череп и никак не могли объяснить себе, для чего он его держит**.

* С. Г. Гр., III, 264.

** Olear., 134.

Порча сообщалась через разные предметы. Выше было упомянуто о том, как наносили порчу здоровью человека посредством ветра или выемки следа. Равным образом колдуны пересылали свое зложелательство через подметь разных вещей, к которым случайно мог прикоснуться тот, на кого обращалось злое намерение. Вот, например, в Шуе в 1672 году производилось уголовное дело о колдовском подмете: один посадский подал челобитную, что в углу на краю своего огорода он нашел куски печеного хлеба, калачи и несколько меду*. Волшебство также легко переходило через все, что принадлежит к конской упряжи и вообще к езде. От этого к царским лошадям не допускали никого, чтоб "лихой человек не положил зелья и коренья лихова в их государевы седла, и в узды, и в войлок, и в рукавки, и в наузы, и в кутазы, и в возки, и в сани, и в полость санную, и в ковер, и в попонку". В 1598 году русские присягали Борису, своему государю, "в естве и в питье, и в платье или в ином в чем лиха напасти не учиняти; людей своих с ведовством, да и со всяким лихим кореньем не посылати, и ведунов и ведуней не добывати, на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насылати", и проч.** Во время войны боялись, чтобы чужие государи не подослали волшебниц испортить государеву семью*** и успехи Самозванца всеобщее мнение ничему другому не могло приписать, кроме ведовства****.

* Оп. гор. Шуи, 341.

** А. А. э., II, 58.

*** О ворожбе, Забел., 485.

**** Доп., I, 255.

Опасение, чтоб лихие люди не нанесли порчи царю и царскому семейству, не имело границ. Чуть только случилось прихворнуть государыне или кому-нибудь из царских детей, сейчас подозревали, что их испортили, сглазили или напустили на них худобу. Женщины, составлявшие дворню царицы, жили по большей части в неприязни между собою, соперничали одна с другой и взаимно одна на другую доносили. Если в домашнем царском быту возникал какой-нибудь спор между супругами -- и этому искали причины в ведовстве и порче*. Болезнь царского младенца приписывалась сглазу и порче, и оттого

маленьких царевичей и царевен старательно оберегали от человеческих взоров, полагая, что дурное действие недоброго глаза легче подействует на малолетнего, чем на взрослого**. То же господствовало и в домах знатных господ; господа, заболевши, подозревали слуг, что они нанесли им вред ведовством, а слуги, рассердившись на господ, действительно прибегали к ведунам и ведуньям, чтоб с помощью их знаний отомстить господам. Между тем волхвы, знахари, ворожеи, ведуны пользовались всеобщим легковерием и делались поверенными в житейских делах всех классов народа; одни портили, другие снимали порчу, предохраняли от нее или отгадывали, кто испортил. Таким образом, между чародеями происходили своего рода поединки, где оружием было их искусство. Они соперничали друг с другом; один думал своим ведовством уничтожить ведовство другого, а между тем кто-нибудь доказывал на них, и обе стороны попадались в руки блюстителей порядка и правосудия, собиравших равные плоды и с злого и с доброго колдовства, а еще более тех, кто прибегал к тому и другому роду колдовства. Церковь строго преследовала всякое ведовство, не щадя даже и лечения, принадлежавшего вообще к зелейничеству. В монастырских имениях волхвов и баб ворожей считали наравне с ворами и разбойниками. Правительство в XVI веке определило, следуя внушениям церкви, преследовать волхвов, чародеев и звездочетов, как клятвопреступников, хулителей и подстригателей усов***. Не только преступников подвергали кнуту и лишению имущества, но целая община, где жили чародеи и волхвы, облагалась денежною пенею****. В XVII веке повсеместно преследовали ведунов, ведуний и зелейников*****, сажали под стражу проезжих людей за то единственно, что находили у них корешок*****, заточали в монастырь того, кто вздумал бы попробовать поучиться заговорным словам*****; сжигали и тех, кто имел их при себе*****. Народная месть преследовала колдунов и колдуний в эпохи общественных бедствий, напр. засухи или излишней мокроты, вредной для хлеба; тогда делали заключение, что несчастье происходит от ведунов, умеющих владеть обилием и скудостью, и обрекали на сожжение тех, к которым редкий из народа не прибегал прежде в своих нуждах*****.

- * О ворожбе, Забел. Ком., 490.
- ** Котоших., 14.
- *** Доп. к судеб. А. И., I, 252.
- **** А. А. э., I, 267.
- ***** Доп., III, 79.
- ***** А. И., III, 225.
- ***** А. А. э., IV, 31.
- ***** Дело о Ст. Раз., А. И., IV.
- ***** Поездка в Кирилл.- Белоз. мон., II, 37.

Вообще преследовавшие чародейство, как зло, часто уступали всеобщему суеверию и обращались к нему за помощью. Сам благочестивый царь Алексей Михайлович, столь преследовавший ведовство как богопротивное дело, в 1650 году приказывал стольнику Матюшкину высылать крестьян в Купальскую ночь искать сераборинного, цвета, инпериковой и мятной трав и дягилю**, а пред концом своей жизни, в 1675 году, приказывал** воеводам в Сибири, которая по своей отдаленности представлялась в народном воображении страной таинственных сил и чудес, собирать знахарей, узнавать от них о травах и самые травы присылать в Москву.

-
- * Доп., III, 254.
 - ** Доп., VI, 375.

Благочестивые люди не только гнушались обращаться к чародеям, но вообще считали грехом искать в чем бы то ни было помощи от несчастий, кроме молитвы, и приписывать их чему бы то ни было, кроме Божия гнева.

Во время морового поветрия при Алексее Михайловиче многие полагали, что бедствие это происходит "от звезд тлетворных, и воздымлений, и воспарений земных и морских, и прахов, и зловония мертвечин, и дождей летних"; другие же укоряли таких толкователей и доказывали, что другой причины, кроме кары Божией за грехи, не следует искать. Патриарх Никон, не отвергая последнего толкования, допускал, однако, и толкования первого рода* и на этом основании доказывал, что тот не грешит, кто уклонится из города, где свирепствует зараза, что, напротив, тот, кто подвергает себя явной

опасности, равняется тому, кто сам на себя наложит оружие. Но так как в старину даже в "Стоглаве" объяснено, что Бог наказывает страну, человек и скотов падежом и тлетворными ветрами, иногда же пожарами, иногда же голодом и войною за тяжелые пороки, и в том числе за содомский грех**, то старые благочестивцы вооружались против подобных умствований и советовали, по примеру святых мужей, Бога ради переносить с благодарением многоразличные недуги и болезни***.

* П. С. 3., I, 395-399.

** Стогл., гл. 15.

*** Врем., I. Домостр., 41.

Убегая чародейства, набожные люди верили его силе в простоте ума, и если случалось кому заболеть, то хотя и приписывали свое несчастье напуску или волхвованию, однако не прибегали к добрым колдунам, а искали помощи в религиозных обрядах и всегда были под страхом влияния таинственных сил; везде видели бесов, которые очень часто в их воображении походили больше на шалунов, чем на искусителей к пороку. Духовные лица, благочестивые старики и старухи сами боялись бесов, а других ими пугали и требовали, чтоб человек был всегда настороже против врагов человеческого рода, вооруженный молитвою и крестным знаменем. Иногда бесы поселялись во дворах и домах, производили стук, пугали привидениями и вообще делали разные шалости. Верившие знахарству употребляли против этого различные симпатические средства: напр., "сжечь совиные кости и тем дымом храмину свою кадить и двор курить -- и исчезнет бес, а потом ослиным салом назнаменуй двери, и всякое зло, которое найдет на двор, исчезнет. Для того же хорошо держать корольковое камень: от него нечистый дух бежит, потому что тот камень крестообразно растет". Набожные люди прогоняли из домов своих бесов внесением чудотворных икон, как о том гласит надпись на ограде церкви Гребенской Божией Матери в Москве. Ангел хранитель всегда стоит на страже вверенной ему души против действия злого духа, и потому к нему нужно поминутно обращаться. Каждый день, в первый час дня, ангел хранитель является на поклонение Богу и объявляет все дела и мысли человеческие. Поэтому

надобно всегда прилежно молиться и благодарить Бога в конец дня и в конец ночи, именно когда ангелы являются для поклонения Богу*. Этою молитвою человек предохраняет себя от наветов злых духов. Приступая к какому-нибудь делу, следовало прежде всего помолиться и осенить себя крестным знамением, иначе бесы сделают какую-нибудь пакость. Готовится ли женщина топить печь, или варить еству, или садится она за пядь, следовало прежде всего умыть руки, сделать три земных поклона, проговорить "достойно есть", перекреститься и, принимаясь за самую работу, еще раз призвать Божие благословение, сказавши: "Господи, благослови!" Если это исполняется, тогда сами ангелы помогают невидимо, и дело спорится и хорошо делается, и ества и питье выйдут впрок, и шитво крепко сошьется. Напротив, если при работе начнутся смехи, игры и празднословие, тут нечистые духи-бесы радуются и посмеиваются, а ангелы отойдут в сторону и тоскуют: тогда и ество плохо сварится, и хлеб дурно спечется, и шитво сошьется некрепко и неладно**. Идя по воду к источнику или реке, женщина должна была, опуская в воду ведра, сказать молитву, а иначе бесы как раз испортят воду. Многие освящали свою посуду и, принося в церковь, просили священников окропить ее святою водою, прочитав над ней молитву и пропеть духовную песнь. После этого надеялись, что кушанье, сваренное и поданное в такой посуде, будет и лучше, и неприступнее для шалостей беса. Ложась спать, следовало окрестить кругом ложе и все углы, чтоб не допустить бесов до каких-нибудь проказ над спящим. Существовали особые молитвы, которым приписывали бесоизгонительную силу. Между прочим, обращались и в этом к святому врачу Никите таким образом: "За шесть дней бегайте от меня бесы молитвами святого, славного мученика, врача Никиты. Благословен Бог во веки, аминь. Сам Господи блюди раба своего (имрек) на пути, на постели, у воды, на встрече и на всяком месте владычества Его; отпусти сатана и от сего дома, и от всего создания, и от всех сих четырех стен и от четырех углов. Зде святая Богородица Христа рождает, зде четыре евангелиста почивают, зде святые апостолы Петр и Павел, зде святой Кирилл крест держит и хранит ложение раба Божия (имрек) во имя Отца и Сына и Святого Духа. Крест на мне, крест у меня, крест надо мною, крестом ся огражаю, крестом диавола побеждаю и от четырех стен, от четырех углов; зде тебе, окаянный

дьяволе, ни части, ни места, всегда ныне и присно и во веки веков аминь"***. Перед посевом приносили хлебное зерно в церковь и святили его; так делали и после жатвы****.

* Рукоп. Рум. муз., No 358.

** Врем., I. Домостр., 27, 28.

*** Рук. Рум. м., 359.

**** Retch., 217, 251.

Во время ества или питья благочестивые крестились чуть не за каждым глотком, прогоняя дьявола*. При выезде из дома непременно нужно было призвать священника и отслужить молебен, иначе бесы чего-нибудь настроят в дороге. Когда дворянин отправлялся в дальний путь на воеводство, тогда уж недостаточно было моления простого священника; он отправлялся к архиерею и получал от него благословенную икону**. Некоторые были столь благочестивы, что носили в руках четки и, при всяком свободном случае, перебирали их, ходя и сидя, шептали сряду шестьсот раз: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного", а потом сряду сто раз: "Владычица моя Богородица, помилуй мя грешного!" Грамотные объясняли, что если кто так делает три года сряду, то в первый год в него вселится Христос, во второй год Дух Святой, а в третий год сам Бог отец***. Таким образом, при всяком начинании дела, и важного и неважного, русский благочестивый человек всегда прибегал к религиозному обряду. Одно старинное поучение о крестном знамении говорит: "Без него ни начинай, ни кончай ничтоже, но и спя, и вставая, и делая, и путем шествуя, аще или по морю плаваеши, или рекою возишися -- вся своя узы животворящим крестом утверди и не причинит тебе зло"****. Быть благочестивым, по понятию большинства, значило: знаменоваться крестом, класть земные поклоны, почитать образа, ходить в церковь с приношениями, слушаться духовенства и хранить посты.

* Petr, 317.

** Расх. кн. Ник. Врем., XIII.

*** Врем., I. Домостр., 19.

**** Рук. Рум. м., 186.

Чем кто был благочестивее, тем больше у него было в доме образов, тем наряднее они были украшены. Иконы были первою необходимостью; где не было икон, тот дом для русского не мог показаться христианским. Украшения образам давались часто в благодарность за оказанную помощь: например, русский купец молится пред образом св. Николая и просит успеха в торговле; если ему повезет, он, в знак признательности, делает угоднику золотой или серебряный оклад. Были и противные случаи.

Если у хозяина дурно идут дела, несмотря на его усердные молитвы, он, помогая себе в житейских нуждах, снимет с образа оклад. Повсюду было множество чудотворных образов. Они являлись где-нибудь на полях и в лесах, производили чудеса; о них доносили правительству, а правительство устанавливало празднество*.

* А. И., IV, 52.

Кроме таких св. икон, которых чудотворения признавались церковью, были в частных домах иконы, которые почитались чудотворными в тесном кругу семейных знакомых. Молельщик замечал, что желание его исполняется, когда он молится особенно такому-то образу. Действие приписывалось не только заступничеству святого, которого лик изображался на образе, а силе, заключающейся в самой иконе. Поэтому если, например, русский был с кем-нибудь в ссоре или тяжбе, то боялся, чтоб соперник его не помолился этому образу и чтоб таким образом не получил успеха против него самого. Из уважения к св. иконам считалось грехом прикоснуться рукою к лику святого, и это верование было, между прочим, поводом к тому, что иконы обкладывались одеждою*. Когда образ несли, то из благоговения держали над головою высоко, и всяк, кто встречался, должен был креститься и кланяться**. Если в комнате совершалось что-нибудь непристойное -- образа задерживали пеленою. Уважение к иконам не позволяло выражаться, что образа покупаются; говорили же: меняются; хозяин, желая променять свой старый образ на новый, приносил его в иконную лавку, оставлял и клал деньги; если купец находил, что дают дешево, то, ни слова не говоря, отодвигал от себя деньги, и покупатель должен был прибавлять, пока купец находил

достаточным. Если образ сгорит, непристойно было сказать: он сгорел, а следовало выразиться: он выбыл, как и о сгоревшей церкви говорилось: она вознеслась, а не сгорела. Впрочем, старые образа позволялось бросать в реку, сказавши прости***; но тот, кто находил образ на воде, почитал такую находку знаком благодати. Поругание св. икон, по русским понятиям, наводило гнев Божий на целый край; в 1642 году многие подавали царю совет начать войну с турками на том основании, что турки овладели в Азове образом св. Иоанна Предтечи; это внушало опасность навлечь на всю Россию месть святого****. В равной степени русские чествовали книгу св. Евангелия, хотя бы и в частном доме. Св. Евангелие следовало брать в руки не иначе, как с благоговением, с поникшею главою и после крестного знамения*****.

* Дженк., 359.

** Herberst, 28.

*** Колл., 9.

**** С. Г. Гр., III, 389.

***** Reiiig. des Moscov., 13.

Св. крест считался знамением мира и союза. Всякий договор или обещание по своей важности подтверждались целованием креста, а нарушение такого договора называлось преступлением против крестного целования. Каждый имел на себе непременно крест; духовные запрещали снимать крест с шеи, когда человек идет купаться в реку или мыться в мыльне*. Коль скоро приводилось что-нибудь важное обещать или утвердить истину сказанного, снимали его с себя и целовали. В старину было в обычае меняться грудными крестами; сделавшие такую мену считали себя обязанными быть задушевными друзьями и помогать один другому во всех случаях жизни.

* Румянц. Сборн., 359.

Св. мощи были всеобщим предметом поклонения; к ним стекались болящие и искали исцелений. Независимо от поклонения мощам, хранившимся в церквях и монастырях, многие богатые люди имели у себя в доме частицы мощей в крестах или на образах; возбранялось носить крест с мощами на шее*.

* Румянц. муз., рукоп. No 359.

Вода, которою обмывали мощи, считалась целительною и употреблялась набожными людьми в разных недугах. В старину очень часто появлялись мощи, и кроме тех, которые были открыты и признаны церковью, возникало в разных местах поклонение памяти усопших, которые, по образу жизни, заслуживали уважения народа. Так, в 1626 году в Пошехонском уезде народ стал собираться около рябины, которая выросла на могиле убитого разбойниками инок Адриана, и народный говор гласил, что многие страждущие получали на этом месте исцеление*.

* А. И., III, 229.

С этими верованиями соединялось уважение к храму Божию. Строить церковь считалось делом христианской добродетели и лучшим средством к спасению и отпущению грехов. Нельзя было пройти мимо церкви, не сделавши троекратного знамения с поклоном.

Благочестивый человек считал большим грехом не пойти в церковь в праздник не только к литургии, но к вечерне и к заутрени. "Когда вы услышите клепание в церкви, -- говорит одно духовное поучение, -- оставляйте всякое дело и идите в церковь"*.

Следовало в церкви стоять со тщанием и трепетом, не обращая взоров, потупив глаза и сложив крестообразно руки, и не вести друг с другом пустошных речей: "Велико милосердие Божие (говорит то же поучение), что огонь, -- не сойдет с неба и не пожрет ведущих разговоры во время божественного пения". Склоняться на стену и переступать с ноги на ногу от усталости считалось грехом; равным образом считалось недостойно славы Божией уходить из церкви прежде окончания служения**. Палку оставляли вне церкви. Во избежание сходства с католиками в старину православные не становились на колени, но благочестивые люди усердно клали поклоны, и от этого на лбу у них были шишки***. Женщины входили в особые двери и стояли в особом притворе; знатные господа становились в церквах за решетками, стояли, потупя глаза в землю, и старались особенно показывать вид скромности, когда мимо них

проходил священник. Простые женщины не так часто ходили в церковь, как мужчины, и обыкновенно на короткое время, чтоб поклониться иконам****. Всякому сколько-нибудь достаточному человеку вменялось в благочестивую обязанность явиться в храм Божий с приношением, например со свечою, с просфорою, фимиамом, ладаном, кутьею или милостынею*****. По толкованию набожных людей, дар тогда только принимался Богом, когда было приношение от праведного имени***** и когда богомолец не таит в душе ни к кому ни злобы, ни гнева. "Аще кто идет к церкви со страхом Божиим, со всем сердцем, гнева не имеет, но сияет душа его яко солнце, и восходит молитва его яко темьян: тогда ангел мой исходит из алтаря, нося кисть в руку свою и знаменает его на челе и тако почиет на нем Дух святой"*****. Давать в монастыри считалось особенно спасительным делом: "Что имате потребно -- несите к нам, то бо все в руке Божий влагаете"*****. Кроме денежных вкладов и недвижимых имений некоторые дарили одежды***** и посылали братии кормы, то есть съестные припасы. Некоторые знатные люди доставляли в монастыри ежегодные пропорции. Во время болезни или пред кончиною страждущие думали уменьшить тяжесть грехов вкладами в церковь и завещали иногда в разные церкви и монастыри особые вклады***** и кормления на братию*****. Если умирающий не успевал распорядиться формально, то наследники, зная его волю, считали долгом поскорее исполнить ее для успокоения души усопшего*****. Нередко старый человек, чувствуя истощение сил, поступал в иноческий чин и при этом всегда давал дар или доход; в таких случаях богатые помогали бедным, давая им на пострижение*****. По народным понятиям, сделать вклад по душе значило проложить душе верный путь к спасению, и это верование было причиною больших богатств монастырских.

* Рум. муз., рукоп. No 359.

** Рум. муз., рукоп. No 359.

*** Колл., 26.- Дженкинс, 338.

**** Меjeib., 169.- Olear., 348.

***** Злат. Матица, публичн. библиот., стр. 203.

***** Врем., I. Домостр., 9.

***** Румянц. муз., рукоп. 182.

***** Поуч. всяк, христ. рукоп.
***** С.Г.Гр., I,342.
***** А, отн. до юр. б., I, 557.
***** Доп., 1, 186.
***** Доп., I, 5.
***** Врем., XIII. Расх. кн., 39.

Но уже распространилось достаточно учение о том, что давать на монастыри недвижимое имение не только не спасительно, а даже вредно. В книге "Златой Матице"* в одном поучении рассказывается, что некий святой отец имел видение об одном умершем, которого считали все спасенным, потому что он записал в монастырь имение и который в самом деле за то самое был осужден: "И осуждена бысть душа его мучиться святаго ради, и молящися святей Богородице и предтече Иоанну о душе той и слышах глас глаголющ: кто даст село, да отпустят то село от монастыря, тогда душа отпущена будет от муки".

* Погод. Сб., No 1024.

Священники и монахи были лучшими советниками и друзьями благочестивых людей. Каждый имел у себя духовника, к которому прибегал в своих житейских нуждах: приглашал для совета и утешения во время какой-нибудь печали, болезни или царской опалы. Для духовника не было скрытой домашней тайны. Он был наставником и другом, занимал в доме всегда первое место; для него не щадили приношений; ему кланялись до земли*. Осуждать духовных считалось, по нравственному учению, большим грехом: "Несть вам подобно на священники хулы возвещать -- говорит одно поучение**, -- ибо по вся дни за тя, и за твою братью, и за вся верные службу творят и заутра, и в полудни, и в вечер молят Бога в церкви и в домех, и у креста молитвы творят... Учения его (священника) слушай, и аще право учит, не пытай его учения и не укоряй его, добре бо за тя Бога молит. Клеветы же не принимай ни на единого чернца глагол; аще видиши согрешивша, послушай Бога рекшого: не осуждайте, да не осуждени будете; минувшу же тя на пути не стыдися главы своея поклонити". Другое благочестивое размышление о судном дне***

воскликает: "О, горе тому человеку в день судный, аще кто станет попа укоряти: не попа укоряет, но Церковь Божию". Государи, столь неприступные, преклонялись пред духовными властями, и Алексей Михайлович обращался с патриархом Иосифом столь почтительно, что кланялся ему до земли****. Конечно, этот обряд смирения не мешал царям поступать иногда очень самовластно с духовными лицами. С своей стороны, духовенство, которого было чрезвычайное множество, не пропускало случая, чтоб не получить выгод от своих советов. На большой дороге и на берегу рек всегда можно было встретить духовных, которые, завидя проезжего, спешили благословить его крестом, чтобы получить награду за свое благословение*****.

* Врем., I. Домостр., 21.

** Пог. Сборы, публ. библ., No 1313.

*** Сборн. XVII в., принадл. профессору Буслаеву.

**** А.А.э., IV, 79.

***** Карл, 32.

После духовных благочестие обращалось к так называемым юродивым и нищим. В каком почете были в старину юродивые, видно из того, что сам Иван Васильевич Грозный терпеливо выслушал горькие речи юродивого, приглашавшего его в пост поесть мяса, на том основании, что царь ест человеческое мясо. Кроме юродивых мужчин были также юродивые женки, ходившие со двора на двор, уважаемые хозяевами и вместе забавлявшие хозяйских детей. Иногда юродивые жили при домах, особенно при архиерейских; так, Никон, когда выезжал в дорогу, то брал с собой какого-то юродивого Василия Босого.

Вера, что подача нищему есть достойное христианское дело и ведет к спасению, порождала толпы нищенствующих на Руси. Не одни калеки и старицы, но люди здоровые прикидывались калеками. Множество нищих ходило по миру под видом монахов и монахинь и странствующих богомольцев с иконами -- просили как будто на сооружение храма, а в самом деле обманывали. В каждом зажиточном доме поношенное платье раздавалось нищим*. В больших городах на рынках каждое утро люди покупали хлеб, разрезывали на куски и бросали толпе оборванных и босых нищих, которые таким образом

выпрашивали себе дневное пропитание. Случалось, что эти самые нищие, напросивши кусков, засушивали их в печке и после продавали сухарями**, а потом снова просили. Часто дворяне и дети боярские, пострадавшие от пожара или неприятельского нашествия, просили милостыни, стыдясь заняться какою-нибудь работой. Если такому попрошаю скажут, что он здоров и может работать, дворянин обыкновенно отвечал: "Я дворянин, работать не привык; пусть за меня другие работают! Ради Христа, Пресвятые Девы и святого Николая чудотворца и всех святых, подайте милостыню бедному дворянину!" Часто такие лица, наскуча просить милостыню, переменили нищенское ремесло на воровское и разбойничье***.

* Врем., I. Домостр., 51.

** Olear., 317.

*** Petr., 314.

Вообще, прося милостыни, нищие возбуждали сострадание унижительными причетами, например: "Дайте мне и побейте меня. Дайте мне и убейте меня!" Другие читали нараспев духовные стихи жалобным голосом. Благочестивые люди приходили в умиление от этого рода песен. Между нищими вообще было множество злодеев, способных на всякие незаконные дела. В XVII веке они крали детей, уродовали их, калечили руки и ноги, выкалывали глаза, и если жертвы умирали, то их хоронили в погребах, а если переживали муку, то возили по селениям, чтоб возбуждать видом их страданий участие. Случалось, что вдруг пропадет дитя, игравшее где-нибудь на улице: его сманивали нищие, соблазняя яблоками и орехами. В XVII веке рассказывали один ужасный случай. Пропало у матери дитя. Через несколько времени в толпе нищих мать услышала жалобный крик: "Мама! мама!" Открылось, что эти нищие, числом четверо, отправляли уже семнадцать лет такую спекуляцию и много детей украли и изуродовали*. Несмотря на такие случаи, расположение к нищим от этого не охладевало. Русский, видя несчастного, который просит подаяния во имя Христа и святых, не считал себя вправе судить его, а полагал, что долг христианина помочь тому, кто просит; справедливо ли или несправедливо он просит и куда бы ни употребил то, что ему дано, -- в этом судит его Бог. На таком основании русские так же

сострадательны были к колодникам, преступникам, содержащимся в тюрьмах, которых посылали с сторожами просить милостыни для пропитания. Благочестивые люди отправляли в тюрьмы кормы и раздавали колодникам перед праздниками одежды. Сам царь в урочные святые дни, когда ради вселенских церковных воспоминаний кормили нищих и раздавали им подавание, отправлялся лично в тюрьмы к заключенным и подавал им милостыню из собственных рук. Даже иногда *тюремные сидельцы* получали сравнительно более, чем содержащиеся в богадельнях раненые воины**. Иностранцам казалось странно, что люди, наказанные кнутом, не только не отмечались народным презрением, но еще возбуждали к себе участие и внушали даже некоторого рода уважение к своим страданиям. Никто не стыдился не только ласково говорить с ними, но даже вместе с ними есть и пить***. С другой стороны, и палачи не были в презрении****; это звание отдавалось иногда торговым людям и так было выгодно, что его перебивали друг у друга. Таким образом, всеуравняющее сострадательное чувство заставляло в несчастном видеть одно несчастье и подходить к нему с добрым движением сердца, а не с осуждением.

* Mejeib., 166-167.

** Дом. Б. Р. Ц. О. З., 1853 г. Янв., 58.

*** Olear., 175.

**** Strauss, 25.

Хранение поста было для всех безусловно обязанностью. Начиная от царя и доходя до последнего бедняка, все строго держались употребления пищи по предписаниям церкви в известные времена. Великий пост и Успенский, среды и пятки соблюдались с большею строгостью, а прочие два: Петров и Рождественский (филиппово заговенье) слабее*; лицам, находящимся в супружеском союзе, не предписывается телесного воздержания в эти посты; многие благочестивые семейства в продолжение четырехдесятницы ели только в определенные недельные дни, а в другие совсем не вкушали пищи. Последние два дня перед Пасхою почти повсеместно проводились без пищи, по церковному уставу. Пост считался средством умиловливания Божия гнева и в случаях общественных бедствий, и в

частных несчастиях. В эпоху Смутного времени, в 1611 году, наложили пост на неделю: в понедельник, вторник и среду не есть ничего, а в четверг и пятницу сухоядение**. В 1650 году, по поводу съедения хлеба саранчою, наводнений, пожаров и скотского падежа, положено в Рождественский пост поститься строже обыкновенного и ходить каждый день к заутрене, литургии и вечерне***. В некоторых местах всеобщий пост налагался на жителей в предупреждение бедствий, о которых носились слухи со стороны; так, в 1668 году, по случаю разнесшейся вести о землетрясении в Шемахе, в Астрахани и Терке, наложили строгий пост. Если в какой-нибудь общине, посадской или сельской, случалась болезнь, скотский падеж, неурожай или какое-нибудь другое несчастье, жители думали избавиться от него наложением строгого поста на всех членов своей общины. Так, например, налагались обетные пятницы, то есть столько-то пятниц проводить без пищи. Другие, по благочестию, сверх установленных церковью каждонедельных постных дней -- среды и пятницы, постились постоянно по понедельникам. Но если по понятиям маломыслящего пост достаточно достигался соблюдением воздержания от пищи и неотступлением от налагаемых обычаев правил, то для истинно благочестивого наружный пост был бесполезен без дел христианской любви. В одном старинном слове "О хлебе" говорится: "Кий успех убо человеку алкати плотию, а дела разоряюще; кий успех человеку от яди воздержатися, а на блуд совокуплятися; кая убо польза немьющемуся, а нагого не одежуще. Кая польза есть плоть свою иссушающему, а не кормящему алчного; кий успех есть уды съкрушати, а вдовиц не миловати, кий успех есть самому томитися, а сирот томимых не избавляти"****. Другое поучение с такою резкостью выражается о бесплодии соблюдения наружного поста без внутреннего благочестия. Часто владыки жаловались на холодность к религии и обличали мирян в уклонении от правил Церкви. В XVI веке митрополит Макарий замечал, что в Новгородской земле простолудины не ходят в церковь, избегают причащения; а если и приходят когда-нибудь в храм, то смеются и разговаривают между собою, не показывая вовсе никакого благочестия*****. В XVII веке до сведения патриарха Филарета дошло, что в Сибири русские, сжившись с некрещеными народами, забыли даже носить на себе кресты, не хранят постных дней и

сообщаются с некрещенными женщинами*****. Некоторые русские в восточных провинциях Мосkestия: "Аще кто не пьет питья, ни мяс яст, а всяку злобу держит, то не хуже есть скота; всяк бо скот не яст мяс, ни питья пьет; аще ли кто на голе земли лежит, а зломыслит на друга, то ни тако хвалятся; скот бо постели не требует, ни постеляющего имать"*****.

* Рум. муз., рук. 359.

** А. А. э., II, 247 (337).

*** С. Г. Гр., III, 459.

**** Погод. Сборн., No 1024.

***** А. И., 1287. Доп., 1,27-30.

***** С. Г. Гр., III, 245.

***** Рум. муз., рук. No 186.

Несмотря на глубоко нравственное значение, какое вообще придавали строгому подчинению церкви, русское благочестие основывалось больше на внимании к внешним обрядам, чем на внутреннем религиозном чувстве. Духовенство почти не говорило проповедей, не было училищ, где бы юношество обучалось закону Божию.

Русские вообще редко исповедовались и причащались; даже люди набожные ограничивались исполнением этих важных обрядов только однажды в год -- в великую четырехдесятницу. Другие не исповедовались и не подходили к святым дарам по несколько лет. Притом исповедь для толпы не имела своего высокого значения: многие, чтоб избежать духовного наказания от священников, утаивали свои согрешения и после даже хвалились этим, говоря с насмешкою: "Что мы за дураки такие, что станем попу сознаваться"*. [Граждане] Московского государства, живя в наймах у татар, соблазнялись увещаниями их хозяев и принимали татарскую веру**. Коль скоро нет внутреннего благочестия, наружное соблюдается только до тех пор, пока действующие извне обстоятельства поддерживают привычку; в противном случае и самые обряды нетверды, и человек гораздо легче их нарушает, нежели как кажется, судя по той важности, какую он придает им. Сообщники Стеньки Разина ели в пост мясо, бесчинствовали во время богослужения, кощунствовали над святынею

и убили архипастыря, несмотря на его священный сан; а при Михаиле Федоровиче Иван Хворостинин, как только познакомился с литературными трудами Запада, тотчас начал вести такую жизнь, что навлек на себя укор патриарха в том, что против Светлого Воскресения был пьян, до света за два часа ел мясную еству и пил вино***.

* Mejerb., 181-182

** А. А. э., I, 436-438.

*** С. Г. Г., III, 331.

Отделенные от прочих народов, с своей особой верой, русские составили себе дурное понятие о других христианских народах, а долгое страдание под игом нехристиан укоренило в них неприязненность вообще к иноверцам. Русские считали только одних православных в целом мире христианами и в отношении веры смотрели с презрением на всех иноземцев*, хотя они мало-помалу сближались с ними, принимали начала их жизни в свою жизнь, но вместе с тем, чувствуя, что они многому должны от них учиться, вознаграждали это неприятное сознание национальным высокомерием. Греция передала нам к мусульманам свою антипатию, которая еще более усилилась на русской почве, соединившись с воспоминаниями татарского ига. Все западные христиане являлись в понятии русского под именем немцев; их признавали некрещенными**. По понятию строгого благочестия, не только дружба с немцами, но самое прикосновение к ним оскверняло православного. На этом основании, когда великие князья и цари принимали послов и допускали их к руке, то обмывали руку, чтоб стереть с нее оскверняющее прикосновение еретика***. Духовные постоянно остерегали православных от кумовства и братства с латинами и армянами**** и побуждали правительство к мерам, преграждавшим сближение с иностранцами. В 1620 году духовенство просило не допускать немцев покупать дворы и держать у себя русских людей, потому что от этих немцев бывает православным осквернение*****. Так, патриарх Никон, человек, возвысившийся по образованию над своим веком, выпросил у царя изгнание из Белого города в Москве купцов иностранной веры*****. В особенности сильна была в XVI и XVII веках ненависть к католицизму. Католическая вера называлась не иначе как еретическая,

проклятая*****, и католики считались погибшими для царствия Божия людьми*****. После Смутной эпохи ненависть эта усилилась. Русские хотя и считали нехристями протестантов, но терпели их в своем отечестве, а на католиков не могли ни смотреть, ни слышать о них, им не позволялось жить в пределах Московского государства*****. Эту ненависть поддерживали еще поступки католиков в Западной Руси и события в Малороссии, в которые втянулась Московия. Русские видели в них прямых врагов своей веры, покушающихся ее истребить. Когда царь Алексей Михайлович завоевал Вильну, то почитал себя вправе выгонять всех униатов и требовал, чтоб те, которые захотят остаться в городе, возвратились к православию*****; а когда завоеван был Могилев, то запретили католикам и евреям быть в нем чиновниками*****. Народ ненавидел также наравне с католиками и жидов*****. Ни одному жида не позволено было жить в Петербурге; а духовные и благочестивые люди остерегали народ не принимать от евреев, занимавшихся медициною, лекарств.

* Olear., 189.

** Дои., III, 250.

*** Heiberst., 83.

**** А. А. э., I, 463.

***** А. И., III, 115.

***** Библия для чтен., XV, отд. III, стр. 101.

***** Дело Башкина. А. А. э., I.- С. Г. Гр., III, 19.

***** Контор., III.

***** Olear., 317.

***** А. И., IV, 261.

***** А. И., IV, 227.

***** Olear., 317.

С неприязнью к иноземцам соединялось и отвращение ко всему, что составляло для русских достояние чужеземщины. Таким образом, русское благочестие почитало преступлением учиться наукам, искусствам или чужеземным языкам: на это смотрели как на колдовство или наваждение дьявола*. Самые вельможи обращались с иностранцами холодно и всегда старались показать, что они себя

считают выше их**. Простой народ верил, что все, что не русское, пропитано дьявольскою силою, и когда иностранцы ехали при посольстве в Москве, то мужики, увидя их, крестились и спешили запирались в свои избы, "как будто бы, -- говорит один англичанин, -- мы были зловещие птицы или какие-нибудь пугала"***; только смельчаки выходили смотреть на иноземцев, как на редкое произведение природы****.

* Crull., 143.

** Olear., 189.

*** Карл., 205.

**** Olear., 346.

Правительство хотя поддавалось постоянно невыгодному взгляду на иноземщину -- взгляду, который поддерживало духовенство, но в то же время пользовалось услугами иностранцев и привлекало их в свою страну. Этой системе следовали все государи, один за другим. Иоанн Васильевич Грозный был расположен к иностранцам, считал их открыто выше и лучше своего народа, производил себя от немецкой крови* и оправдывал перед ними свои злодеяния тем, что, по его выражению, царствовал не над людьми, а над зверьми**. При Алексее Михайловиче, несмотря на его правоверие, большая часть военных начальников была из иностранцев и, наконец, при дворе начали входить иноземные обычаи. Останавливая ненависть народа, правительство неоднократно издавало указы, чтоб народ не бранил немцев и вообще всяких иностранцев, в том числе и малороссиян, поносными словами***; а в отношении нехристианских народов, входивших в систему Русского государства, удерживало фанатизм прозелитизма, запрещая инородцев крестить насильно**** и покупать мальчиков для крещения. Время показывало, что и в народе вообще неприязнь к иноземщине не так была крепка, как чрезвычайна. Собственно в русском народе не существовало национальной неприязни к иностранцам: она была только религиозная, как к иноверцам, и потому иностранец, принявший русскую веру, пользовался всегда особенным расположением*****. Множество пленников входило в число домашних слуг*****. Таким образом, разные народности на Руси смешивались с русскою народностью,

вливая в нее чуждые элементы. В числе служилых людей повсеместно были немцы, поляки, литовцы. Сначала сближала с иноземцами торговля: в Архангельске, главном торговом пункте, браки между иностранцами и русскими женщинами сделались уже нередким исключением*****. Как ни казалась велика неприязнь ко всему польскому, в Смутное время едва только объявлено было о воцарении Владислава, многие великорусские дворяне начали в письмах своих и официальных бумагах писать полурусским языком, сбиваясь на лад западнорусской речи*****.

* Флетч., 15.

** Das Gr. Reich, von Mosc, 152-153.

*** С. Г. Гр., IV, 469.

**** А. И., IV, 109.

***** Herberst., 31.

***** А., отн. до ю. б., I, 556.

***** Доп., V, 285.

***** А. И., II, 357.

Опубликовано: Собрание сочинений Н.И. Костомарова в 8 книгах, 21 т. Исторические монографии и исследования. СПб., Типография М.М.Стасюлевича, 1904. Кн. 8, Т. 19, С. 3-175.